Альберт Кайков

По жизни с друзьями

Альберт Кайков

ПО ЖИЗНИ С ДРУЗЬЯМИ

Рассказы

Новосибирск 2012

ББК 84(2Рос-Рус)

К14 **Кайков А.С.**
По жизни с друзьями. Рассказы. Редакционно-издательский центр «Светоч». Правления Новосибирской областной общественной организации «Общество книголюбов» - г. Новосибирск, 2012г.

Кайков А.С., 2012г.
Редакционно-издательский центр «Светоч»
Правления Новосибирской организации
«Общество книголюбов», 2012г.

ПО ЖИЗНИ С ДРУЗЬЯМИ
Рассказы

Восьмиклассники

В Новосибирск на жительство наша семья приехала в первых числах сентября. Мама хотела пойти со мной в школу, познакомиться с учителями и объяснить причину моего опоздания к началу учебного года. Я запротестовал:

- Мне будет стыдно, что меня мама приведет за ручку учиться в восьмой класс. Дорогу в школу я смогу найти самостоятельно.

- Пусть будет по твоему, - согласилась мама, - бери документы и отправляйся в школу пораньше, чтобы успеть до звонка зайти к директору.

Ближайшая школа находилась на улице 1905 года. Я иду по незнакомой улице, рассматриваю частные дома по обе стороны пыльной дороги. На душе было тревожно: как меня встретит директор, как воспримут ученики и вообще, как сложится моя дальнейшая жизнь. Внезапно с левой стороны увидел зеленый сквер. Он выделялся как оазис среди серой деревянной застройки. За густыми зарослями возвышались купола церкви. Прямо передо мной, на углу сквера, стояло кирпичное двухэтажное красивое здание школы. Подойдя к дверям, я прочитал на красном фоне вывеску: «Общеобразовательная средняя женская школа № 9». В те времена обучение в школах было раздельное. Меня охватило беспокойство: неужели соседи пошутили и отправили в женскую школу. Спутать меня с девочкой вряд ли они могли. Пришлось спросить у прохожего, где находится мужская школа. Она оказалась на этой же улице через квартал.

Кабинет директора школы располагался на первом этаже. Войдя в него, я оказался в маленькой узкой комнате. За столом сидел молодой мужчина. Это был директор школы Иван Григорьевич Богданов. Изложив свою просьбу, я положил перед ним свои документы. Мельком посмотрев табель, полистав другие документы, он стал внимательным, строгим взглядом изучать меня. Мне показалось, что он хочет по выражению лица прочитать всю мою биографию, поэтому я сделал отвлеченное, безразличное выражение лица. Иван Григорьевич продолжал сверлить меня своим взглядом. У него были строгие, ко-

лючие глаза. На лице выделялся крупный нос, сжатые губы казались узкими, волосы зачесаны назад. Наконец, твердым, как сталь голосом, произнес:

- В каком классе сидел два года?
- Я не сидел по два года.
- По возрасту ты должен быть в девятом классе.
- У меня пропал один год во время войны.
- Почему пропал?
- Я был на оккупированной территории.
- Где проживал в это время?
- В Краснодарском крае, в городе Анапа.

Выражение его глаз сменилось со строгого на мрачно – задумчивое. Немного подумав, он сказал:

- Пойдем в класс. У меня в твоем классе урок физики.

Когда мы поднимались на второй этаж, я заметил, что у него вместо одной ноги протез. Ему приходилось держаться за поручень и наклоняться в одну сторону, чтобы поставить ногу с протезом на очередную ступеньку.

Войдя в класс, он подождал, пока все встанут и успокоятся. Затем твердым голосом сообщил:

- Прошу любить и жаловать, наш новый ученик.

Свободное место нашлось в третьем ряду, и я отправился к нему. Иван Григорьевич сел за стол, открыл журнал и произнес:

- Так, кого мы сегодня спросим?

В классе установилась тишина, никто не поднимал руку, чтобы идти отвечать урок.

- Надо бы спросить Рябышева, – продолжал он, - вчера было воскресенье, он, наверное, был на охоте, уроки не выучил. У него больше всех оценок, правда, из пары оценок, первая двойка, вторая четверка. Двойки получал по понедельникам. По закономерности сегодня должна быть двойка. Рудик, был вчера на охоте? – обратился он к Рябышеву.

- Был!
- Урок выучил?
- Учил.
- Вы смотрите, какой дипломат, как ловко отвечает: учил, а не выучил.

Иван Григорьевич вызвал к доске другого ученика. Мое сердце чаще заколотилось, я радовался тому, что в классе есть охотник, мне надо с ним познакомиться. С нетерпением дождался перемены и, подойдя к нему, сказал:

- Давай познакомимся, я тоже охотник. Мы недавно приехали в город, и я не знаю мест охоты. Мое имя Алик.

- Рудик, - сказал он и протянул руку.

Так состоялось наше знакомство, которое переросло в крепкую дружбу, длившуюся более пятидесяти лет. Он был выше среднего роста, крепкого телосложения. В глазах виделась веселая хитринка. Кучерявые волосы густой шапкой покрывали его голову. Быстро растущие волосы доставляли ему немало хлопот. В то время в школе требовали, чтобы ребята были коротко подстрижены. Я подстригался не чаще одного раза в месяц. У Рудика через не-

делю отрастала густая шевелюра. Классный руководитель, Ольга Николаевна, придя на урок, первым делом задавала ему вопрос:

- Рябышев, когда подстрижешься?
- Я подстригался на прошлой неделе.
- Почему тогда на голове такая копна?
- Наверное, потому, что волосы растут.
- Завтра не приходи в школу лохматым.

Мы учились в мужской школе, требования к внешнему виду и поведению ребят были высокими. . .

- Никому в школе не говори, что ты охотник, ко мне больше не подходи, поговорим после уроков, по дороге домой, - продолжал разговор Рудик.

После окончания уроков я дождался его около школы, и мы пошли по улице Бурлинской в сторону его дома.

- Зачем нам нужна такая конспирация? – спросил я.
- Разве ты не понял, что происходило на уроке физики? – удивился он.
- Что произошло? Я не заметил происшествий.
- В нашей школе очень не любят охотников и рыбаков. Зная, что в воскресенье нет времени учить уроки, обязательно спрашивают по понедельникам. Так что, если не хочешь попасть в немилость и получать двойки, не подходи ко мне на переменах, будем общаться после уроков.

После обмена мнениями по поводу охоты и ружей, Рудик спросил:

- У тебя есть охотбилет?
- Нет.

Я понятия не имел, что каждый охотник должен иметь охотничий билет.

- Завтра клубный день в охотколлективе «Спартак». После уроков пойдем туда вместе. Тебе необходимо вступить в общество охотников.

Небольшое деревянное здание клуба охотников находилось на территории спортивного комплекса «Спартак», на месте современного бассейна. Когда мы вошли в клуб, я был немало удивлен. На стенах висели чучела различных уток, тетеревов, рябчиков, куропаток, глухаря. Рога лося, марала, косуль вызывали мое восхищение. Я не мог себе представить, что можно охотиться на такую дичь. Красочные стенгазеты притягивали к себе мой взор. На маленьком столике были разложены машинописные журналы «На Уень реке». Позже я узнал, что редактором журнала был писатель Кондратий Никмфорович Урманов, а художником - архитектор Георгий Карчевский. За столом сидел председатель охотничьего коллектива Аркадий Степанович Хорошков. Он за руку поздоровался с Рудиком и протянул мне руку. Такого демократичного отношения, как с равным, я еще не встречал.

Узнав цель моего появления в клубе, Аркадий Степанович протянул мне лист бумаги и маленькую книжицу.

- Напиши заявление о приеме в общество охотников. Когда выучишь охотничий минимум, скажешь мне. По пятницам прием экзаменов.

Перед экзаменом я волновался больше, чем перед экзаменами в школе, хотя охотничий минимум выучил досконально. Для меня было много откры-

тий. Я узнал, что на охоте нельзя подходить к людям с заряженным ружьем, нельзя направлять ствол ружья на человека, даже если ружье разряжено, нельзя стрелять по невидимой цели и многое другое. Меня всегда удивляло: почему ствол ружья двенадцатого калибра имеет диаметр больше, чем у ружья шестнадцатого. Теперь я узнал, что калибр ружья определяется количеством пуль, которые можно изготовить из фунта свинца для данного ружья.

Экзамен принимали три пожилых охотника. Старшим был охотник высокого роста, с большим орлиным носом на морщинистом лице. Я на всю жизнь запомнил его странную фамилию: Баньолеси. После окончания экзамена, он написал резолюцию на моем заявлении: экзамен принят.

Через неделю я получил охотничий билет, в котором было написано, что я имею право охотиться на всей территории Советского Союза, за исключением заповедников и заказников. В охотбилет были вписаны марка и номер моего ружья. На этом заканчивалась регистрация оружия в те времена. Я храню этот билет более шестидесяти лет. Кроме охотничьего билета, мне было выдано маленькое красное удостоверение с эмблемой общества «Спартак». По этому удостоверению я беспрепятственно проходил на стадион и стал заядлым футбольным болельщиком за команду «Спартак». . .

В пятницу, во время большой перемены, когда большинство ребят бегали с мячом по баскетбольной площадке, ко мне подошел Рудик и, между прочим, сказал:

- Завтра мы едем на охоту на уток, поедешь с нами?

- Конечно, поеду, - обрадовался я.

Исполнялось мое желание – увидеть охотничьи угодья, принять участие в охоте. Для меня не имело значения с кем ехать, куда ехать, лишь бы только ехать на охоту, поэтому я не задавал вопросов.

- Сегодня вечером приноси ко мне домой свое ружье и вещи. Моторка от Чернышевской пристани отходит в два часа дня, нам надо успеть после уроков зайти ко мне переодеться и добежать до пристани.

- У нас же завтра в час дня классное собрание. Мы не успеем на пристань, - удивился я.

- Придется сбежать. Классный час не сорвется без нас.

Последние уроки прошли у меня под впечатлением разговора с Рудиком: я был невнимательным, думал, что взять с собой на охоту, сколько взять патронов. В мечтах я уже стрелял по уткам.

Домой, после уроков, летел, как на крыльях. На остановке трамвая Бурлинская запрыгнул на «колбасу» трамвая. Колбасой называлась деталь трамвая, выступающая сзади для сцепления вагонов. Держась руками за ограждение заднего окна трамвая, думал:

- Почему сегодня трамвай идет так медленно?

Третий номер трамвая ходил по улице Гоголя от вокзала до сада Дзержинского. Доехав до остановки Ипподромская, помчался вдоль забора. За забором проходили бега, через щели деревянного забора было видно мелькание лошадей, запряженных в коляски. В этот день меня бега не интересовали.

2

В субботу, после последнего урока, я положил тетради за пазуху и вышел из школы. За углом квартала меня уже ждал Рудик. Радость предстоящей охоты омрачалась беспокойством о пропуске классного часа. Я впервые сбегал из школы. Постепенно, в хлопотах и заботах, на время о школе забыл. Мы шли по тротуару, заросшему спорышем, вдоль частной застройки. Карнизы и окна домов были украшены резьбой по дереву, около всех домов были высокие заборы с калитками и воротами. Тополя, посаженные около тротуара, бросали на нас тень, закрывая от теплых, ласковых лучей осеннего солнца. По пыльной дороге ходили куры, лошадь везла бочку с бардой, жители с ведрами выходили из дворов к ней навстречу. Отходами винного производства - бардой откармливали свиней. Вот таким был облик послевоенного Новосибирска. Сегодня на этом месте стоят высокие панельные дома. . .

Мария Павловна, мать Рудика, накормила нас борщом. Ели мы, торопясь, почти не жуя пищу. Переодевшись в старую, видавшую виды охотничью одежду, надев на ноги растоптанные ботинки, я закинул на плечи ружье и зеленый отцовский фронтовой рюкзак, в котором лежали плащ-палатка, противоипритные чуни, патроны и провиант. Рудик торопил меня: времени было в обрез. Почти бегом мы пронеслись мимо вокзала, через туннель под железной дорогой и по крутому Чернышевскому спуску - на пристань. Около пристани через Обь был наведен понтонный мост, по которому изредка проходили грузовые автомашины. До отхода моторки оставались считанные минуты, я с облегчением вздохнул – мы не опоздали. На дебаркадере нас ожидал Арнольд Атавин. Он был на год старше меня, белобрысый, с пухлыми губами и небольшим шрамом на щеке. Познакомив нас, Рудик сказал, что Арнольд живет на одной с ним улице, учился в одном с ним классе, но ушел из школы после седьмого класса. Меня не удивило его имя. В начале тридцатых годов прошлого века, после заключения мирного договора с Германией было модно давать детям немецкие имена. В нашем классе учились Адольф Пархоменко, Герман Мелихов и другие ребята с иностранными именами. С началом войны я стал стесняться своего имени и всегда представлялся Аликом. В те годы самым оскорбительным прозвищем было имя Фриц, так как всех фашистов называли Фрицами.

Купив билеты, мы прошли на корму моторки, заваленную березовыми дровами, и очень удобно, на наш взгляд, разместились на дровах. Нам предстояло плыть больше часа до Кудряшевского бора. В то время по Оби ходили моторки, в топках которых сжигались дрова. На корме то и дело из люка появлялся кочегар, набирал охапку дров и исчезал в трюме. Он не мешал нам любоваться просторами огромной реки, несущей массу воды в океан Моторка медленно развернулась у причала и двинулась вниз по течению. Лопасти колес моторки глухо шлепали по воде. Я впервые видел просторы Оби и берег со стороны реки. Правый высокий берег был застроен трущобами, всюду на отмели лежали лодки. Заметив мое пристальное внимание к берегу, Рудик сказал, что за самовольную застройку этот район называется Нахаловкой. Левый, низкий берег, утопал в зелени. Вблизи берега, на мелководье, с криком носились чайки. Они постоянно хватали из воды мелкую рыбешку,

проглотив ее, вновь бросались в атаку. На их крик спешили другие чайки, чтобы не опоздать к обеду.

Начиналась первая волна осеннего перелета птиц. Низко над водой иногда проносились табунки уток, они часто – часто махали крыльями, словно торопились подальше улететь от надвигающейся осени с ее ветрами и холодами. Высоко в голубом небе, как корабли, выстроившись в клин, проплывали гуси. Моторка проходила мимо большого острова, на правом высоком берегу реки был виден Заельцовский бор, левый берег весь зарос тальниками. Мои наблюдения прервал голос Арнольда. Он рассказывал о своей охоте на Толмачевских болотах. Жестикулируя руками, показывал, как из неудобного положения сбил летящую утку, которая упала в болото. Пробираясь к ней по кочкам, провалился в трясину и только благодаря палке, которую предусмотрительно взял с собой, с трудом из нее выбрался. Не менее поучительный для меня случай рассказал Рудик. Время пролетело незаметно, моторка подходила к дебаркадеру пристани Кудряшевский бор.

. . .В дальнейшем я подружился с Арнольдом, и он стал постоянным моим спутником на охоты до конца его жизни. Он был болен охотой. Поговорку – шутку: «Если учеба мешает охоте, брось учебу», он понял в прямом смысле. Неоднократно уезжал на несколько дней на охоту, пропуская уроки, сильно запустил учебу, и его отчислили из школы после седьмого класса. Родители заставили поступить учиться в вечернюю школу. Его отец преподавал на кафедре химии в институте водного транспорта. Чтобы отвлечь сына от охоты и друзей охотников, он перевелся работать в Иркутск, где Арнольд окончил институт и вернулся работать в Новосибирск. . .

Моторка пришвартовалась к дебаркадеру, на котором ее ожидала толпа грибников. У всех были корзины с груздями. Стояли последние дни бабьего лета, солнце ярко светило, но уже слабо грело. Мы сошли по узкому трапу на песчаный берег и по проселочной дороге направились через сосновый бор. В те годы автомобильной связи с Кудряшевским бором не было. Он находился на острове. С востока его омывала Обь, на западе располагалась система озер и болот, на юге остров от материка отделяло озеро Кривое, которое соединялось с Обью, на севере протекала река Чаус.

Дорога была узкой, по обе стороны стеной стояли огромные сосны, их вершины смыкались над головой. На дороге и стволах деревьев играли тысячи зайчиков от лучей солнца, проникающих через густые кроны сосен. Около дороги попадались темно-зеленые ковры брусничника и черничника. Воздух был насыщен приятным ароматом хвои и лесных растений. Я был очарован окружающей красотой, мне казалось, что я попал в сказку и скоро увижу избушку на курьих ножках. Чем дальше мы продвигались по лесу, тем больше открытий я делал для себя. С одной из сосен неслись звуки морзянки, которую отбивал крупный дятел в черном одеянии, как кардинал, с ярко красными перьями на голове. Неожиданно дорогу перебежал бурундук, заскочил на ствол сосны и стал наблюдать за нами, словно соображая: стоит ли ему убегать от нас выше по стволу дерева. Вот в конце просеки появился просвет,

бор закончился, все пространство перед бором, заросшее тальниками, вербой, красноталом было залито солнечным светом.

На кромке бора стояла охотничье – рыболовная база. Два небольших домика и навес для лодок, казалось, прислонились к бору. Невдалеке, около зарослей тальника, поблескивал на солнце небольшой плес. Нас, как своих родных детей, встретила заведующая базой Екатерина Васильевна Мелихова. Она записала наше прибытие в журнал, оставила у себя охотничьи билеты, выдала карточки отстрела и долбленые из толстого дерева лодки - обласки, на которых предстояло плыть к месту охоты. Мы донесли лодки до воды и сплавились по вырытому каналу в озеро Кривое. Эти лодки напоминали индийские пироги, были очень узкие и верткие. Грести надо было одним веслом. Я никогда не плавал на таких лодках. Рудик и Арнольд ловко гребли веслами с одного борта, и их лодки двигались в прямом направлении. Моя лодка виляла из стороны в сторону, приходилось грести поочередно с каждого борта, чтобы плыть в нужном направлении. Наблюдая за движением рук и весел своих товарищей, я постепенно освоил искусство гребли одним веслом с одной стороны лодки.

Местом охоты было выбрано большое болото, с множеством плес, на противоположном берегу озера Кривого. Эта местность называлась Мочажиной. Мы перетащили свои лодки по узкой тропе через заросли тальника и оказались на берегу довольно большого водоема. Лодки приятелей спустили на воду, мою спрятали в кустах. Ребята помогли мне сделать скрадок. Нарубили веток тальника, воткнули их у уреза воды, среди осоки, нарезали камыша и замаскировали им мое укрытие. Я принес из лодки беседку, уселся на нее и согнул камышинки, чтобы удобно было осматривать окрестность. Мои приятели поставили невдалеке четыре деревянных чучела уток и уплыли подыскивать себе места для охоты. С моего плеса были проходы через редкие камыши на другие плеса. Оставшись один, я стал осматриваться. По периметру водяное зеркало заросло высоким камышом, вода была подернута ряской, на ее тихой поверхности дремали листья кувшинок. Я, как зачарованный, смотрел на эту удивительную поверхность воды и думал, что в воде есть своя жизнь. Там наверняка есть личинки комаров и стрекоз. Если в этом месте водится рыба, она охотится за этими личинками более успешно, чем я сейчас за утками. Меня окружало зеленое царство тальников, осоки, камыша. Я чувствовал себя частицей этого удивительного мира, впитывал в себя тепло осеннего солнца и все прелести окружающей меня природы. «Какое счастье все это видеть! Как люди могут жить в городе, не выезжая на природу?», - думал я. Каждый шорох, каждое движение привлекали мой слух и взгляд. Вот перед моим лицом на лист камыша уселась тоненькая, изящная голубая стрекоза. Ее выпуклые глаза были больше головы. Она не боялась меня, словно зная, что я не причиню ей вреда. Таких стрекоз мы называли коромысликом. Над водой носились ласточки, выписывая сложные виражи, видимо, гоняясь за насекомыми. Иногда в стороне пролетали утки. В небе парила скопа, выискивая свою жертву. Мне хотелось узнать, какая ей нужна добыча, но она ни разу не спустилась со своей высоты. Мое радостное на-

строение испортилось, когда я вспомнил, что сбежал из школы и пропустил классный час.

Солнце клонилось к закату, в его лучах зелень имела множество оттенков. Даже гладь воды казалась зеленой. Я радовался и удивлялся окружающей меня красотой. Это был неизвестный для меня ранее мир. Я чувствовал, что в камышах и зарослях тальника происходит своя жизнь, слышал шорохи и всплески воды. Вот кто-то с шумом и треском пробирался через камыши и кустарники. Меня охватило беспокойство. Сидя в укрытии, сжимал в руке ружье и вглядывался в сторону удаляющегося шума. Над плесом и надо мной иногда пролетали утки, но я не успевал вскинуть ружье и с сожалением провожал их взглядом. В другом конце Мочажины слышались редкие выстрелы. Комары без предупреждения, бесшумно садились на мое лицо. Приходилось постоянно их наказывать, нанося себе удары по лицу.

Постепенно солнце спряталось за горизонт, исчезли яркие краски, все предметы стали серыми. Вдали прокричала выпь, извещая, что вечерняя зорька закончилась. Вскоре послышались всплески весел и ко мне подплыли Рудик и Арнольд.

- Кого убил?- весело спросил Рудик.
- Только комаров,- ответил я.
- Сколько?
- Не считал.
- Следующий раз считай.

Место для ночлега мы облюбовали около копны сена. Развели костер, приготовили чай, заваренный веточками черной смородины и корнем шиповника, на плащ-палатку выложили свои незатейливые продукты и начали трапезу.

Из разговоров у костра я узнал, что наступил «мертвый сезон»: большинство местных уток улетело, а северные утки еще не прилетели. Арнольд видел двух косуль, которые убежали по кустам в сторону озера Каменного.

Я не имел опыта устраивать ночлег под открытым небом, поэтому полностью положился на своих новых друзей и старался во всем помогать им. Мы надергали сена из стога, устроили мягкую постель, накрыли плащ-палаткой, сверху палатки наложили сена. Втроем залезли под плащ-палатку и оказались в мягкой душистой постели. Я лежал и смотрел в чистое ясное небо усыпанное множеством звезд. Вдыхая аромат свежего сена, слышал мерное дыхание своих друзей. Вокруг ни звука. На душе было радостно и спокойно. «Как мне повезло!- подумал я.- Встретить друзей-охотников, быть на природе, видеть незабываемые красоты, спать под звездным небом».

Ковш Большой Медведицы сделал четверть оборота вокруг Полярной Звезды, а я все еще не мог уснуть, думал о прошедшем и завтрашнем дне.

Во сне я видел летящих уток, стрелял по ним, но звука выстрела не было слышно, и утки улетали. Проснулся от толчка в бок.

- Пора вставать, надо разжигать костер. До рассвета должны быть на своих местах,- просыпаясь, я слышал голос Рудика…

Я стоял в своем скрадке. Утро было прохладное, звезды исчезли с небосвода, густая темнота не позволяла даже увидеть чучела на воде. Вскоре на восходе появилась светлая полоса неба, затем она окрасилась в розовый цвет, постепенно переходя в ярко-красный. Когда из-за горизонта показался краешек солнца, ярким пламенем запылала утренняя заря. Природа начала оживать от ночного сна. В камышах слышалось хлюпанье и кряканье утки, на кромку камыша вышла маленькая черная болотная курочка, в тальниковых зарослях пересвистывались какие-то пичуги. Над болотом пролетел табун уток и опустился на озеро Каменное. Пришлось присесть на беседку, чтобы не быть пугалом.

Мое внимание привлекли чучела, их стало пять. Все были неподвижны и походили друг на друга. Я пересчитал их несколько раз. «Наверное, ребята утром поставили мне еще одно чучело», - подумал я и стал смотреть по сторонам в надежде увидеть подлетающих уток. Боковым зрением заметил, что одно чучело стало медленно удаляться от остальных. Не мешкая, вскинул ружье к плечу, прицелился и выстрелил. Утка осталась на воде. Это была первая добытая мной утка. Радости и удовлетворения я не испытал, скорее была досада, что добыл ее таким способом. Над Мочажиной стали пролетать утки. Я, как и вчера, не успевал вскинуть ружье и выстрелить влет. Вот к моим чучелам направился табун чирков. Я присел, ожидая, что они сядут около чучел, но чирки, издавая свист крыльями, пронеслись мимо. Сопровождая табун взглядом, заметил, что чирки, сделав круг над угодьями, вновь направились к чучелам и опять со свистом пролетели мимо. Когда табун сделал третий разворот, я прицелился над чучелами и стал ждать его приближения. В момент пролета первого чирка против ствола ружья, выстрелил. К моему удивлению, из табуна выпали два чирка, которые летели последними в табуне. Сердце радостно забилось, домой приеду не с пустыми руками.

Зорька закончилась, утки перестали летать. Ко мне подплыли приятели. Собирая мои чучела и уток, Арнольд спросил:

- Алик, ты стрелял два раза. Почему на воде лежат три утки?
- Надо уметь стрелять! - с гордостью ответил я.
- Не хвастайся, у нас добычи больше, – ответил он.
- Давайте перетащим лодки на озеро Кривое и порыбачим, – предложил Рудик.

Сказано – сделано…

- Я не предполагал рыбачить, у меня нет удочек, – сказал я.
- Есть запасные,- ответил Рудик, - и протянул мне подергушку.

В моих руках впервые оказалась удочка с очень коротким удилищем, на котором была намотана леска с крупной окуневой блесной. . .

Мы сидим в лодках на озере, которое протянулось на многие километры от Оби в сторону Колывани. В одной руке у меня весло, опущенное в воду, которым удерживаю лодку в нужном месте, другой рукой непрерывно дергаю подергушкой. Легкий ветерок пытается направить лодку к берегу, поэтому приходится постоянно работать веслом.

Весной озеро проточное. Вода из Оби проходит по нему и другим озерам, очищая их от растительности, и впадает в реку Чаус под Колыванью. Его берега высокие, песчаные поросли трудно проходимыми кустарниками ивы и тальника. На затопленные луга и кустарники устремляется масса рыбы на икромет. Когда вода спадает, в озере остается много рыбы.

Приятели часто выдергивали из воды окуней, у меня не было ни одной поклевки.

- Подплыви ближе,- крикнул Рудик,- здесь яма.

На новом месте я сразу же почувствовал удар по блесне, рука непроизвольно сделала подсечку и леску задергала рыба. Выдернув окуня в лодку, я долго не мог снять его с блесны. Он подпрыгивал, не давался взять в руку, уколол мне палец колючкой плавника. Мне стало жаль его – он боролся за свою жизнь, но первобытное чувство добытчика не позволило отпустить его в воду. Окуни набрасывались на блесну, как голодные волки на падаль, были очень красивы нарядом, но колючки были с ядом. Иногда крючок блесны приходилось вынимать не изо рта, а из жабры, глаза или бока окуня. Меня это удивляло, но размышлять об этом феномене, не было времени. При одной подсечке что-то серьезное на другом конце лески тянуло мою удочку, пригибало руку к воде, сопротивлялось и не хотело идти к лодке. Меня пронзило, как током, в теле появилась дрожь. Мелькнула мысль: «Поймал крупную рыбину, только бы не порвала леску, надо ее помучить, прежде чем вытаскивать в лодку».

Я несколько раз подтягивал рыбину на полводы, затем давал ей возможность уйти ко дну. Когда я решился вытащить добычу в лодку, то был сильно разочарован. На блесне оказался обычный окунь весом граммов двести. Крючок впился ему в хвост. Скоро дно лодки было усыпано красавцами окунями с яркими красными плавниками и темными полосами поперек, напоминающими тельняшки матросов. Намучился я с ними чуть не до слез, исколол в азарте обе руки. Душу переполняла радость: домой вернусь с хорошей добычей. Ради такой добычи можно вытерпеть не только уколы рыбьих колючек.

. . .Много позже я узнал причину необычного клева окуней. Зимой со льда решил посмотреть в лунку и узнать, что происходит подо льдом. Улегся на лед, прикрыл лунку от света одной рукавицей и стал всматриваться в воду. У дна стояли окуни. Я потянул блесну вверх, они не реагировали. Когда блесна стала падать ко дну, в силу своей выгнутой формы она описывала виражи. Несколько окуней устремились за ней. Блесна ударилась о дно и взмутила вокруг себя воду. Окуни окружили это место в ожидании, что из мути появится рыбешка. В это время я дернул подергушку и крючок блесны вонзился окуню около рта. . .

По песчаной отмели против нас ходил мужчина и рыбачил на спиннинг. Блесна его спиннинга иногда падала в воду недалеко от наших лодок.

Солнце поднялось высоко, залило своими лучами прибрежные тальники, песчаная отмель сияла золотом в его лучах, легкий ветерок рябил поверхность озера, и она напоминала рыбью чешую. Рыба перестала клевать, муж-

чина на берегу давно развел костер и колдовал около него. Мы причалили лодки недалеко от костра. Рудик и Арнольд подошли к костру и поздоровались с мужчиной. Я понял, что они были знакомы, и направился следом за ними.

-Прошу к моему шалашу, берите свои ложки и присаживайтесь к костру, уха уже готова, - сказал мужчина.

Мои приятели не заставили себя долго ждать, присели около котелка. У меня ложки не было, и я стоял, вдыхая аромат ухи из свежей рыбы.

-А ты почему стоишь? – обратился ко мне мужчина.

- У меня нет ложки.

- Молодой человек, запомни на всю жизнь, когда едешь на рыбалку можешь не брать с собой продукты, но ложка всегда должна быть с тобой. У любого костра тебя накормят ухой. Быстро беги на базу и попроси у Екатерины Васильевны ложку.

Я помчался со скоростью мне доступной. До базы было метров двести. Преодолев их за считанные минуты, взял на базе алюминиевую ложку, полетел назад с не меньшей скоростью. Запах ухи придавал мне силы. Шел третий год после окончания войны, питание дома было очень скромным, с собой на охоту я взял только хлеб и хлебную колбасу.

- Быстро ты сбегал, видно, сильно проголодался, - с улыбкой сказал Рудик.

Уха была горячей, ароматной, необыкновенного вкуса. Я обжигал губы своей ложкой. У всех были деревянные ложки, и они спокойно ими орудовали. Окуней выложили на листья лопуха. К моему удивлению они были в чешуе. Мне хотелось взять окуня и есть его, запивая ухой, но не знал как есть рыбу в чешуе. Пришлось ждать, когда кто-нибудь займется рыбой. Арнольд первым взял окуня, положил его на ладонь левой руки, вынул спинной плавник и ловко снял чешую вместе со шкурой. Мне не хотелось пачкать руки рыбой, и я стал ложкой снимать чешую. Снималась узкая полоска чешуи, шкура рвалась, часть чешуи оставалась на рыбе.

- У нас так рыбу не едят, - сказал Рудик,- учись пока я живой.

В его руках окунь быстро оказался очищенным, и он, прищурив глаза, стал с удовольствием его есть.

Для меня был хороший урок. Я купил себе деревянную ложку и ни когда с ней не расставался. Научился готовить уху. Главные условия для ухи: рыба должна быть свежей, лучше живой, окуней и ершей не чистят.

Рыбака, который преподал мне этот урок, звали Кондратий Никифорович Урманов. Ребята его хорошо знали, и между ними велся непринужденный разговор, как между равными.

- Ваша рыба крупнее, чем у нас, - сказал Рудик, протягивая руку за очередным окунем.

- У меня блесна крупнее, мелкой рыбе она не по зубам. За моей блесной вдогонку бросается хищник, который надеется на свои силы. Вот щука сегодня ни одна не польстилась на мою приманку.

- Много вы сегодня поймали рыбы? – вмешался я в разговор.

- Я поймал ровно столько, сколько мне надо на уху, чтобы угостить вас.

Такой ответ меня озадачил, мы рыбачили, пока был клев. Каждому хотелось привезти домой побольше рыбы.

- Завтра поплыву к первым воротам, там должны клевать щуки. Хочется сразиться с достойным противником. Если клева не будет, перетащу лодку через гриву на озеро Подстанки. Там необъятный простор для рыбалки и охоты, - продолжал разговор Кондратий Никифорович.
- Разве на озере есть ворота? – удивился я.
- Воротами называются изгибы озера, там глубокие ямы, в которых водятся щуки.
- Там водятся не только щуки, мне однажды на блесну попались два крупных налима, - сказал Рудик.

Я, как губка, впитывал в себя новые названия, завидовал Кондратию Никифоровичу - ему не надо спешить домой. Мне хотелось увидеть первые ворота, озеро Подстанки, проплыть по озеру Кривому и изучить его окрестности.

Простившись с гостеприимным рыбаком, поблагодарив его за вкусную уху, мы поплыли на базу. . .

Около навеса для лодок стояло корыто и несколько ведер с груздями, залитыми водой. Мне не приходилось видеть такое количество грибов, и я, присев около корыта, стал их разглядывать. Это были сухие грузди средней величины - одного размера, как калиброванные. Внезапно кто - то оказался у меня на спине и больно ударил по голове. Я резко поднялся и хотел схватить обидчика, но не успел. От меня убегал крупный красивый петух. Он гордо держал голову и что-то рассказывал курам о своем подвиге. Мне захотелось запустить в него камнем или палкой, но поблизости ничего не оказалось. Рудик и Арнольд закатывались от смеха. Увидев мой блуждающий взгляд по земле, Рудик закричал: «Грибом, грибом в него запусти. Куры любят грибы».

- Это тебе крещение. Петух нападает на всех новичков, нельзя к нему поворачиваться спиной, - сквозь смех произнес Арнольд.

Мне было не до смеха, голова болела, из пробитой клювом раны сочилась кровь. . .

Екатерина Васильевна, увидев наш улов, предложила: «Ребята, зачем вам вести всю рыбу свежей, в такую погоду она долго не сохранится, закоптите часть рыбы».

- Мы ее не посолили, чтобы коптить, - сказал Арнольд.

- Это поправимо. Насыпьте под жабры соли, и она просолится во время копчения, соль я вам сейчас принесу, - ответила Екатерина Васильевна.

Невдалеке от домов было место для костра. Рядом стояли два металлических ящика. Я внимательно следил за приготовлением к копчению рыбы. Приятели положили на дно ящика сухие ветки тальника, на вынутые из ящика металлические сетки рядами уложили окуней, установили сетки в ящик и плотно закрыли его крышкой. Под ящиком, подвешенным на металлических тычках, развели костер.

- Теперь следи за костром, - обратился ко мне Рудик, - как только из-под крышки повалит дым, засекай время. Через двадцать минут рыба будет готова.

Окуни горячего копчения оказались необыкновенно вкусными. Съев по паре окуней, мы начали собираться домой. Екатерина Васильевна подарила мне корзинку, которая вошла в рюкзак. На дно я положил свежую рыбу, прикрыл ее листьями лопуха, на которые аккуратно уложил копченых окуней и уток.
- Алик, ты уток понесешь в рюкзаке? – обратился ко мне Арнольд.
- Конечно, а как надо?
- Я всегда вешаю уток на рюкзак для показухи. . .

Мы идем по бору, спешим на шестичасовую моторку. Рюкзак приятно давит мои плечи. Если бы он был тяжелее, то такой груз не был бы в тягость. Каждый думает о своем. Я обдумываю, как буду паять блесны к следующей поездке, где во дворе разведу костер. Паяльник придется попросить у соседа. Представляю, как обрадуются мои домочадцы, увидев мою добычу, как я буду показывать брату и сестре нехитрый прием снятия чешуи с окуней. По их выражению лица определю: понравилась ли им копченая рыба. . .

К дому подходил, когда солнце готовилось спрятаться за горизонт. Тень от деревьев, растущих вдоль тротуара, пересекала улицу. Около дома соседей на лавочке сидели женщины и о чем-то судачили. Приосанившись, сделав бодрый вид, поздоровался. Женщины ответили на приветствие, никто не обратил внимания на мой рюкзак. Когда я шел по улицам с Арнольдом и Рудиком, многие встречные оборачивались и восхищались утками на рюкзаках моих приятелей. Решил впредь всегда уток вешать на рюкзак.

3

Во дворе меня встретил Рекс. В знак приветствия вилял хвостом и лизал руки. Около его миски копошились куры, он никогда не трогал своих кур. Они это понимали и всегда склевывали остатки его еды.

Мы жили в небольшом домике по улице Партизанской. В доме была одна большая комната, (так мы ее называли). Она имела два небольших окна, выходящих на улицу, перед которыми в палисаднике росли черемуха и сирень. Кроме этой комнаты были спальня и кухня. С предчувствием радости встречи я переступил порог. Вся семья была в сборе. Бабушка всплеснула руками и произнесла: «Слава Богу, наконец, вернулся, я Бог знает, что передумала». Мама вторила ей: «Алик, когда ты будешь учить уроки, скоро надо ложиться спать». Мое хорошее настроение испортилось, рюкзак показался очень тяжелым, я снял его и положил на пол. Брат Гена вмиг оказался рядом и начал развязывать его со словами: «Сейчас посмотрим, что принес охотник». Он извлек из рюкзака трех уток. Они не произвели впечатления. Когда достал корзинку с рыбой, удивлению не было предела. Аромат копченой рыбы распространился по комнате. «Копченая рыба не ловится, он, наверное, купил ее», - произнесла сестренка Нина.

-Ты сначала попробуй, потом будешь судить: ловится или не ловится, - ответил я, протягивая сестренке очищенного окуня. Рыба всем понравилась. У бабушки появилась забота: как сохранить свежую рыбу. В то время холодильников не было. Мое настроение улучшилось, захотелось пить. Подошел к баку для воды, но он был пустой. Пришлось взять ведра, талоны на воду и пойти на

водокачку, которая размещалась в конце квартала, на проезжей части улицы, которая была широкой и водокачка не мешала проезду редкого транспорта.

Вся домашняя мужская работа у нас была поделена между мной и Геной. Носить воду входило в мои обязанности. В мое отсутствие Гену было трудно заставить сходить за водой. Зимой я чистил проезжую часть дороги против дома, а Гена тротуар. Я приносил в дом воду, Гена – дрова и уголь. Мне приходилось ходить на базар за продуктами, Гене - в магазин за хлебом. Бабушка говорила, что я мог выбрать мясо не хуже, чем она. . .

Когда я вернулся с водой, бабушка уже разогрела борщ, налила мне в большую тарелку и положила маленький кусочек мяса. Основным нашим питанием были овощи из огорода. Огород был большой. В нем выращивали картофель, капусту, морковь, свеклу, лук, горох, фасоль. Мама всегда выкраивала место для репы и брюквы. К сожалению, сейчас об этих овощах забыли. Вдоль забора с одной стороны огорода рос паслен. Его ягоды по форме и цвету напоминали чернику, а листья были, как у картошки. Мы с удовольствием поедали эти ягоды. Несколько лет назад мне захотелось найти паслен, но он, вероятно, бесследно исчез с территории города.

- Садись, кушай, внучек, наверное, два дня ел всухомятку.

Я возразил и рассказал бабушке, какой вкусной ухой угощал нас Кондратий Никифорович.

- Видимо, он очень добрый и любящий детей человек, - произнесла бабушка, - не то, что твой отец, бросил троих детей и ни какой помощи, - добавила она.

Мне этот разговор был неприятен и я сказал: «Какой я ребенок, мне уже шестнадцать лет». . .

На следующий день я шел в школу с невыученными уроками. Мой путь лежал по улице Ипподромской до остановки трамвая на улице Гоголя. На подошедшем трамвае, места на «колбасе» не было. Пришлось дождаться, когда все пассажиры зайдут в вагон, стать на подножку и, держась руками за поручни, ехать «зайцем». Мама давала мне деньги для проезда и на школьные обеды. Я тратил их на рыболовные снасти и на охотничье снаряжение. Просить деньги на эти цели считал не дозволенным.

На уроках был невнимателен, мысли часто возвращались к охоте и рыбалке, мечтал о будущей поездке на озеро Кривое. К счастью, в тот день меня не вызвали отвечать уроки. Рудика вызвал к доске Иван Григорьевич. Во время перемены я поздоровался с Рудиком за руку, мы перекинулись несколькими фразами и больше не подходили друг к другу, чтобы не афишировать нашу дружбу.

По пятницам - клубный день в коллективе охотников «Спартак». Решались текущие вопросы: о работе секций, о соревнованиях по пулевой и стендовой стрельбе, об испытаниях охотничьих собак, о коллективных выездах на охоту и многие другие вопросы. Работала секция «Молодой охотник». С ребятами проводили беседы, обучали стендовой стрельбе, приглашали на коллективные охоты. Здесь встречались друзья – единомышленники, делились впечатлениями о поездках на охоту и рыбалку, договаривались о новых поездках. Я внимательно слушал и запоминал все услышанное, меня очень интересовали и вол-

новали рассказы об охоте, хотелось побывать в тех местах, о которых охотники рассказывали друг другу. Большинство разговоров сводилось к тому, что скоро пойдет северная утка, надо во время быть в угодьях, чтобы встретить ее пролет. Многие легенды пересказывались из года в год. Я их слышал впервые, и они захватывали мое воображение. Один охотник рассказывал:

- Приехал на озеро в октябре, снег идет, северный ветер камыши к воде клонит. Думаю: какая может быть в такую погоду охота? На всякий случай поставил чучела на воду, забрался в густой камыш, чтобы ветер не сильно продувал и стал ждать охотничьего счастья. Внезапно над камышом пролетел табун уток, от неожиданности я не успел выстрелить. Следующий табун сел около чучел. Табуны летели один за другим. В считанные минуты я расстрелял все патроны.

- У меня был более интересный случай, - начал рассказ второй охотник, - долго я добирался до любимого озера, на котором охочусь много лет, и глазам своим не верю: озеро покрыто гладким, как зеркало, льдом. Настроение испортилось, надо возвращаться домой. Перед возвращением решил полюбоваться на свои новые чучела. Поставил их на лед, присел на кочку, достал бутерброд, откусил кусочек хлеба с колбасой и стал жевать. Ружье в чехле лежит рядом. Неожиданно над озером появился табун гоголей. Приняв голубой чистый лед за воду, они сели на него и покатились по нему, как на коньках, к моим чучелам. Проехав мимо чучел, остановились у кромки берега около моих ног. Я чуть не подавился куском хлеба, бросил бутерброд и стал лихорадочно расстегивать чехол. Выстрелить я не успел. Вслед за этим табуном стали подлетать следующие. Некоторые пролетали над чучелами, многие садились на лед. Такую охоту я видел один раз в жизни и, наверное, больше не увижу, - закончил свой рассказ охотник.

В очередную пятницу я встретил в клубе Кондратия Никифоровича. Он поздоровался со мной, как со старым знакомым, и продолжал раскладывать на листе ватмана с ярким заголовком «Охотник и Рыбалов» листочки бумаги с напечатанным текстом. Это были заметки охотников о поездках на охоту и рыбалку. Заметив мой интерес к стенной газете, Кондратий Никифорович спросил:

- Я помню, ты говорил при встрече на озере Кривом, что был на охоте впервые?

- Да, я тогда был первый раз на утиной охоте.

- Напиши в следующий номер газеты заметку о своей первой охоте, о своих впечатлениях, об угодьях.

- Вряд ли у меня получится.

- Пиши, как получится. Я отредактирую текст.

С тех пор я и мои друзья стали регулярно писать заметки в стенгазету. Заметок было много и через год было принято решение выпускать вторую стенгазету: «Молодой охотник». Меня выбрали редактором. Под руководством Кондратия Никифоровича Урманова, я выпускал стенгазету до ухода на службу в армию. Вокруг газеты сплотилось много рябят, мы часто по пять-шесть человек выезжали на рыбалку и охоту. Наша дружба сохранилась на многие годы.

Уехав из Новосибирска, я поддерживал связь с председателем коллектива Аркадием Степановичем. Приехав однажды в отпуск, зашел в клуб охотников и был немало удивлен: мои письма были опубликованы в стенгазетах.

4

Октябрь сорок восьмого года выдался теплым. Стояла сухая, по-осеннему теплая погода, дул слабый южный ветерок. Тучи словно забыли небосвод над Новосибирском. Мама радовалась такой погоде – мы успели убрать урожай в огороде. Картошку копали всей семьей. Мама и я орудовали лопатами, Гена, Нина и бабушка выбирали картошку из лунок. Какое-то первобытное чувство подсказывало мне, что такая погода скоро закончится, подуют пронизывающие ветра, пойдут холодные дожди, надо успеть последний раз съездить на охоту. В клубе охотников перестали появляться пожилые охотники, все уехали встречать северную утку. Мои приятели предложили мне поехать на несколько дней на охоту. Арнольд уже определил место охоты: Сорочья грива в угодьях Кудряшевского бора. В прошлом году кто-то видел там осенью массовый пролет уток.

- А как школа? – удивился я.

- Отпросись на два дня копать картошку, - предложил Рудик.

- Мы картошку уже выкопали.

-Чудак человек, это и хорошо. У нас в школе всегда отпускают на день-два копать картошку. Я уже отпросился.

В четверг мы вновь плывем на моторке. Как всегда сидим на дровах в корме. С нами две собаки. Лайка Арнольда и пойнтер Рудольфа, с которым его отец охотился на дупелей и тетеревов. На душе приятное беспокойство: только бы не опоздать к пролету уток. Сбылись мои мечты, мы будем на охоте целых четыре дня. Арнольд, как старший по возрасту и опытней нас, стал давать советы:

-Когда приплывем на место, первым делом построим балаган на случай непогоды, наловим рыбы для себя и собак. Уток будем стрелять в общий котел, битых не торопитесь собирать, чтобы не терять время. Собаки помогут собрать всех уток.

- Рано мы едем, - засомневался Рудик, - дует южный ветер, утки отправляются в перелет с попутным северным ветром.

- Дома погоду не выбирают, она может испортиться в любой момент, - уверенно ответил Арнольд.

Для меня их разговор был открытием. Я молчал и запоминал все сказанное – в жизни может пригодиться. Позже я узнал, что отец Рудика, Аркадий Семенович, был заядлым охотником. Часто брал сына на охоту, и он от него узнал много премудростей, которые мне еще предстояло усвоить. . .

Мы плывем по озеру Кривому, которое вытянуто с юга на север. Его высокие берега не позволяют осматривать окрестность. Постоянно слежу за плывущими впереди меня лодками, стараюсь не отстать от них. В носу лодки лежит тощий рюкзак с продуктами и патронами, на нем старая ватная фуфайка с заплатами и дырами, на ней ружье направленное стволом вперед и вверх. Ружье готово для стрельбы в любой момент, если налетят утки. Пойма озера ши-

риной около пяти километров. На ней расположено множество озер и болот. Когда-то по этой низине проходило русло Оби. Переместив свое русло в восточном направлении, река оставила старицу с богатейшими угодьями для охоты и рыбалки. Справа видны вершины соснового бора, слева, вдали, на возвышенности, еле заметны домики деревень Криводановки и Крохалевки. Проплываем первые и вторые ворота. От непривычки сидеть в узком обласке с поджатыми ногами ноет спина, руки устали от монотонной гребли одним веслом. Постоянно надо следить за равновесием тела, чтобы лодка не перевернулась. Наконец, мои приятели направили лодки к берегу, и мы вышли на песчаную косу. Здесь через высокую гриву, заросшую густым тальником, была прорублена узкая просека для перетаскивания лодок в озеро Подстанки. Я чувствовал себя человеком, впервые проскакавшим верхом на лошади без седла. Такое «удовольствие» я имел в детстве, когда с друзьями гонял лошадей на водопой. Осматривая местность, чтобы запомнить место перетаскивания лодок, увидел вдали село. Ребята сказали, что оно называется Катково. Около села, против нас, был виден колок из высоких тополей, на которых было множество грачиных гнезд, как игрушек на новогодних елках.

. . . На следующий год в мае, когда вся пойма залита водой, мы проплывали мимо этих тополей. Они стояли в воде. Грачи устроили переполох при нашем появлении. Им не нравились непрошеные гости. Мне захотелось угостить приятелей яйцами и показать свое умение лазить по деревьям. Все продукты мы съели утром, а путь предстоял неблизкий. Я попросил их подождать меня под деревьями. Привязал свою лодку к дереву, разулся и полез на тополь за грачиными яйцами. Яйца были в каждом гнезде. Я взял по одному яйцу из нескольких гнезд. Положил три яйца в фуражку и надел ее на голову. Этого мне показалось мало, положил несколько яиц за пазуху. Спускался очень осторожно, старался, чтобы всегда было три точки опоры при перемещении руки или ноги. Когда почти спустился, неожиданно, одна нога заскользила по стволу, и я животом ударился о ствол дерева. За пазухой почувствовал сырость. Яйца, которые сохранились под фуражкой, мы выпили сырыми. Я снял рубашку и стал мыть живот, Рудик от души хохотал с трудом произнося слова:

- Жадность мальчика сгубила.

- Ты сам попробуй слазить, потом смейся, для всех старался, - обиделся я. . .

Сорочьей гривой оказался остров среди бескрайних водных просторов, заросших тальниками и камышом. Рядом находились озера Карасевое, Линево и Подстанки. На востоке, за торчащими из воды сухими ветками тальника, просматривался сосновый бор. На западе тянулась согра, залитая водой с множеством плес. С деревьев и кустарников давно слетели листья, они приготовились к встрече холодов. Их темно-серый цвет наводил уныние и напоминал о приближении холодной осени. Только камыши и заросли аира по кромке воды оставались зелеными и радовали душу. Центральная часть гривы до войны была сенокосом, высокая трава пожухла и полегла. Косить сено приплывали на лодках, вывозили зимой на лошадях по замерзшим озерам. Я чувствовал себя путешественником, попавшим на необитаемый остров, на котором предстояло провести три дня, питаясь добытыми утками и рыбой. Солнце клонилось к за-

кату, мы разгрузили лодки, оборудовали ночлег и место для костра, заготовили сухих дров и поплыли добывать окуней. Собаки, выпущенные на гриву, носились друг за другом разминаясь после долгого плавания в обласках.

Мы рыбачили до сумерек, сменили несколько мест, на которых прежде ловился окунь, но поклевок не было. Я постоянно смотрел по сторонам в надежде увидеть летящую утку, на дне лодки лежало приготовленное ружье, но уток не было видно. За чаепитием у костра, мы решили все продукты сложить в одну корзину и распределить так, чтобы хватило на три дня. Пятница прошла в бессмысленных попытках наловить окуней и дождаться летящих уток. Погода стояла теплая, солнечная. Надо бы радоваться такой погоде, а нам хотелось, чтобы она испортилась. Я снял с себя видавшую виды фуфайку и подложил в лодке под себя. Мне надоело бесполезное дерганье подергушкой и я предложил:

- Может, нам сплавать на озеро Линево или Карасевое?

- Там водятся только лини и караси, - ответил Арнольд, - их подергушкой не поймаешь.

В субботу утром мы пошли в согру постоять у воды в надежде на успех. Мне повезло: я добыл выплывшего на плес из камыша чирка. Чирок был подранком и не смог улететь на юг со своими собратьями. Арнольд сбил пролетающую над ним ворону. Когда вернулись в лагерь, я спросил его:

- Зачем ты сбил ворону?

- Собакам скормим.

Он подозвал к себе собак, дал понюхать ворону и бросил ее им под ноги. Собаки не взглянув на ворону, отошли в сторону, всем своим видом показывая, что такая еда не для них. Разжигая костер, я услышал доносившуюся из шалаша ругань Рудольфа. Оказалось, в наше отсутствие, собаки съели все наши продукты, оставили только картошку, лук и соль. Мы приуныли. Решили сегодня обойтись картошкой, а завтра перед дальней дорогой сварить чирка и ворону. У меня в душе теплилась надежда, что вечером или утром полетят утки. Утро надежды не оправдало. Погода стояла без изменений. Арнольд и Рудик принялись щипать нашу небогатую добычу. Я вызвался сплавать к бору и поискать грибы. Каждая собака занималась своим делом. Пойнтер стоял перед Рудиком и жалобно канючил, требуя еды. Его бока подвело. Возможно, в силу своего благородного происхождения, он не участвовал в воровстве наших продуктов. Лайка была упитанной, ее бока раздуты. Она успешно охотилась на водяных крыс. На гриве водилось их множество. За охотой лайки было интересно наблюдать. Опустив голову к траве, она быстро шла по следу, затем поднималась на задние ноги, делала бросок в сухую траву и в ее пасти оказывалась крыса. Насытившись, она принесла задавленную крысу и положила перед Арнольдом, словно издеваясь: «Кушай, она вкуснее, чем твоя ворона».

В бору мне попадались только маслята, они были крупные и червивые. Когда я привез грибы, «дичь» была уже ощипана, опалена на костре, вымыта и мелко изрублена, чтобы было труднее отличить кусок чирка от куска вороны.

- Как успехи, - спросил Арнольд.

- Грибы есть, но червивые.

- Это прекрасно, - отозвался Рудик, - черви тоже мясо.

В котел, кроме чирка и вороны, мы положили мелко изрезанные грибы, три небольшие картошки и лук. У костра орудовал Рудик, он любил готовить. Еда получилась вполне съедобной. Каждый, доставая ложкой кусочек мяса, произносил: « Мне достался кусок чирка». Мясо вороны было жесткое. Мне в войну пришлось перепробовать разных птиц. Попадались птицы с мясом более грубым. Варево мы «прибрали» без остатка, так как в предыдущий день жили впроголодь. Хорошо подкрепившись, тронулись в обратный путь. На душе не было сожаления и огорчения за неудавшуюся охоту. Новые впечатления и приключения с лихвой восполняли несостоявшуюся охоту на северную утку. В дальнейшем я неоднократно удачно охотился на Сорочьей гриве. Что касается северной утки, за шестьдесят лет охоты я ни разу с ней не встретился.

5

Весеннее солнце радостно заглядывало в окна класса, за окном шалила весна, как девушка манила за собой в след убегающим ручьям к Оби. Мне хотелось пойти на высокий берег Оби, чтобы посмотреть не начался ли ледоход, не летят ли с юга в родные места перелетные птицы. Постепенно мои мысли переключились на воспоминание о моей первой охоте на зайцев. Общество охотников организовало коллективный выезд на базу в Кудряшевский бор. На трамвае доехали до Заельцовского бора, на лыжах прошли несколько километров вниз вдоль Оби, пересекли реку, по знакомой просеке через Кудряшевский бор попали на базу. Аркадий Степанович разделил охотников на две бригады по пять человек, за каждым подростком закрепил наставника. Моим наставником был В. А. Осипов, охотник среднего возраста, сухопарый, очень подвижный, с маленькими усиками. Бросили жребий, какой бригаде первой стоять на номерах, и двинулись вдоль бора. Загоны решили проводить по согре между бором и озером Кривым. По дороге Осипов инструктировал меня: на номере надо стоять тихо, не кашлять, не шевелиться, не отвлекаться, не дай Бог, чтобы скрипнул снег у тебя под ногой. . .

Вот мы стоим с ним на небольшой поляне среди зарослей тальника. Через поляну зайцы натоптали тропы, по которым им удобней бегать, чем по рыхлому снегу. Вдали слышен треск кустов и разговор загонщиков пробирающихся сквозь заросли. В это время на кромку поляны против нас выскочил заяц, сел к нам спиной и стал прислушиваться к надвигающемуся шуму. Я успел заметить, как шевелятся черные кончики его ушей на фоне белого снега. Долго не думая, поднял ружье, прицелился и выстрелил. Это был мой первый выстрел по зайцу и первая добыча. Необычайная радость охватила меня. В голове мелькнула мысль: «Почему Осипов не выстрелил первым?». Повернул голову в его сторону и увидел, что он стоит и застегивает ширинку на брюках, ружье рядом с ним воткнуто в снег. Когда подошли загонщики, он сам рассказал, при каких обстоятельствах я добыл зайца. Охотники от души смеялись над ним и поздравляли меня. . .

Пока мои мысли летали в небесах, Ольга Николаевна проводила классный час. Она беседовала с каждым учеником о выборе будущей профессии. Я давно задумывался о своем будущем. Мне хотелось учиться в Московском пушно-

меховом институте, на факультете охотоведения. Окончив этот институт, я смог бы совмещать свою страсть к охоте с выбранной профессией. Вместе с этим я понимал, что могу не получить стипендию, а мама не в состоянии оказывать мне материальную помощь. Мне даже было стыдно просить у нее денег на дорогу в Москву. Вторым приемлемым для меня вариантом был Новосибирский институт военных инженеров транспорта (НИВИТ). В этом институте студентам выдавали форму, кормили в столовой. Стипендия была самой высокой среди всех институтов города. Поступив в него, я мог вносить приличную лепту в бюджет семьи. Конкурс в НИВИТ был очень большой, и я был уверен, что его не выдержу. Во время войны, когда мы жили у Черного моря в Анапе, я мечтал стать военным моряком. Этой мечте, как зерну, брошенному ранней весной в почву, требовалось время, чтобы прорасти. Обсуждать ее было преждевременно. Других вариантов пока у меня не было. Прислушиваясь к рассказам одноклассников, я понял, что некоторые ребята фантазируют, чтобы показать себя с хорошей стороны. Я считал, что заветную мечту нельзя выносить на всеобщее обсуждение, ее надо хранить втайне, пока она не сбудется. Когда подошла моя очередь, Ольга Николаевна спросила:

- Кайков, ты куда собираешься пойти учиться ?
- В Духовную семинарию, - неожиданно для самого себя ответил я.

Весь класс повернулся в мою сторону. На меня смотрели, как на какое-то чудо, как на человека с другой планеты. Ольга Николаевна остолбенела, ее глаза расширились, она в упор смотрела на меня. За долгую педагогическую практику ей не приходилось слышать такого необыкновенного ответа. После длительной паузы, она произнесла:

- У тебя в роду были священники?
- Не было.
- Тогда в чем дело? Ты же комсомолец!

От дальнейшего разговора меня спас звонок. На следующий день меня в коридоре встретил секретарь комсомольской организации школы и сказал:

- Мы тебя приглашаем на комитет комсомола.
- Бить будете?
- Бить не будем, но мозги прочистим.
- Я пошутил с учебой в семинарии.

Мы оба рассмеялись. . .

Однажды в воскресенье в нашей хибаре появилась Ольга Николаевна. Вся семья была в сборе и на нее устремились взоры пяти пар глаз. Она поздоровалась и, обращаясь к маме, сказала:

- Я классный руководитель вашего старшего сына. Меня зовут Ольгой Николаевной, скоро экзамены, я пришла с вами познакомиться и побеседовать.
- Здравствуйте, ответила мама, - очень приятно. Меня зовут Марией Алексеевной. Я с вами давно заочно знакома по рассказам сына. Сожалею, что сама не могла прийти в школу и познакомиться с вами. Вы видите, какая у меня семья, приходится ежедневно задерживаться на работе, чтобы выполнять дополнительную работу. . .

Я позвал Гену, и мы вышли во двор, чтобы не мешать разговору взрослых. Мама за весь год ни разу не была на родительских собраниях. Она работала секретарем-машинисткой и постоянно задерживалась, печатая срочную работу для других отделов. За меня она не беспокоилась, полностью мне доверяя. Часть разговора, состоявшегося в мое отсутствие, воспроизвожу по рассказу бабушки.

- Ваш сын по учебе считается середнячком, хотя мог бы учиться лучше. Меня беспокоит, что у него в классе нет друзей. Складывается впечатление, что он замкнутый, необщительный мальчик, - начала разговор Ольга Николаевна.

- Не может быть! - изумилась мама,- у него прекрасные друзья: Рудик Рябышев, Алик Атавин. Они бывают у нас, я о них очень хорошего мнения.

- Разве можно с ними дружить? Как это я просмотрела! Они же охотники! – с удивлением воскликнула Ольга Николаевна.

- Разве зазорно увлекаться охотой и рыбалкой? В моей семье, добытая Аликом рыба, хорошая прибавка к нашему небогатому столу. Мне приходится работать практически в две смены, чтобы одной содержать большую семью. . .

Мои опасения, что ко мне прилипнет клеймо охотника, не оправдались. Ольга Николаевна о своем открытии никому не рассказала. Ко мне стала относиться с какой-то уважительной теплотой.

Приближались экзамены. Поездки на рыбалку прекратились. Я усиленно повторял пройденный материал. У меня был стимул. Если успешно сдам все экзамены (не останется предметов на осень), смогу все лето заниматься любимым увлечением и помогать своей семье. Иногда, сидя за книгой, в памяти возникали воспоминания об охоте или рыбалке. Приходилось усилием воли отгонять эти мысли и повторять про себя: надо сдать экзамены, чтобы рыбачить не в мечтах, а наяву.

На просторах Уень реки

Апрель давно согнал остатки снега с улиц города. Прожурчали весенние ручейки, унося свои потоки в речки Каменку и Ельцовку. Обь стояла скованной в ледяной панцирь и медлила с ледоходом. Я каждый день после уроков в школе ходил к Чернышевскому спуску с надеждой увидеть ледоход.

Впервые у меня появилась возможность поехать в майские праздники на охоту в Почтовские охотугодья ДСО «Спартак». За год я скопил денег на билет для поездки на пароходе. Мою охоту мог сорвать ледоход, если не пройдет до мая и навигация начнется позже.

О ледоходе узнал в школе. После уроков побежал к реке. Вода поднялась до построек, расположенных на крутом правом берегу Оби. Этот район города назывался «Нахаловкой». Лачуги были выстроены самовольно. Жизнь людей, проживающих в них, постоянно связана с рекой. Все они были рыбаками или речниками. Около нижнего ряда домов толпились жители, готовые придти на помощь соседям, если вода начнет заливать их жилища. Обь торопилась унести на север остатки льда, деревья и коряги, упавшие где-то в воду с подмытого

берега и отдельные бревна. Между льдинами лавировала деревянная лодка, гребец подвел ее к плывущему бревну, его напарник зацепил багром, и лодка, спускаясь по течению, стала медленно приближаться к берегу. . .

Пароход подал протяжный сигнал, извещая жителей поселка Почта о начале навигации, и стал швартоваться к дебаркадеру. Позади шестьдесят километров пути. Мое сердце радостно колотилось в груди – скоро я увижу охотничьи угодья, о которых много слышал и долго мечтал в них побывать. На высоком крутом берегу пароход встречала толпа жителей, в которой большинство было любопытных ребятишек.

По узкому деревянному трапу на песчаный берег сходили степенные пожилые люди с рюкзаками и ружьями на плечах. В их среде я был единственный мальчишка и выделялся как малек среди крупной рыбы. В одном из охотников я узнал Кондратия Никифоровича Урманова. Он отличался колоритной фигурой, был в очках и шляпе. Подойдя к нему, поздоровался и не отходил далеко. Я не знал дороги на охотничью базу и следовал за охотниками. Они весело и оживленно разговаривали. Кондратий Никифорович спросил меня:

- На какое озеро думаешь плыть?
- Не знаю. Мне еще не приходилось здесь бывать.
- Присоединяйся ко мне, поплывем вместе, изучишь Почтовские угодья.

Предложение меня обрадовало, о лучшем даже не мечтал. Урманов преподал мне хороший урок на моей первой рыбалке в Кудряшевском бору, многому меня научил, работая совместно над стенной газетой «Молодой охотник».

Дорога по крутому подъему вывела на высокий берег, с которого открывалась панорама сибирской реки. Против пристани, как огромный пароход среди обского простора виднелся остров, ниже по течению – второй. Пароход направился между этими островами к правому берегу реки, где проходил фарватер. За рекой на фоне голубого неба темной стеной стоял сосновый бор. Весь этот пейзаж заливало теплыми лучами весеннее солнце.

Мы пересекли единственную улицу села, расположенную на высокой гриве между Обью и Уенью и вышли к кладбищу, за которым над воротами ограды виднелась голубая вывеска. Издали я смог прочитать только слово «Спартак», написанное крупными буквами. За забором из штакетника стояли два небольших рубленных из круглого леса домика. Территория базы крутым уклоном спускалась к Уень реке.

Охотников радостно встречали заведующий базой Иван Васильевич Новиков и два брата-егеря Николай и Александр Афанасовы. Они здоровались со всеми за руку, с некоторыми обнимались и хлопали друг друга по спинам. Царило общее праздничное настроение. Иван Васильевич, здороваясь с каждым, повторял:

- С приездом, с праздником, с открытием охоты.

Он был небольшого роста, щуплого телосложения, конопатый, с редкими рыжими волосами. Собрав у всех охотбилеты, сел за маленький столик, открыл толстый журнал и стал регистрировать прибывших. Послышались предложения приехавших охотников:

- Надо отметить выезд на природу, надо отметить праздник, обязательно надо отметить, а то не будет удачи.

На столе появились водка, колбаса, сало, соленые огурцы.

- Друзья, - произнес мужчина высокого роста, - только по одной, а то можно искупаться в холодной воде.

- Для тебя одна рюмка как дробина для медведя, - кто-то ответил ему.

- Вот Иван Васильевич на охоту не пойдет – ему можно налить вторую.

Заведующий базой с удовольствием выпил вторую и третью рюмки.

Забегая вперед, скажу, что все охотники, приезжая и уезжая с базы, считали своим долгом угостить водкой Ивана Васильевича. Постепенно он спился и его уволили. Увольнение обсуждалось на общем собрании охотников. Решение приняли люди, которые были повинны в его судьбе. Заведующим базой был назначен Николай Афанасов. Его постигла такая же участь. Назначенный на должность после него брат Александр категорически отказался пить и проработал до пенсии. Он по сей день проживает со своей женой Любой в доме на высоком берегу Уень реки. Проезжая через Почту в угодья за ягодами, я всегда навещаю эту трудолюбивую и дружную семью.

Под навесом на жердях лежали лодки-долбленки в два яруса. У каждой на борту в носовой части была эмблема ДСО «Спартак» и номер. Охотники выбирали лодки, на которых привыкли плавать. Кондратий Никифорович выбрал самый большой широкий облас, я – самый маленький. В таком обласке легче плыть и проталкиваться через кусты. По зеленой траве под уклон лодки легко подтащили к реке. В носовую часть положили рюкзаки, на них ружья. В корме установили сиденья, которые назывались беседками.

Урманов стоял с веслом в руках и смотрел на реку. Перед нами, радуясь весне, шалила река, которая в летний период была тихой и степенной. Она покачивала наши лодки, спущенные носами в воду, залила деревья и тальники на противоположном берегу. Под ее напором кусты раскачивались и отвешивали поклоны к воде. Охотники, первыми спустившие лодки, с трудом выгребали против течения стараясь прижаться к левому берегу, где течение было тише.

Приняв решение, Урманов, обращаясь ко мне, произнес:

- Я думал показать тебе мои любимые места около Кашламского бора, но при таком течении мы потеряем много времени, прежде чем туда доберемся. Есть вариант сделать большой круг по угодьям, постоянно плывя по течению.

Он снял ватную фуфайку, подстелил ее на беседку и стал сталкивать лодку в воду. Я последовал его примеру, но фуфайку бросил на рюкзак. В маленькой лодочке, когда сидишь высоко, уменьшается ее устойчивость.

Течение подхватило наши лодки и понесло как игрушечные кораблики. Можно было не грести, а только управлять кормовым веслом. Поджав ноги и уперев колени в борта, почувствовал слитность тела и лодки, которая реагировала не только на движение весла, но и на наклоны тела. Впереди показался мост, по которому проходила дорога в село Вьюны, расположенное в десяти километрах от Почты. Вода всего на метр не доходила до верхнего строения. Мне показалось, что мы можем удариться головой о балки моста. Урманов наклонился вперед и почти скрылся между бортов своей лодки. Откинувшись на-

зад, я проскочил между опорами моста и с облегчением вздохнул. Через три километра мы свернули в русло старого Уеня. Здесь течение было спокойным, оно шло вспять из основного русла реки в сторону Вьюнского бора. Можно было плыть рядом, разговаривать и смотреть по сторонам. Берега реки были залиты водой. Русло угадывалось по росшим на берегах деревьям и кустарникам.

- Много лет назад, - начал рассказывать Кондратий Никифорович, - Уень изменила свое русло. Старое сохранилось, летом в нем стоячая вода с множеством глубоких заводей, в которых ловятся караси и лени. Каждую весну сюда заходит вода, пополняя многочисленные озера. Пользуясь попутным течением, мы без особых трудов доплывем до озера Лопатино. За камышами на правом берегу расположены два озера Камышевых. Сейчас их трудно разыскать – все вокруг залито водой. Осенью на них любит охотиться наш председатель общества охотников Аркадий Степанович Хорошков. По левому берегу тянутся заливные луга до деревни Красный яр. В это время года до нее можно доплыть на лодке, а летом приходится делать большой круг через село Вьюны.

Я как губка впитывал в себя названия сел и озер. Мечтал побывать в этих местах во время летних каникул.

День был теплым, безветренным. В чистом голубом небе слышалось блеянье бекасов. На эти звуки я постоянно поднимал голову, но не мог заметить маленькую серенькую птичку с длинным носом. Когда, наконец, увидел бекаса, то был удивлен его способом издавать звуки, похожие на блеянье молодого ягненка. Забравшись на большую высоту, он падал с нее, сложив крылья таким образом, что они издавали этот удивительный звук.

Впереди нас около кустов с воды поднялась парочка чирков. Селезень в весеннем праздничном наряде. Его легко отличить от самочки по темно-красной голове. Над водой то и дело пролетают утки табунками и парами. Они ищут место для гнездовья, но не могут узнать местность, из которой улетали осенью.

На излучине, о которой можно было судить по кустам, торчащим из воды, мы поплыли к небольшой гриве, которая была единственным островом среди водяного простора. Урманов плыл вдоль этого острова, заросшего лесом, выбирая удобное место для стоянки. Я неотступно следовал за ним. Вот он с разгона загнал нос лодки на пологий берег свободный от кустарников. Опираясь на весло, воткнутое в воду, поднялся во весь рост и шагнул на берег. Мы оказались на поляне окруженной березами и кустарником. У воды рос куст черной смородины, дальше красовались ветки тальника с бело-желтыми сережками.

Над водой то и дело пролетали утки, возбуждая мою охотничью страсть. Мне не терпелось поставить чучела и начать охотиться.

- Прежде всего надо подготовить место для ночлега, - услышал я голос Кондратия Никифоровича, - помоги мне поставить палатку.

Когда палатку установили, он произнес:

- Набери сухих веток, а я подготовлю место для костра.

Продираясь сквозь заросли тальника и выламывая сухие ветки, думал: «Предусмотрительно поступил Урманов, заставив меня заготовить дрова, в темноте было бы трудно их найти».

Когда я подошел к палатке с большой охапкой сухих веток, вблизи было расчищено место для костра, воткнуты в землю две рогульки, на которых лежала палка для подвешивания котелков.

Мне приглянулся куст тальника против острова, около которого иногда пролетали утки. Расставив чучела, загнал обласок в куст, но он стоял неустойчиво – можно было вывалиться за борт при стрельбе. Пришлось достать из кармана шнур и стянуть им две ветки, росшие с разных бортов лодки, которые плотно зажали мое суденышко. Затем положил весло поперек лодки на борта, сел на него, взял в руки ружье и огляделся.

Урманов поставил чучела около мыса острова. Сам стоял на берегу в кустах. Мне его не было видно. Вдали над поймой тянул косяк гусей. Они торопились к местам своих гнездовий. Надо мной токовали бекасы, где-то в камышах чирок-трескунок призывал свою подругу, из кустов доносилось пение птиц. Они радовались приходу весны, наступлению периода любви и забот о своем потомстве. Их настроение передалось мне. Я сидел и слушал этот многоголосый концерт и думал: «Какое счастье быть на природе, все это видеть и слышать». Из задумчивости меня вывел выстрел Кондратия Никифоровича. Взглянув в его сторону, я увидел двух уток. Одна падала, подломив крылья, вторая летела от острова.

После этого выстрела стал внимательно смотреть по сторонам. Утки пролетали над плесом, но не думали подлетать к моим чучелам. Недалеко на воду опустился табунок красноголовой чернети. Мои чучела имели их окраску. Я наклонился к лодке и наблюдал через кусты за ними. Сердце колотилось, в голове была только одна мысль: «Хоть бы подплыли, хоть бы подплыли».

Утки посидели, видимо, посовещались, что не стоит подплывать к моим чучелам и улетели. К чучелам Урманова несколько раз подсаживались утки, но он почему-то не стрелял.

В сумерках вернувшись на стан без добычи, увидел Кондратия Никифоровича у костра, над которым стояло два котелка с утятиной и чаем.

- Как успехи? - встретил он меня вопросом.
- Без выстрела, - ответил ему.
- Причину знаешь?
- Утки не хотели подлетать к моим чучелам.
- Анекдот про солдата, который прятался за своим штыком, знаешь? - вновь задал он мне вопрос.
- Знаю.
- Так вот, ты был похож на этого солдата. Твой куст просвечивается насквозь и уткам с высоты их полета прекрасно видны и обласок и ты.

Этот урок мне запомнился на всю жизнь. На любой охоте успех гарантирован только при хорошей маскировке.

- К Вашим чучелам несколько раз садились утки, почему Вы не стреляли? - спросил я.
- Добыв одного селезня, я прекратил охоту. Нам вполне достаточно его на ужин и завтрак. Домой мы поедем через три дня, в жаркую погоду дичь испортится.

Урманов бережно относился к природе, он никогда не брал у нее больше, чем надо для пропитания. Своими поступками воспитывал нас школьников, с которыми любил общаться.

На краю поляны я увидел зеленую голову и лапы крякаша, которые хотел закопать.

- Оставь их на месте, - произнес Урманов, - на острове есть претенденты на эту добычу.

- Какие претенденты? - удивился я.

- Во - первых, ты видел коршуна, который постоянно парил над островом?

- Видел.

- Он заметил эту голову и заинтересовался ей, во-вторых – на острове живет колонок, который с удовольствием ею полакомится.

- Как Вы узнали, что здесь живет колонок?

- Я обследовал остров и установил, что он густо заселен. Здесь собралось много водяных крыс, колонок не успел убежать в бор до паводка, а разных птиц несчитанное множество. Утром приглашаю тебя послушать их концерт.

Охота для него не была самоцелью. Общение с природой, изучение жизни животных и птиц доставляли ему радость. Скоро я убедился, что он знал всех птиц, обитающих в долине Уень реки, и мог определить их по голосам.

Утятина была прекрасно сварена. Кроме нее в котелке была вермишель, картошка, лук и лавровый лист. Кондратий Никифорович был прекрасным поваром в полевых условиях.

Наблюдая, как я с аппетитом уплетаю суп из деревянной миски деревянной ложкой, он улыбнулся и произнес:

- Урок на озере Кривом пошел на пользу?

- Ага, - смог ответить я с набитым утятиной ртом.

После сытной еды захотелось пить. Не зря охотники говорят: «Рыба и утка всегда просят воду».

Чай был ароматный, заваренный веточками черной смородины с куста, который рос недалеко от нашего стана.

На охоте мне всегда снится один и тот же сон. Мимо меня пролетают утки, я целюсь, нажимаю на спусковой крючок, но выстрел не звучит и дичь улетает. Сон всегда очень чуткий, одолевает беспокойство, чтобы не проспать зорьку. Перед рассветом Кондратий Никифорович зашевелился, я тут же проснулся.

- Пора подниматься, - произнес он хрипловатым голосом, - а то опоздаем на концерт.

Мы на коленях выползли из палатки. Поеживаясь от утренней прохлады, я надел ватную фуфайку, которую в палатке использовал как одеяло и присел на беседку, служившую сиденьем в лодке и у костра.

Вскоре запылал костер, его тепло согревало тело и душу. Вдыхая теплый воздух с дымком, я думал, что мы похожи на первобытных людей, вся жизнь которых проходила у костров. Урманов повесил над костром котелки и опустился на свою беседку.

На востоке начало сереть небо, оповещая, что скоро начнется утренняя заря. Из леса донеслось первое нестройное птичье пение. Птицы опробовали свои голоса, как музыканты свои инструменты в оркестровой яме перед концертом.

Над горизонтом начала разгораться заря, окрасив небо в яркий золотисто-красный цвет. Приветствуя наступление нового дня, полилась симфония птичьих голосов. Из всего многообразия голосов выделялись трели соловья. Ему пытались подражать скворцы на более низкой ноте, но их никогда не спутаешь с соловьем.

Недалеко от нас раздалось чоканье какой-то птички.

- Это щебечет чечетка, - сказал Урманов, - показывая рукой в ее сторону.

Неизвестные мне птицы на деревьях издавали треск, который казалось, портит общую симфонию. Я сказал об этом Кондратию Никифоровичу.

- Зря так думаешь, - ответил он, - в природе ничего не бывает лишним. Это дрозды. Когда-то они служили объектом охоты. За ними охотились даже дворяне.

Мы слушали радостное пение птиц, посвященное весне, восходящему солнцу и наступающему дню. Обычно весной в это время суток, охотясь с друзьями, мы спешили на лодках в свои скрадки. В них встречали зарю и не слышали птичьих концертов. Я много позже осознал роль Урманова в моей любви к природе.

Раскаленным кругом солнце выкатилось из-за горизонта, исчезли на небе яркие краски утренней зари, оно стало голубым и предвещало хороший солнечный день. Постепенно смолкло птичье пение.

- Бери свою миску, - сказал мне Кондратий Никифорович, - позавтракаем и будем собираться в путь.

- А как охота? - удивился я.

- Здесь в этом году не лучшее место для охоты, поищем другое.

Мы плывем по Уеню. Далеко впереди на высоком берегу чернеет сосновый Вьюнской бор. Не доплывая с километр до него, сворачиваем в протоку и попадаем в озеро Крутенькое. Дальше плывем по залитому водой лугу. Впереди видна большая грива с сухой прошлогодней травой. Причалив лодки, мы пересекли неширокую гриву и оказались на берегу реки Чучки. Она несла свои воды в сторону села Вьюны. Ее противоположный берег был покрыт смешенным лесом.

- По этой реке по течению мы поплывем в обратный путь, - сказал Урманов, - летом она почти полностью пересыхает.

Перетащив лодки через гриву, мы поплыли вверх по течению Чучки. Урманов искал место волока на озеро Глухое по приметам, известным только ему. Место волока было залито водой, из воды торчали коряги, по сторонам росли сосны и кустарники. Продвигаться вперед приходилось, подтягиваясь руками за ветки кустов, отталкиваясь веслом от коряг, а иногда, становясь в лодке на колено, второй ногой отталкиваться от кочек, преградивших нам путь. Глубина между кочек не позволяла выйти из лодки. Наконец, мы добрались до озера. За полосой высокого сухого камыша раскинулся длинный плес. Его берега зарос-

ли лесом. С воды поднялось несколько табунков уток. Они сделали полукруг над лесом противоположного берега и опустились на соседнее озеро.

Мы с трудом нашли пятачок сухого места, под старой сосной, чтобы поставить палатку. Ее корни упирались в днище палатки, нам пришлось с этим мириться.

После обеда я уже сидел на лодке среди густых зарослей камыша. К моим чучелам смело садились утки, чаще парочки чирков. Вот подсела пара чирков-свистунков. Самец гонялся за самочкой, она увертывалась от него, отлетая недалеко. Я с волнением ждал момента, когда можно будет выстрелить, чтобы не задеть дробью уточку. Над озером плавно не спеша пролетел табун свиязей. Впереди летел крупный самец с оранжевой головой. Залюбовавшись ими, я не успел выстрелить. Над лесом три селезня гонялись за кряквой. Она не могла от них оторваться, иногда крякала, прося их оставить ее в покое, но любовники продолжали преследование. Устав от погони, она нырнула в лес между двух сосен и скрылась от них. Здесь было царство уток – удобное место для гнездования. Озеро оправдывало свое название.

Одна сбитая мной влет утка упала в камыш в конце озера. Чтобы не потерять ее вечером, вытолкнул лодку из камышей и поплыл за ней. Проплывая вдоль камыша, спугнул крякву. Присмотревшись к месту, от куда она взлетела, увидел на кочке гнездо с восемью яйцами.

Сбитой уткой оказалась хохлатая чернеть. Ее черно-синяя голова имела сзади хохол, напоминающий косу. Со мной была небольшая сеть трехперстка, которую я вязал всю зиму, из ниток десятого номера. Этими нитками бабушка пришивала нам, внукам, пуговицы, чтобы они «не горели, как на огне».

Перегородив узкий угол озера сетью, занял свое место в скраде. В другом конце озера иногда слышались выстрелы Кондратия Никифоровича.

Меня мучило любопытство – попадет ли рыба в мою первую сеть. Не дожидаясь сумерок, поплыл к сети. Сердце радостно забилось, когда увидел, что поплавки сети играют. Их дергали попавшие в сеть караси. Приподняв сеть, не только изумился, даже испугался. Чуть ни в каждой ячее бились караси. Скоро дно моей лодки отливалось золотом трепещущей рыбы.

Урманов поджидал меня около проезда через камыши. Приблизившись вплотную к его лодке, гордо с достоинством сказал:

- Сегодня я буду угощать Вас ухой.

Он улыбнулся и произнес:

- Я не возражаю, но что ты думаешь делать с таким количеством рыбы?

Он был верен себе. У природы надо брать столько – сколько надо для пропитания.

- Поделюсь с Вами, - произнес я уже не бодрым голосом.

- Положи рыбу в корзину, прикрой мхом и поставь в воду. Караси в сыром мху даже без воды могут жить несколько дней.

Я рассказал ему о найденном гнезде кряквы.

- Постарайся больше не подплывать к нему близко, чтобы утка не бросила гнездо. . .

Следующим утром на противоположном берегу озера слышались чьи-то шаги. Кто-то бродил по залитым водой кустам, издавая бульканье с каждым шагом. «Как мог попасть туда человек, - думал я, - вокруг труднопроходимые топи». Звуки шагов приблизились к кромке озера, и я впервые увидел лося. Чудо природы с крючковатой верхней губой объедало верхушки кустов тальника. Пригнувшись к лодке, не шевелясь, я наблюдал за лесным исполином и когда к чучелам сели утки, долго не решался выстрелить. После выстрела лось сделал прыжок от берега и помчался вглубь согры. За ним долго слышался звук сломанных сухих веток и бульканье воды.

Вечером на стане Кондратий Никифорович рассказал мне, что Почтовские угодья - любимое место обитания лосей. Здесь много для них корма, в многочисленных водоемах летом можно спасаться от гнуса. Они приходят сюда весной из Вьюнского бора и даже из Кудряшевского, переходя Обь по льду. .

Мы возвращаемся на базу. Течение Чучки помогает нам плыть в сторону села Вьюны. Урманов не торопится, размеренно поднимает и опускает весло в воду. Он наслаждается весной и окружающей природой. На гриве по левому берегу реки играют чибисы. Они гоняются друг за другом, опускаются на землю и вновь взлетают, издавая протяжные крики «пи-ик». В небе поют жаворонки. Воздух наполнен весной – ее песнями и ароматом. С воды поднимаются утки, но мы не думаем стрелять. У меня в носу лодки лежит увесистая связка уток. В ней больше десятка селезней разных пород. Мой взгляд постоянно останавливается на ней. Я любуюсь селезнем с зеленой головой, свиязью - с оранжевой, чернетью - с темно-красной, шилохвостью и чирками.

Урманов направил лодку к берегу, я последовал за ним.

- Здесь мы должны перетащить лодки через гриву, чтобы оказаться на Уень реке, - сказал он и шагнул на твердый грунт гривы.

Нас радостно встретили чибисы. Они, словно, обрадовались нашему появлению: взлетали над гривой, выписывали разные пируэты и кричали свое неизменное «пи-ит».

Тащить лодки пришлось больше сотни метров. И вот перед нами полноводная, бурливая и шумливая река Уень. Плыть по течению вниз легко, река подхватила наши легкие лодочки и понесла к могучей Оби. Приходилось держаться середины реки, чтобы у берега не зацепиться за затопленные коряги и не перевернуться. По берегам росли высокие ветлы, кудрявые черемухи, кусты калины. У берега из воды торчали ветки затопленных тальников. Они дрожали под напором воды.

Урманов показывал мне протоки, по которым можно было проплыть к озерам Песьяное, Качегарово, Елбаки, Калидеево и другие.

Перед базой на изгибе реки сидели рыбаки. Меня удивило, что их удилища были очень толстыми и лежали на воде.

Урманов, видимо, догадался, что меня заинтересовали рыбаки, произнес:

- Здесь каждую весну ловят рыбу кривдами.

Я не знал такой снасти. Спросил Урманова:

- Это что за удочка такая?

Он улыбнулся и ответил:

- До прихода парохода много времени, сдадим егерю лодки и чучела, и ты сможешь сходить посмотреть эти снасти.

На базе уже было много охотников вернувшихся из угодий. Они стояли около стола, вынесенного на улицу, и подкреплялись перед дорогой. Среди них ходил изрядно выпивший Иван Васильевич.

Под навесом висели связки добытых охотниками уток. Мы своих повесили рядом, чтобы их обдувал ветерок. Оставив свой рюкзак и ружье рядом с вещами Урманова, я поспешил к излучине реки, где видел рыбаков.

Рыбаков было трое, среди них одна женщина в пиджаке с эмблемами лесника в петлицах. Подойдя к ним, поздоровался и стал наблюдать. Меня удивило, что каждый рыбак держал в руке шнур, выходящий из воды. Молодой парень взял шнур в зубы и продолжал сидеть на корточках перед жердью на воде. Неожиданно рыбачка резко дернула жердь на себя и стала поднимать ее из воды. Жердей оказалось две. Их концы на шарнирах соединялись метровой деревянной палкой. К этой конструкции был прикреплен мешок из сетки, в котором билась крупная щука. Женщина умело вынула щуку из сетки, сломала ей лен и положила в сумку, в которой уже была рыба. Затем опустила кривду в воду. Одна жердь лежала на дне, а вторая - на поверхности воды. Течение расправило и вытянуло сетку. Мне захотелось поговорить с женщиной, и я задал ей вопрос:

- Зачем к сетке привязан шнур?

Она оказалась словоохотливой и рассказала мне о ловле рыбы кривдой: «Кривдой рыбачат только весной в местах, где вдоль берега течение идет вспять. Рыба, поднимаясь по течению на икромет, прижимается к берегу и попадает в кривду. А шнур для того, чтобы почувствовать удар рыбы о сеть».

- Почему рыбачите Вы, а не ваш муж? - задал я новый вопрос.

Она окинула меня взглядам. Видимо, размышляя, стоит ли мне рассказывать. После небольшой паузы грустно произнесла:

- Он утонул на рыбалке.

- Расскажите, как это произошло?

- Против Почты на Оби есть глубокая яма. В ней с давних времен ловят самоловами осетров. В тот день муж не захотел плыть проверять самолов на тяжелой деревянной лодке и отправился на обласке. Ему попался крупный осетр, которого не удалось поднять в лодку. Рыба вырвалась, зацепила мужа крючками и перевернула лодку. Когда он не вернулся с рыбалки, мужики поплыли его искать. Они кошкой зацепили самолов и выловили мужа с огромным осетром убийцей.

Она замолчала. Мне стало грустно и жалко вдову. В это время в ее кривду попала щука. Для приличия я еще поговорил с ней, распрощался и медленно пошел на базу.

Там уже была суета, охотники надевали рюкзаки с навешенными на них утками и спешили на пристань.

- Прощай - база, прощайте благодатные угодья, я надеюсь, что еще не раз побываю здесь!

Журавлиное болото

С большим трудом я задвинул в развесистый куст тальника, росший в воде у берега озера Подстанки, лодочку-долбленку, называемую обласком. Взялся руками за борта и попробовал ее раскачать. Она не поддалась моим усилиям, была надежно зажата между ветвей. «При стрельбе не перевернется», - подумал я. Положил на борта привезенную с собой дощечку, сел на нее, взял в руки ружье и осмотрелся.

Все пространство передо мной на сотни метров до Кудряшевского бора было залито водой. Небольшими островками из воды торчали кусты тальника, на поверхности спокойно лежали листья кувшинок и лилий, отражая лучи заходящего солнца. Сосновый бор черной полосой тянулся на пригорке вдоль озера до Колывани. Когда-то Обь протекала на несколько километров левее современного русла. В старом русле она оставила десятки озер. В весеннее половодье вода через прорву попадала в озеро Кривое, заливая эти озера и пойменные луга, тянувшиеся до сел Криводановка, Крахалевка, Котково, и уходила в реку Чаус под Колыванью. Здесь было царство всевозможных пород рыб и водоплавающей дичи, раздолье для охотников и рыболовов: рыба заходила на икромет, утки прилетали на гнездовья.

Над бором водила хоровод большая стая журавлей. Они плавно ходили кругами на фоне голубого неба. Молодняк учился летать, родители готовили их к длительному перелету. В осеннем воздухе разносилось курлыканье и бередило охотничий слух.

От старых охотников я знал, что в центре бора находится большое болото, в котором ежегодно гнездятся журавли. Они крупнее гусей, их мясо жесткое, но в послевоенные голодные годы журавль был привлекательной добычей. Полюбовавшись журавлями, я опустил взгляд на воду, где стояли деревянные чучела уток. Пересчитал. К сожалению, их не увеличилось. В моей небольшой охотничьей практике были случаи, когда утки незаметно подплывали из камышей к чучелам. Вот и приходится периодически их пересчитывать.

Над озером парила скопа. Пользуясь потоками воздуха, не махая крыльями, делала круг за кругом, высматривая добычу. Она прекрасный рыболов, не брезгует утками-подранками или водяной крысой.

Мои наблюдения прервал выстрел. Затем послышался удар о воду упавшей утки. Это мой друг Рудик выстрелил по табунку шилохвостей, пролетевших вне выстрела от меня. Перелет начался с наступлением сумерек. В полутьме утки летели на озеро с разных сторон, возвращаясь, с кормовых мест в родные пенаты. На фоне еще светлого неба они пролетали темными пятнами и попасть в них было трудно. Стрелять приходилось навскидку, ориентируясь иногда по шуму крыльев. Мне удалось сбить только двух уток. Проведя рукой по патронташу, висевшему на поясе, обнаружил, что половина ячеек были пустыми. «Больше в темноте не стреляю, - решил я, - а то на утро не останется патронов». Чтобы быстрее удовлетворить свое любопытство – какой породы сбил в темноте уток, вытолкнул лодочку из куста и поплыл разыскивать добычу.

После зорьки, сидя у костра и попивая чай с бутербродом из черного хлеба и хлебной колбасы, я завел разговор:

- Рудик, ты видел, сколько журавлей летало над бором?
- Конечно, я же не слепой.
- Давай завтра сходим, посмотрим, где они обитают.
- Известно где, в болоте.
- Ты видел это болото?
- Не видел, старики рассказывали.
- Мне хочется там побывать, может быть, удастся хорошо поохотиться, добыть журавля.
- Мы же собирались завтра блеснить окуней.
- Возьмем с собой корзинки, наберем в бору грибов, - настаивал я, - окуней половим на обратном пути.

Долго уговаривать друга не пришлось. После утренней зорьки решили отправиться в бор. Спали в лодках. На дно обласка я наложил сухой травы, затем расстелил плащ и покрыл его толстым слоем травы. Залез под плащ и предался мечтам о будущей охоте на журавлей. Представил, как будет рада бабушка, когда я принесу огромную птицу.

Спать было жарко, как под пуховой периной. Перед рассветом нас разбудила выпь своим гортанным и протяжным криком – кау. Эта болотная птица всегда просыпается первой и оповещает всех, что скоро начнется заря. . .

Проталкиваясь через тальниковые заросли, мы подплыли к кромке бора, спрятали лодки в камышах и отправились вдоль бора разыскивать просеку, которую заметили с озера.

Идти было легко, ноги отдыхали после долгого согнутого состояния при плавании в лодке: они ступали на мягкую подстилку из рыжей хвои. В воздухе стоял запах озона и аромат хвои. Мы казались пигмеями среди сосен-великанов, стоящих вдоль просеки. У каждого висели на плече ружье и корзина - на изгибе локтя. На солнцепеках росли маслята, поблескивая жирными шляпками, к которым приклеились хвоинки. Неожиданно на дорогу перед нами вышел из травы глухарь. Он вытянул шею и смотрел на непрошенных гостей. Мне показалось, что перед нами стоит индюк. Рудик первым сорвал с плеча ружье, но корзина на руке мешала ему целиться. Глухарь захлопал крыльями и улетел между сосен.

Ах, какое это было прекрасное время! Молодым, здоровым и крепким ребятам не страшны были любые трудности. Ради рыбалки и охоты мы готовы были идти или ехать в любые дали. Это занятие для нас было не только удовольствием, но и помощью семьям в добыче пропитания. Общие интересы, возникшие на охоте и рыбалке, переросли в крепкую дружбу, которая сохранилась до конца наших дней.

Болото представляло большую низину среди хвойного леса, залитую водой, из которой торчали кочки, заросшие осокой. Когда мы пошли вдоль берега, из-под ног прыгали лягушки и исчезали в воде среди кочек. Где-то в центре болота были плесы, там периодически взлетали утки и, немного пролетев, опускались в болото. Наша попытка пробраться к чистой воде не увенчалась успехом. Болото было топким. Вокруг него сосны стояли на холмистой местности. Пониженные участки заросли черничником, среди которого на мху выглядывали шляпки моховиков, на склонах рос брусничник. Ягоды давно осыпались, их здесь собирают только птицы. Маслята вдоль просеки можно было косить косой. К нашему сожалению, они были червивыми. Стояла теплая сухая погода, они давно переросли, а для следующего слоя грибов не было влаги.

Мы возвращались по бору вдоль просеки. Ноги временами утопали в мягкой моховой подстилке. Неожиданно под моей ногой что-то хрустнуло. «Неужели гриб», - подумал я, присел и разгреб тонкий слой мха. Передо мной лежал раздавленный сырой груздь. Его запах разнесся в осеннем воздухе. Аромат сырого груздя никогда не спутаешь с другими грибами. Перед нами простиралась полянка с зелеными моховыми бугорками. Куда ни глянешь – бугорок, бугорок, бугорок. «Сколько здесь грибов», - подумал я, нам все их не собрать и не унести. Под слоем мха хорошо сохраняется влага, грибы дождались своего срока и пытаются пробиться на поверхность. Осторожно разгребая бугорки, мы срезали белых красавцев и укладывали в свои корзинки. . .

С тех замечательных юношеских лет, когда я постоянно рыбачил и охотился в Кудряшевском бору, прошло двадцать лет. Мне довелось побывать во многих регионах нашей страны, охотиться на разных зверей, ловить разнообразную рыбу. События тех лет постепенно забываются, но в памяти навечно сохранился Кудряшевский бор, охоты и рыбалки в школьные годы, стаи журавлей, парящих над бором. Меня всегда тянуло в Кудряши, как тянет многих людей малая родина, где прошло детство.

И вот, я еду на машине с женой Наташей и ее братом Володей за грибами в Кудряшевский бор. Стоит засушливый сентябрь. Дождей давно не было. Маловероятно, что мы наберем грибов, но меня тянет какой-то магнит в знакомые с детства места, хочется увидеть Журавлиное болото. За двадцать лет многое изменилось. Построена плотина через Обь, река обмелела. Озеро Кривое пересыпано дамбой, по которой прошла бетонная дорога до Колывани. Обская вода не заходит в озеро и не заливает сенокосные луга и бывшие нерестилища рыб.

Перед Кудряшевским бором с автострады видно озеро Глухое. На его берегу стоят автомашины, вокруг сельскохозяйственные поля, на которых растут капуста и морковь. В дни моей молодости озеро оправдывало свое название. Вся окрестность вокруг озера была заросшая тальниками и все лето залита водой.

Добраться до озера можно было только на лодке из озера Кривого. Подъехав к бору, я свернул влево на проселочную дорогу, проходящую между бором и озером Кривым, которое сильно обмелело, заросло камышом и кувшинками. Когда-то пустынная кромка бора на несколько километров застроена дачными домами. Проехав дачную застройку, с облегчением вздохнул – до знакомого места оставалось километров пять.

Вот она - просека, которая выведет нас к Журавлиному болоту. Против нее вместо огромного озера Подстанки, тянется узкой полосой плес, заросший по берегам осокой и кувшинками на глубине.

При современной технике добраться в любой уголок леса не составляет труда. Дорога по просеке была разбита колесами автомашин. Медленно продвигаясь вглубь бора, смотрю по сторонам. Решил, что машину не остановлю, пока не увижу первый гриб. Через несколько километров просека прервалась – дорогу преградил березовый лес. Дальше проезда не было, через березняк уходила тропа. «Неужели я ошибся просекой? В этом месте должно быть болото», - подумал я и вылез из машины.

- Здесь будем искать грибы, - сказал я спутникам и подошел к березняку. Мои сомнения рассеялись. Это было то место, к которому я стремился. Болото давно высохло и заросло березами, между которыми повсюду торчали высокие кочки, заросшие травой. Судя по мутовкам, березам было больше десяти лет.

Мы ходили вдоль бывшего болота между высоких сосен в надежде найти хоть какие-нибудь грибы, но тщетно. Грибов не было. Мне захотелось пройти по тропе, ведущей в березняк. Может там сохранился плес, и я увижу уток и журавлей.

Тропа виляла между деревьями и кочками пока не вывела меня на противоположный высокий берег болота, заросший сосновым лесом. Я пересек бывшее непроходимое болото. «Неужели в нем не сохранилась вода», - подумал я и полез на дерево. С высоты хорошо было видно, что между двумя сосновыми массивами сплошным зеленым ковром тянется молодой березняк. Мои мечты увидеть болото и журавлей улетели, как и птицы из этих мест. Было грустно, но в природе, как и в жизни, нельзя вернуться в прошлое.

Возвращаясь к автомашине, я заметил на одной кочке подберезовик. Он был необычным. Небольшая белая шляпка сидела на тонкой белой длинной ножке. Гриб тянулся к свету, но не мог перерасти березы. Отойдя в сторону от тропы, я был поражен увиденной картиной. Почти на каждой кочке росли подберезовики, на некоторых кочках по два-три. Моя корзина быстро наполнилась, и я поспешил к своим. Наташа и Володя прекратили поиски грибов. Они потеряли всякую надежду набрать их и удрученно стояли у машины. Увидя мою корзину с грибами, встретили меня радостными возгласами:

- Где брал грибы? Там еще они есть?

- Берите свои ведра и следуйте за мной, - с достоинством произнес я, чтобы знали, с каким грибником поехали в лес.

Чем дальше мы углублялись в бывшее болото, тем грибов становилось больше. Сделав по две ходки стали совещаться. Что делать с такой массой грибов?

- Грибы надо отварить, чтобы они вошли в два ведра, - предложила Наташа, - дома я приготовлю маринад и разложим в банки.

Предложение было принято. За водой пришлось съездить к озеру, расположенному на кромке бора. . .

Мы уселись обедать. На костре в ведре варятся грибы, рядом на плаще лежит их целая куча, дожидаясь своей очереди. В это время к нам подошла женщина с пустой корзиной, остановилась около плаща и удивленно уставилась на грибы. Затем, не поздоровавшись с нами, требовательно спросила:

- Где брали грибы?

- В лесу, - ответил я.

Она заторопилась от нас.

Вскоре мы услышали рокот мотоциклов. Виляя между соснами, в нашу сторону ехали два мотоцикла с колясками. Подъехав к нам вплотную, они остановились. Из одной коляски поднялась женщина, которая подходила к нашему костру, вытянула руку в нашу сторону и, словно нашла преступников, произнесла:

- Вот они!

Мужчины, посмотрев на наши грибы, завели мотоциклы и, отъехав в сторону, разошлись по сосновому лесу. Нам постоянно были слышны их голоса.

Сварив все грибы, мы решили еще набрать и ехать домой. Володя, найдя грибное место, стал громко звать сестру:

- Наташа! Иди сюда! Здесь грибов навалом!

Вместо Талы его окружили мотоциклисты.

- Так вот, где вы собираете грибы. Наконец мы вас разоблачили, произнес мужчина в шлеме и приступил к сбору.

Возвращаясь домой, брат с сестрой рассуждали об удачной поездке за грибами, а я думал о том, что погубил мечту: увидеть Журавлиное болото. Видимо, не следует возвращаться в дорогие сердцу места, чтобы не разочароваться, а сохранить их в памяти до конца жизни.

Судьба грешника

Большинство ребят, приятелей Алексея Каткова, проживающих на улице Партизанской города Новосибирска, остались после войны сиротами. Война не только отняла у них отцов, но и изуродовала их детство. Жили они в квартале, расположенном между улицей Ипподромской и улицей Светлой, за которой находилась березовая роща с кладбищем и церковью, построенной в 1925 году в честь Успения Пресвятой Богородицы. Церковь была деревянной, выкрашенной в голубой цвет. Ее купол возвышался на фоне березовой рощи и был далеко виден из дворов прилегающей частной застройки. В церковной ограде было похоронено несколько священнослужителей. В годы Великой Отечественной войны на кладбище хоронили офицеров и солдат, умерших в госпиталях Ново-

сибирска. Березовая роща во время войны и в послевоенные годы была излюбленным местом сбора ребят из прилегающих улиц. Они приходили туда в надежде чем-нибудь поживиться. Вдоль кладбища по улице Светлой размещались барахолка и птичий рынок. Барахолка была единственным местом, где продавалась одежда, часто ворованная. Птичий рынок привлекал ребят голубями. Здесь можно было купить, обменять или выкупить улетевших от хозяина голубей.

Улица Партизанская была широкой, застроена одноэтажными домами, многие из которых напоминали лачуги. Около каждого дома были палисадники, в которых красовались всевозможные цветы. Во время войны палисадники заросли травой, только посаженные в них черемухи и рябины продолжали каждый год цвести и приносить плоды, напоминая людям, что жизнь на земле не кончается, несмотря на разные невзгоды. Вдоль заборов рос паслен, ягоды которого с удовольствием собирали и ели как дети, так и взрослые. По улице каждое утро пастух гнал стадо коров, жители выводили из дворов своих кормилиц и провожали взглядом, пока за табуном не осядет поднятая копытами коров пыль.

Алексей не помнит, чтобы по улице когда-нибудь проезжала автомашина. На лошадях, запряженных в телеги, ездили часто. Жители, которые держали коров, сено не косили, а покупали его на сенном базаре, расположенном рядом с зоопарком. Сено на лошадях подвозили к домам, сваливали у ворот, а затем, как правило, дети заносили его во дворы.

У всех ребят были домашние обязанности: пока матери на работе надо сходить в магазин на улицу Писарева и, выстояв очередь, купить хлеб по карточкам, наносить воды из колонки для всей семьи и коровы, прополоть в огороде грядки. К обеду, закончив с домашними работами, все собирались на улице. Обычно тема разговора была о голубях или куда пойти, где добыть что-нибудь съедобное.

Голубями увлекались не только ребята, но и взрослые. Каждый вечер владельцы голубей поднимали свои стаи в воздух. Было увлекательное зрелище – наблюдать за разноцветными стаями, которые ходили кругами над жилой застройкой и березовой рощей, поднимаясь с каждым кругом выше и выше в голубое небо. Иногда стаи соединялись, и владельцы с замиранием сердца ждали: к кому из них прилетят голуби. Хозяевам улетевших голубей приходилось идти разыскивать и выкупать их. Голуби создают очень прочные пары, иногда на всю жизнь. Все они имеют способности почтовых голубей – находить свое гнездо. Этим пользовались некоторые голубятники, чтобы поймать чужих голубей. Они уносили своего голубя (чаще голубку) в другой район города и выпускали около летающих голубей. Голубка, полетав со стаей, устремлялась домой. Часто за ней устремлялся молодой голубь и оказывался у нового владельца. Алексей долго копил деньги, чтобы купить пару голубей. Он ездил на трамвае, не покупая билета, в школе обходился без завтрака, на который мать давала ему деньги.

На птичий рынок отправился с приятелями, которые знали толк в голубях. По неопытности можно купить дикарей, которые при первой возможности уле-

тят от владельца к своим сородичам, и их никогда не найдешь. На рынке продавались всевозможные породы голубей: почтовые, турманы, декоративные с оригинальным внешним видом и оперением. По окраске голуби были белыми, сизые, краснопегие, чернопегие и другие. Ему хотелось купить белую или красную пару, но они были ему не по карману. Пришлось купить сизых голубей. Он месяц держал голубей на чердаке, чтобы они привыкли к новому месту и хозяину. По несколько раз в день навещал их на чердаке, брал в руки, кормил из своего рта. Затем по одному выпускал на поводке погулять по крыше. Наконец, настал день, когда он решился выпустить голубя полетать. Каждый раз голубь возвращался к своей голубке, сделав несколько кругов в воздухе. Тогда он выпустил их вместе. Сделав несколько кругов над домом, словно запоминая место своего заточения, голубка устремилась к своей родной голубятне, где ее давно ждал прежний хозяин и верный ей в любви старый голубь.

Алексея постигло разочарование. Позже стало известно, что ему была продана старая голубка с молодым голубем. Больше он не пытался завести голубей.

2

При очередной встрече на улице у водокачки, Юра Вдовин сообщил:

- Завтра Пасха, народ в церковь понесет крашеные яйца святить, можно будет поживиться, старушки будут раздавать.

- Ты откуда знаешь? – спросил Леша.

- Старший брат сказал.

- Не только яйцами можно будет поживиться, - поддержал его Витя Мотков.

- Надо идти сегодня вечером, - предложил Саша Иткин, - встретимся в восемь часов.

Все мальчишки учились в шестом классе, только Колька - на два класса ниже. Ему было лет двенадцать. Маленького роста, щуплый, с хитрыми глазами, он был энергичным и пронырливым.

Открыв дверь в свой низенький дом и переступив порог, Леша застал бабушку, вынимающей яйца из кастрюли, в которой она их красила луковой шелухой.

- Бабуся, - обратился он к ней, - ты собираешься пойти в церковь?

Ему не хотелось встречаться с бабушкой в церкви.

- Нет внучек, стара я стала ходить в церковь, ноги не выдержат простоять службу.

У него отлегло от сердца, и он с облегчением произнес:

- А мы с ребятами решили сходить в церковь и посмотреть, как происходит празднование Пасхи.

- Сходи, внучек, а то ты всего один раз был в церкви, когда мы с твоей тетей Клавой тебя крестили.

Немного подумав, бабушка спохватилась:

- В школе у тебя неприятностей не будет, если узнают, что ты ходил в церковь?

Беспокойство бабушки было не без основания. В те годы в школах велась антирелигиозная пропаганда, учеников воспитывали атеистами. За посещение церкви могли исключить из пионеров или из комсомола. Такого ученика переставали уважать бывшие товарищи, и он становился объектом насмешек.

- Не узнают, - сказал Алеша, - учителя в церковь не ходят.
- Тогда возьми с собой яйца посвятить.
- Что ты бабуся! У меня их могут отобрать незнакомые мальчишки.

Церковь стояла на краю кладбища. Вблизи ее на могилах лежали надгробные плиты и стояли памятники известным в свое время жителям Новониколаевска. Вдоль этих могил от церкви тянулось несколько рядов женщин и старушек. Они у своих ног на траве растянули тряпицы, косынки, газеты, на которые разложили принесенные продукты для окропления святой водой. Между рядами ходили мальчишки с соседней улицы, инвалиды войны на костылях. Женщины с котомками разыскивали знакомых, чтобы стать рядом.

Внимание Алексея привлек инвалид без ног на низкой коляске. Она представляла деревянную площадку, к которой были прибиты две оси с шарикоподшипниками на концах. Обрубки ног пристегнуты ремнем к коляске. В руках он держал деревяшки, напоминающие гантели, которыми отталкивался от земли, молча продвигаясь вперед между рядами. На его коленях лежала сумка, удерживаемая ремнем, перекинутым через шею. Сердобольные женщины не жалели своих припасов для защитника отечества, складывая их в его сумку.

Мальчишки с улицы Партизанской пошли толпой по соседнему ряду. Женщины с опаской поглядывали на них, опасаясь, чтобы не схватили их продукты. Ни одна не предложила яичко или булочку. Из соседнего ряда слышались слова:

- Подайте Христа ради несчастному.

Тогда Юра набрался храбрости и первым произнес:

- Подайте Христа ради сироте несчастному.

Одна из женщин протянула ему булочку.

Когда проходили мимо женщины, у ног которой лежала горка булочек и несколько куличей, Колька произнес:

- Тетенька, подайте, пожалуйста, булочку.
- Проходи, оборванец, у меня свой ребенок есть.

Колю это обидело, и он решил ей отомстить.

Выйдя из общей толпы и остановившись под березой, мальчишки разделили одну булочку на всех. Посоветовавшись, они решили толпой не ходить, а разойтись по одному. Договорились встретиться на этом месте после начала службы.

Алексей молча ходил вдоль рядов женщин, ему было стыдно просить, он поедал глазами разложенные продукты. Одна из женщин протянула ему крашеное яйцо со словами:

- Прими Христа ради.

Он взял яйцо и сказал: «Спасибо».

Когда раздался колокольный звон, призывающий к праздничной службе, с колокольни слетела стая голубей и устремилась в небо. Это зрелище вызвало у

Алексея непонятное радостное и тревожное чувство. Ему показалось, что в небо унеслись души людей похороненных на кладбище. Вот, видимо, почему ему говорила бабушка, что голубей нельзя употреблять в пищу.

Мелодия колокольного звона неслась над рощей и соседними улицами. Прихожане плотной толпой устремились в церковь на пасхальную литургию Алексею хотелось вместе со всеми зайти в церковь и узнать, что там происходит. Ему казалось, что там совершается какое-то таинство. Он вспомнил как бабушка, собираясь в церковь, всегда одевалась по-праздничному, а ее лицо светилось радостной улыбкой. Его удержала от посещения церкви договоренность с товарищами встретиться у старой березы.

Когда друзья собрались в условленном месте, собранных продуктов было достаточно, чтобы хорошо попировать. Всех удивил Колька. Он принес большой кулич.

- Неужели тебе дали кулич? - спросил Саша.
- Я сам его взял.
- У кого?
- У той ругучей тетки, которая обозвала меня оборванцем.
- Как это тебе удалось?
- Когда толпа хлынула в церковь на службу, я оказался за этой теткой. Была сильная давка, ее корзина оказалась у моих ног, и я вынул из нее кулич.

Это было первое воровство Кольки, на которое толкнули его недоедание и грубое обращение женщины. Его следовало осудить, но приятели вместо этого с удовольствием уплетали за обе щеки вкусный кулич.

Домой Алексей вернулся утром. Бабушка встретила его доброй улыбкой со словами:

- Садись за стол, я сейчас тебя накормлю.
- Я не хочу есть.
- Кто тебя накормил?
- Ребята.
- Чем, интересно, они тебя кормили?
- Яйцами, булочками, куличом.
- Что - то не верится, чтобы вам кулич подали.
- Алексей рассказал бабушке о воровстве.

Она изменилась в лице, глаза посуровели. Сделав небольшую паузу, произнесла:

- Воровать грех, а воровать в церкви - очень большой грех. Бог сурово покарает Кольку.

Она повернулась к иконе, перекрестилась и произнесла:

- Господи, образумь неведающего, что творит, губящего душу свою.

Затем, обращаясь к внуку, назидательно произнесла:

- При сотворении человека Бог наделил его некоей искоркой, которая просвещает человека и помогает ему разобраться, где добро, а где зло. Эта искорка – наша совесть. Ее легко потушить. Горе человеку, который не слушает голоса своей совести, который пренебрегает ею. Все начинается с самого малого, ни-

чтожного и с самооправдания. Дальше – больше. И ее, этой совести, вроде как бы и нет в человеке. Он ее потерял.

- Колька совесть потерял? - спросил Алексей, прервав длинный монолог бабушки.

- Пока еще не потерял. Он думает: «Подумаешь, стащил у тетки кулич, я же голодный, да и ребят угостил». Попробуй его образумить.

Слова бабушки Алексей запомнил на всю жизнь. Она была для него непререкаемым авторитетом. Искренней верой и своими поступками она посеяла в его душу семя, которое со временем проросло.

3

Время летело быстро, незаметно прошел год. Все завидовали Кольке. Он дружил со взрослыми парнями, и у него водились деньги.

Вот и сегодня, проходящий по улице мужчина обратился к нему:

- Николай, пойдем со мной, дело есть.

. . . Начиналось это знакомство так: однажды подошел к Кольке парень и спросил:

- Мальчик, хочешь заработать пять рублей?

Какой мальчишка в первый послевоенный год не согласится заработать.

- Хочу, - сказал Колька, - а что надо делать?

- Я забыл дома ключи и не могу попасть в дом. Пойдем со мной, я помогу тебе залезть в дом через форточку, и ты откроешь мне окно.

Так началось знакомство Коли с ворами-домушниками. Ему нравились рискованные операции, наличие денег в кармане, возможность угостить товарищей конфетами-подушечками или пряниками, приятно было чувствовать их зависть к его возможностям.

В то время по многим городам страны прокатились воровские налеты банд под названием «Черная кошка», которые вызывали у людей страх и незащищенность. Не обошел этот страх стороной и жителей Новосибирска. Часто эмблему черной кошки использовали жулики невысокой квалификации. Кольке нравилось, когда его приятели доверяли ему нарисовать на дверях или на дымоходе плиты дома углем, вынутым из печи, кошку.

У Кольки была голубая мечта купить велосипед, прокатиться по улице на зависть ребятам. Не жадный от природы он всегда думал: «Если кто попросит прокатиться - обязательно дам». У матери на такую покупку не было денег, самому скопить не удавалось. Однажды он увидел у центрального рынка оставленный кем-то велосипед. Долго им любовался, его охватило желание прокатиться, хозяин не подходил. Не думая о последствиях, с тревожно бьющимся сердцем сел на велосипед и поехал по улице. Первоначально он думал, что покатается и поставит велосипед на место, но ноги сами привезли его домой.

На следующий день в дом Мухиных пришел участковый, нашел на чердаке ворованный велосипед и увел Кольку в отделение милиции. Николая отправили в колонию для несовершеннолетних преступников.

В колонии он прошел курс обучения воровским наукам. После освобождения у него изменился характер - стал грубым, нахальным и задиристым, появились новые друзья. Встречаясь на улице с бывшими товарищами, старался показать свое превосходство. В кармане всегда носил «писку». Это - заточенная до острия бритвы с одной стороны двадцатикопеечная монета. Ею легко можно разрезать карман, сумку или изуродовать лицо человека. При ссорах он часто раздраженно, заикаясь, кричал: «Попишу» - и совал свою руку в карман. Противники моментально отступали, никому не хотелось иметь шрам на лице. Встречаясь по утрам с соседями, говорил, что идет на работу.

Вскоре Алексей узнал, что это за работа. После окончания уроков в школе он часто заходил на Центральный рынок, чтобы купить продуктов для семьи. Его мама работала допоздна, а бабушка была занята по дому, кроме того, на ее руках была младшая сестра Алеши. Однажды он стоял около рынка, ожидая трамвая. В послевоенные годы в Новосибирске было всего три маршрута трамваев. Первый номер ходил от центра до конца улицы Большевистской, второй - от вокзала до центра и третий - от вокзала по улице Гоголя до сада Дзержинского. Подошедший трамвай был битком набит народом. Алексей решил дождаться следующего. Ожидающие трамвай люди бросились к вагону и начали втискиваться в двери. Когда на подножке двери остался один мужчина, который, ухватившись руками за поручни, прилагал усилия, чтобы подняться на вторую ступень и дать возможность двери закрыться, к трамваю подбежал Колька. Он прижался к мужчине и, толкая его в вагон, стал кричать:

- Подвиньтесь еще на одного человека!

Алексей заметил, как Николай залез правой рукой в карман брюк мужчины, вытащил кошелек и спустил его себе за пазуху. После этого соскочил с подножки трамвая. Водитель закрыл дверь и трамвай тронулся. Колька молниеносно исчез с остановки, как и появился на ней.

Следующая встреча состоялась в трамвае. Алексей, как всегда, стоял на задней площадке. На остановке «Дом офицеров» в трамвай вошел Колька и прошел в средину вагона. На нем была рубашка с короткими рукавами, через левую руку перекинут пиджак. Алексей сначала хотел подойти к нему, но потом передумал, решил понаблюдать за ним. Как всегда, возле Центрального рынка в вагон вошло много народа. Около передних дверей стоял мужчина в пиджаке. Он одной рукой держался за верхний поручень, в другой держал увесистую авоську. Когда трамвай остановился на остановке «Логовская» (ныне «Семьи Шамшиных»), Колька неожиданно заспешил к двери. Он мог пройти за спиной мужчины, но стал проталкиваться перед ним, при этом громко крича:

- Разрешите пройти к двери!

Его левая рука поднялась до подбородка пассажира, а правая под прикрытием пиджака залезла в нагрудный карман пиджака жертвы. Колька быстро выскочил из вагона и направился в сторону Логовской бани.

При очередной встрече с Николаем Алексей был свидетелем жестокости и безнаказанности жуликов. Колька «работал» постоянно на третьем маршруте

трамвая и часто попадался на глаза Алексею, который ежедневно ездил на нем в школу.

В трамвае стояла женщина, у которой на локте висела сумка. Коля подошел к ней и запустил руку в сумку, надеясь найти кошелек. Это увидела девочка лет десяти. Она закричала:

- Тетя, тетя, к вам в сумку лезут!

Николай отдернул руку и уставился в окно, как ни в чем не бывало. Женщина проверила сумку, кошелек оказался на месте. Никто из пассажиров не попытался предпринять какие-либо меры. Одни боялись связываться с жуликом, другие думали, что не пойманный - не вор. Когда трамвай остановился, Колька подошел к девочке и быстрым движением руки чиркнул ей по щеке «пиской». Девочка закричала, из щеки потекла кровь, а щипач выскочил из вагона.

4

Железнодорожный вокзал Владивостока пестрил от белых курсантских форменок и разноцветных летних платьев девушек, которые пришли проводить своих друзей и возлюбленных. После месячного плавания, во время которого курсанты побывали на Сахалине, Камчатке, Чукотке, они отправлялись в долгожданный отпуск. Царило общее радостное настроение, будущие офицеры в наглаженных брюках, с бляхами на ремнях, начищенными до зеркального блеска, чувствовали себя бывалыми моряками.

Пассажирский поезд Владивосток – Москва был наполовину заполнен моряками. Новосибирцы – Рэм Саушев, Алексей Катков, Анатолий Плотников разместились в одном купе. К ним присоединился комсорг факультета старший лейтенант Михаил Аликов, который планировал остановиться в Новосибирске на несколько дней, а затем поехать на Алтай к матери. Всегда строгий и требовательный в училище он не только не сделал замечание курсантам, когда на столе появилась водка, а сам присоединился к общему столу. Из соседних купе приходили курсанты, чтобы пообщаться с комсоргом в непринужденной обстановке и послушать его интересные рассказы о службе.

Когда поезд миновал Улан-Удэ, в вагоне появился мальчик лет девяти, он останавливался около каждого купе и смотрел на курсантов. Его приглашали к столу, он не отказывался от угощения. Аликов долго наблюдал за ребенком, затем пригласил в свое купе, посадил на лавку против себя и спросил:

- Как тебя звать?
- Витек, - ответил тот.

Затем спохватившись, добавил:

- Витя.
- С кем ты едешь, Витя?
- Один, - был ответ.
- Из какого города ты едешь?
- Из Улан-Удэ.
- Почему едешь один?
- У меня умерла мама, и я остался без родителей.

- Куда же ты едешь?
- К бабушке в Рязань.

Витя рассказал трогательную историю о своей жизни, которая взволновала всех присутствующих. Аликов в порыве жалости к ребенку и в силу своей душевной доброты предложил ему:

- Поедем со мной на Алтай, будешь жить у моей мамы, она работает учительницей, со временем я усыновлю тебя. Своей больной бабушки в Рязани ты можешь не застать в живых.

Витя, не задумываясь, согласился. Красивый, тихий и спокойный он стал любимцем вагона. Общими усилиями его одели в морскую форму. Нашлись запасные бескозырка и тельняшка, к его черной куртке пришили воротничок-гюйс.

Однажды Алексей заметил, что по вагону прошел парень, напоминающий ему Николая. Он подумал, что ошибся и не придал этому значения.

В Новосибирске Аликов планировал задержаться на несколько дней, посетить театры, побывать у знакомых. Возник вопрос, где оставить Витю. Рем Саушев предложил:

- У моих родителей трехкомнатная квартира на улице Богдана Хмельницкого, они не будут возражать, чтобы Витя пожил у них.

Отец Рэма был полковником, работал на строительстве номерных заводов.

Два дня Витя прожил у Саушевых, курсанты брали его с собой в кино, в парк имени Сталина, сфотографировались с ним на память об отпуске. На третий день он исчез.

Мать Рэма, вернувшись с работы, почувствовала сильный запах ее любимых духов «Красная Москва». Из дома исчезли все ее драгоценности, деньги и свитер, который очень понравился Вите. Видимо, тихий ребенок открыл дверь сообщникам, а уходя из дома, вылил на себя все духи.

Когда на следующий день Рэм рассказал о происшествии, Алексей подумал, что он не ошибся, увидев в вагоне Николая.

5

Последняя встреча с Колькой была через двенадцать лет после памятной даты посещения церкви в Березовой роще. Алексей за это время успел окончить школу, отслужить в армии, поступить учиться в строительный институт. Както, подходя к Октябрьскому рынку, который размещался на территории современной научно-технической библиотеки, Алексей залюбовался автомашиной «Волга», на капоте которой красовался хромированный металлический олень. Такие машины недавно появились на дорогах города. К его удивлению за рулем сидел Колька. Он открыл дверцу машины, вальяжно развалился на спинке сидения, одну ногу в дорогом коричневом туфле поставил на порог машины. У Алексея не было желания разговаривать с товарищем детства, и он прошел мимо. Слишком они выросли разными людьми, с разными интересами.

Работая на стройке после окончания института, Леша встретил Витю Моткова, от которого узнал, что Николая во время третьей отсидки за колючей про-

волокой убили в драке заточкой из напильника. Мать Вити дружила с матерью Николая, от которой очень многое знала о похождениях ее сына.

Алексей вспомнил пророческие слова своей бабушки, которая предвидела, что Бог обязательно покарает Николая. Его охватило чувство беспокойства и сострадания, которое не покидало целый день. Ему казалось, что в случившемся есть и его вина. Он вспоминал улицу Партизанскую, друзей своего детства, размышлял о судьбе Николая, о его трагическом конце. Николаю тогда было всего двадцать четыре года. После работы Алексей отправился в Успенскую церковь, где Николай впервые совершил грехопадение. С чувством собственной вины за Николая переступил порог храма. Это ему стоило больших душевных сил. В школе и институте его воспитывали атеистом, внушали неприязнь к церкви. Оказавшись в храме, он в первый момент испытал чувство страха. В слабо освещенном помещении горели свечи, со всех сторон на него смотрели лики святых. Службы в это время не было, несколько прихожан крестились и отвешивали поклоны иконам. От бабушки он знал, что надо купить свечу и поставить ее за упокой. Стоя со свечей в руке, осматривал храм и не мог решить, где поставить свечу. Тогда подошел к женщине, одетой во все черное и спросил:

- Скажите, пожалуйста, где поставить свечу за упокой.

Она внимательно посмотрела на него и, протягивая руку в сторону кануна, сказала:

- Вон видишь крест около горящих свечей, иди туда, там есть и молитва.

Алексей не стал читать написанную молитву, он своими словами просил у Господа Бога прощения за Николая и за себя. После молитвы почувствовал облегчение на душе. С этого посещения церкви у него периодически появлялась потребность бывать в храме. Понадобилось много времени, чтобы его душа окончательно отвергла атеизм и теорию происхождения человека от обезьяны.

К сожалению, в 1962 году власти приняли окончательное решение о ликвидации Успенской церкви. Узнав об этом, прихожане окружили церковь плотным кольцом и не дали ее сломать прибывшей технике. Это была не первая попытка разрушить храм. После этого началась антирелигиозная пропаганда, распространялись разные слухи, порочащие священнослужителей и православную веру. Этими слухами верующие были расколоты на два лагеря, бдительность прихожан ослабла, и церковь была снесена за одну ночь. Алексей почувствовал, что снесена была не только церковь, но и разрушен кусочек его детства.

Выбор профессии

Приближались выпускные экзамены в школе. Среди учеников постоянно велись дискуссии о профессиях. Многие определились с институтом, в который намерены поступать. Все знали, что Вена Марков будет поступать в строи-

тельный. (В последствии он стал заместителем начальника управления «Сибакадемстрой».) Владимир Гранат и Вадим Гнедков собирались в театральный на режиссерский факультет. Я не мог выбрать в Новосибирске институт, который был бы мне по душе.

В один из весенних дней во время классного собрания к нам вошел военный моряк. На нем была форма с золотыми нашивками и погонами, сбоку красовался кортик. Мое сердце радостно забилось в предчувствии каких-то перемен. Мысли улетели в недалекое военное детство, когда наша семья жила в городе Анапе, и я постоянно видел военных моряков.

Классный руководитель Ольга Николаевна объявила, что сейчас перед нами выступит капитан-лейтенант Лысенко и расскажет о Тихоокеанском высшем военно-морском училище.

Я ловил каждое его слово. Он говорил о том, что для абитуриентов проезд до Владивостока за счет военкомата, проживание и питание во время экзаменов обеспечивает училище, рассказывал о перспективах морского офицера. К концу беседы я принял твердое решение ехать учиться во Владивосток.

В конце беседы капитан-лейтенант сказал, что тех, кто изъявит желание учиться в училище, он завтра ждет в 302 номере гостиницы Центральной.

Мама не была в восторге от моего решения. Ей очень хотелось, чтобы я пошел учиться в медицинский. Мне не нравилась эта профессия, кроме того в то время среди школьников было мнение, что в Пед и Мед идут учиться только дураки.

В назначенное время я был в гостинице у Лысенко. Кроме меня никто из учеников класса не пришел. Он расспросил меня о семье, чем увлекаюсь, обратил внимание на значок стрелка третьего разряда, который был приколот на моем пиджаке. Разговор велся дружелюбно и был интересным. Капитан-лейтенант не только рассказывал о жизни курсантов, но и о многом расспрашивал меня, словно прощупывал, готов ли я стать моряком. Меня не покидала мысль – пригласит ли меня поступать в училище.

В конце беседы он предложил написать заявление и сказал:

- После окончания школы Вас пригласят в военкомат и направят во Владивосток для сдачи экзаменов в училище.

Домой я возвращался как на крыльях. Сделан первый ответственный шаг в жизни. Для достижения поставленной цели надо было сдать успешно экзамены в школе и выдержать конкурс в училище. Маме до поры до времени не стал рассказывать о принятом решении, чтобы ее не расстраивать. Поездки на рыбалку прекратил, все свободное время сидел за учебниками. Она порой меня спрашивала:

- Куда ты все-таки собираешься идти учиться?

- Получу аттестат зрелости, тогда будет видно, - уклончиво отвечал ей.

Вскоре после выпускного вечера мне принесли повестку. Когда я пришел в военкомат, мне сказали, чтобы через три дня прибыл на пункт сбора для поездки во Владивосток, при себе иметь продуктов на семь дней. . .

На перроне вокзал разношерстную толпу бывших десятиклассников построил по ранжиру в одну шеренгу сопровождающий нас капитан. В строю стояло

тридцать шесть человек из Новосибирска и соседних областей. Он проверил по списку присутствующих, подошел к правофланговому и спросил:

- Ваша фамилия?
- Васильцов.
- Имя?
- Олег.
- Будете старшим в группе, отвечаете за дисциплину в вагоне. Во Владивостоке вас встретит представитель училища.

Затем передал ему какие-то документы и скомандовал:

- Направо! По одному в вагон шагом марш! . . .

Паровоз дернул состав и стал набирать скорость. Я сидел у окна, и мне казалось, что вокзал медленно поплыл назад. Прощай, Новосибирск. Через семь дней я увижу город на берегу Тихого океана, с которым на многие годы меня свяжет судьба.

Женька - крысолов

В курсантском кубрике стоял гул, как в пчелином улье, царило радостное оживление. Сто двадцать человек готовились к первому длительному плаванию. Каждому надо было успеть погладить выходную форму и аккуратно уложить в рундук (походный морской брезентовый саквояж), сдать в стирку постельное белье, отнести на склад матрас и одеяло и, главное, пришить на рукав форменки две галочки, означающие переход на второй курс обучения.

Женя Харитонов, пришивая галочки, мечтал, как после месячного плавания приедет домой в красивой морской форме, обязательно сходит в школу, чтобы покрасоваться перед учителями и школьниками.

Его сосед по койке Альберт Матросов скатал одеяло в рулон – так на склад нести удобнее, немного подумал и ударил им Женю по спине. Женька не мог остаться в долгу. Он моментально скатал свое одеяло, и у них началась потасовка, во время которой опрокинулась двухъярусная кровать. Раздались крики и смех курсантов, наблюдавших за поединком.

В это время в кубрик вошел командир роты майор Бушуев. Его глаза расширились от увиденного беспорядка, душа негодовала.

Дневальный, стоящий у дверей, вытянулся по стойке «смирно», приложил руку к бескозырке и начал докладывать:

- Товарищ майор . . .
- Отставить доклад, - раздраженно произнес командир роты, - сыграйте построение.

Дневальный снял с груди боцманскую дудку и заиграл построение.

Когда рота была построена в две шеренги, майор произнес длинную воспитательную речь. Курсанты, стоящие во второй шеренге, прятали улыбающиеся лица за спины товарищей первой шеренги. Стоящие в первом ряду с трудом сдерживали улыбки и смех. Они знали, что за смех в строю можно получить

наряд вне очереди от щедрого на наряды командира роты. Речь майора закончилась словами: «одеялу надо беречь, одеялу дают один раз на два года».

Майор до войны окончил всего три класса начальной школы. Его речь всегда потешала курсантов. После произнесенной тирады он приказал Матросову и Харитонову выйти из строя.

- За небережливое отношение к казенному имуществу объявляю по два наряда вне очереди. Будете «гульюн» драить, - самодовольно произнес майор.

После этого он приказал роте разойтись. Штрафники сильно не тужили - сегодня во второй половине дня рота должна быть на пароходе, а майор уйдет в отпуск.

Бушуев во время войны отличился храбростью, имел много боевых наград, окончил краткосрочные курсы командиров и к концу войны командовал ротой морской пехоты. Бригада, в которой он служил, готовилась к высадке на японские острова. К сожалению, наши корабли опоздали – американские войска высадились в Японии раньше. После расформирования роты, его направили в военно-морское училище, чтобы дать возможность дослужить до пенсии.

Штурманскую практику курсанты проходили на пароходе «Енисей». Огромный трехпалубный пароход достался нашей стране в качестве контрибуции после войны с Японией. Это был прогулочный пароход императора Микадо и назывался «Мицу Мари». Его залы были облицованы мрамором с изображением драконов и разных национальных орнаментов. В этих залах для каждого курсанта стоял стол с картой для прокладки курса парохода. Маршрут «Енисея» проходил от Владивостока вдоль восточного берега материка до Советской гавани, затем через Татарский пролив - к острову Сахалин. В Углегорске пополнили запасы угля и продолжили путь вдоль Сахалина на юг. Через пролив Лаперуза вышли в Охотское море, чтобы вдоль Курильских островов следовать на Камчатку.

Кроме штурманской практики курсанты несли вахту на всех боевых постах. Самой трудной была вахта в котельном отделении. В топках котлов сжигался уголь, который надо было тачками подвозить к котлам, затем лопатами забрасывать в раскаленные топки. Пароход имел двойной корпус. Между наружным и внутренним бортами размещались бункера с углем.

Женька, раздетый до пояса, обливаясь потом, забрасывал уголь в топку и постоянно повторял слова песни: «Огни в твоей топке совсем не горят».

Вскоре выяснилось, что вахта у котлов - не самое тяжелое испытание для курсантов. Около города Углегорска «Енисей» стал на якорь для пополнения запаса угля. К его борту пришвартовалась баржа, груженная углем. Устройство парохода предусматривало только ручную погрузку угля. Курсанты лопатами насыпали уголь в мешки. Они, как муравьи, облепили гору угля. На баржу были спущены два трапа. По одному курсанты вереницей спускались с парохода, каждому на спину их товарищи взваливали мешок с углем, затем по другому трапу они поднимались на палубу, подходили к люкам бункера, где двое курсантов помогали снять мешок и высыпать уголь в горловину бункера. С пустыми мешками они следовали вновь на баржу. Курсанты в синей рабочей робе были похожи на муравьев потревоженного муравейника.

Во время стоянки в Советской гавани были проведены шлюпочные гонки на десятивесельных катерах. Катерами называются шлюпки, у которых нос и корма имеют одинаковые обводы. После гонок в месте затопления знаменитого фрегата «Паллады» спустили на воду венок.

Преподаватель астрономии капитан второго ранга Н. Я. Увалов рассказал курсантам удивительную и полную приключений долгую жизнь последнего парусного фрегата русского флота.

. . . Фрегат был построен в 1831 году и назван в честь греческой богини Афины Паллады. Первым его командиром был капитан-лейтенант П.С. Нахимов, будущий герой Крымской войны. Корабль входил в состав эскадры вице-адмирала Ф.Ф. Беллинсгаузена, открывшего Антарктиду.

Позже фрегат использовали для выполнения ответственного задания - доставки в Японию миссии во главе с адмиралом и дипломатом Е.В. Путятиным, который должен был заключить торговый договор с этой, еще мало известной для иностранцев, страной.

Секретарем посла был И.А. Гончаров, к тому времени уже известный писатель. После успешного завершения переговоров и возвращения на родину Гончаров издал обширный труд под названием «Фрегат Паллада».

Война России с Англией и Францией застала фрегат в Тихом океане. Вражеская сторона располагала в этом районе Мирового океана сильным флотом. Из Петербурга пришло предписание: фрегату в бой не вступать, а уйти в устье Амура. Корабль укрылся в Императорской (ныне Советской) гавани. Путятин и Гончаров вернулись в столицу по суше. Через год, из-за множества течей в корпусе, ветеран парусного флота был затоплен. . .

Все свободное время курсанты проводили на палубе. Здесь же на свежем воздухе предпочитали обедать. В вечернее время свободные от вахты курсанты, собирались на корме парохода. Володя Яковлев, будущий капитан первого ранга и военно-морской атташе во Франции, приносил аккордеон, и неслись до отбоя над голубой гладью бухты морские песни. Иногда в перерыве между песнями кто-нибудь скажет:

- Женя, расскажи анекдот.
- Из какой серии? - невозмутимо спросит он.

Сразу несколько голосов называли темы: «про женщин, про Чапаева, про чукчей, медицинские».

Женя доставал из кармана блокнот, в котором несколько сот анекдотов записаны по темам, и, взглянув только на заголовок анекдота, начинал с серьезным видом рассказывать. Он менял интонацию, делал небольшие остановки, чтобы дать слушателям посмеяться. При этом на его лице не дрогнул ни один мускул.

Способности Харитонова не ограничивались умением рассказывать анекдоты, он был инициатором многих шуток. Курсанты такие шутки называли «хохмами». Однажды в дождливую погоду курсанты в кубрике играли в домино и шахматы, очередники на игру скучали от безделья. Альберт Матросов улегся спать до отбоя и его храп звучал аккомпанементом стуку костяшек домино по металлическому столу. Неожиданно Женька предложил:

- Давайте зашьем одну штанину робы Матросова. Утром вдоволь посмеемся.

Инициатива была поддержана. Быстро нашлись иголка и нитки. Штанина брюк была прострочена в районе колена. Утром Альберт долго прыгал на одной ноге, пытаясь просунуть в штанину вторую ногу.

Вместе с пароходом «Мицу Мари» нашему флоту досталась масса крыс в его помещениях. Ночью крысы бегали в кубрике по трубопроводам, проложенным вдоль бортов парохода, иногда срывались и падали на спящих курсантов. Некоторые курсанты занялись отловом крыс петлями. За пойманную крысу полагалось два дня дополнительного отпуска. Добычу относили к доктору, который записывал в журнал фамилию «охотника» и приказывал жертву выбросить в иллюминатор.

Когда Алексей Катков утром вынул из петли крысу, к нему подошел Женя Харитонов с предложением:

- Иллюминатор медпункта находится над четвертым иллюминатором нашего кубрика. Крысу не бросай далеко в море, а опусти вдоль борта. Я поймаю ее сачком.

Идея была понята и одобрена. Катков понес крысу в медпункт к доктору, а Харитонов высунул в иллюминатор сачок, сделанный из алюминиевой проволоки и сетки, найденными на берегу. Вскоре крыса оказалась в сачке. Женька от удовольствия потер руки и отправился к доктору. Все присутствующие в кубрике захотели таким способом получить дополнительный отпуск. В тот день к доктору зачастили «крысоловы». Это вызвало у него подозрение, а, может быть, он узнал по внешнему виду крысу. Когда к нему пришел очередной курсант, он взял ножницы и отрезал крысе кончик хвоста. На этом закончилась инициатива Харитонова, а за ним закрепилось прозвище Женька-крысолов.

Конь на корабле

Над Камчаткой ярко светило весеннее солнце, в его лучах на горизонте сияла снежная вершина вулкана Авачинская сопка. Я, молодой лейтенант, поднимался по тропе в сопки полуострова Завойко. Мой путь лежал на базу бригады охраны водного района, которая разместилась на небольшом плато среди сопок на другой оконечности полуострова, в трех километрах от причала дивизиона больших охотников за подводными лодками. Это был класс противолодочных кораблей с самым современным вооружением по тем временам. Кроме них в составе бригады были малые охотники за подводными лодками. Тропа тянулась среди редкого леса, на деревьях недавно распустились листья, по сторонам появилась молодая трава. Весна бодрила меня и создавала отличное настроение, я радовался успехам в службе, из головы еще не выветрились курсантские мечты – со временем стать адмиралом. Молодой, здоровый организм был полон энергии.

На корабле, кроме основных обязанностей командира артиллерийской боевой части, я исполнял общественные обязанности финансиста. Сегодня я шел в финансовую часть бригады получить месячное денежное довольствие для экипажа корабля.

Войдя в здание финчасти, остановился у барьера, отделяющего посетителей от сотрудников. За барьером сидел начфин - капитан интендантской службы Мариневич и три девушки. Поздоровавшись с капитаном, я помахал рукой девчатам.

По выражению их лиц понял, что они рады были вступить со мной в разговор. Я не жалел комплементов в их адрес. Мне комплементы дорого не стоили, а им было приятно. Каждая из них, вероятно, хотела выйти замуж за офицера. В те времена офицеры, особенно морские, пользовались уважением и любовью населения.

- Лейтенант, прекратите отвлекать моих сотрудниц, - произнес начфин и протянул мне ведомость и пачки денег.

- Пересчитай и распишись, - добавил он.

Я начал считать деньги. В этот момент раздался телефонный звонок. Выслушав собеседника на другом конце провода, Мариневич громко произнес:

- Бегом на причал! Твой корабль выходит в море.

Сбросав пачки денег в балетку, я, как ошпаренный, выскочил за дверь и помчался во весь дух по дороге, обеспокоенный одной мыслью: только бы не опоздать! Пробегая мимо пекарни, заметил оседланную лошадь, привязанную к дереву. Не раздумывая, подбежал к ней, отвязал уздечку, вскочил в седло и погнал ее во весь опор. Из пекарни выскочил солдат, махал руками и что-то кричал мне в след. Я его не слышал, продолжал гнать лошадь. Она оказалась резвой в скачках, легко неслась под гору. Мне вспомнилось детство на Кубани, когда с друзьями гонял лошадей купать на реку. Конюх просил нас ехать шагом, но мы никогда не лишали себя удовольствия проскакать галопом хоть несколько сот метров.

Эти воспоминания мгновенно пролетели, и я вернулся к действительности.

«Что мне делать, если корабль уйдет в море без меня?» – обожгла меня мысль, как током. Это чрезвычайное происшествие, оно может плохо кончиться для меня.

Лошадь принадлежала артиллеристам береговой обороны. Их орудия были расположены на побережье океана при входе в Авачинскую бухту. Ежедневно они получали хлеб в пекарне нашей бригады.

Подлетая по крутому спуску к причалу, я опоздал осадить лошадь, она по инерции залетела на узкий причал, к которому бортами были пришвартованы корабли. Только там я смог ее остановить. Увидев меня с мостика, мой командир в рупор подал команду:

- Убрать кормовой! Поднять якорь!

Корабль медленно двигался вдоль причала, когда я прыгнул на палубу. Взбежав по трапу на ходовой мостик, доложил командиру:

- Товарищ капитан-лейтенант, денежное довольствие получил.

- Отнеси деньги в каюту и приступай к выполнению обязанностей вахтенного офицера.

. . . На баке двое матросов из брандспойтов обмывали якорную цепь от ила, боцман следил за движением цепи в клюз. На корме матрос держал фал кормового флага, чтобы спустить флаг с подъемом якоря. В этот момент военно-морской флаг будет поднят на мачте.

- Якорь чист, - доложил боцман.

Командир корабля передвинул рукоятки машинного телеграфа на малый ход, и корабль, как живое существо, отряхнувшись от спячки, вздрогнул и начал набирать скорость. Рукоятки телеграфа постепенно были передвинуты на средний, затем на полный ход. Корабль приподнял носовую часть корпуса и

помчался, разрезая воду. Мерно работали двигатели в машинном отделении, за кормой винты бурлили воду, от которой оставалась кильватерная струя, как след от лыж на снегу. Только теперь командир объяснил мне причину экстренного выхода в море:

- Рыбаки обнаружили плавающую мину. Наша задача найти ее и уничтожить. . . .Во время войны все подходы к Камчатке были заминированы нашими моряками, а подходы к Курильским островам - японцами. Траление мин велось до 1957 года. Часть мин осталась под водой, и они периодически всплывали.

Корабль подходил к выходу из Авачинской бухты, со сторожевого катера замигал прожектор, требуя показать опознавательные знаки для выхода в море, наш сигнальщик ответил миганием прожектора. В открытом море капитан задал рулевому курс к месту обнаружения мины. На подходе к заданному квадрату капитан приказал мне объявить боевую тревогу.

- Боевая тревога! Боевая тревога! – раздался мой голос по трансляции во всех кубриках и на боевых постах.

По металлической палубе застучали десятки матросских сапог. На кораблях пешком не ходят, матросы бежали изо всех сил, их беспокоил вопрос: почему объявлена боевая тревога? Обычно в плавании объявлялась учебно-боевая тревога. Радисты и акустики бежали в свои рубки, сменные сигнальщики вмиг оказались на ходовом мостике, комендоры расчехляли орудия, опробовали работу механизмов. . .

- Вижу неопознанный предмет, пеленг сто пять, дистанция двадцать два кабельтовых, - доложили из радиолокационной рубки.

- Впередсмотрящему на мачту! Курс сто пять! - скомандовал командир.

Сменный сигнальщик, с ловкостью обезьяны, поднялся по скобам в смотровую корзину и в бинокль стал осматривать море. Через несколько минут послышался его голос:

- Мина по курсу корабля, дистанция пятнадцать кабельтовых!

Доклады шли один за другим:

- Дистанция двенадцать кабельтовых!
- Дистанция восемь кабельтовых!
- Дистанция пять кабельтовых!
- Стоп машины! - подал команду командир.

Машины застопорились, нос корабля осел в воду, и он заскользил по воде по инерции. Все невооруженным глазом увидели зловеще-черную полусферу со свинцовыми рогами подводной мины. Стоило кораблю задеть бортом за этот колпак, он сминался, раздавался взрыв, и судно получало пробоину.

- Стрелять будешь главным калибром? - спросил меня командир.

- Товарищ командир, разрешите уничтожить мину из второго зенитного автомата, у старшины Щербаня молодые наводчики, хочу проверить, чему он их обучил.

- Добро! Приступай к стрельбе.

- Дальномер дистанцию! - затребовал я у дальномерщиков.

- Дистанция два кабельтова!

- Второй автомат! Готовность к стрельбе номер один!

Выждав время на подготовку к стрельбе, четким голосом продолжил говорить в микрофон:

- Слева по борту, по мине, дистанция два кабельтова, одиночным, огонь!
На голове старшины Щербаня был надет шлемофон с наушниками, посторонние шумы не мешали слушать команды.

Раздался выстрел и почти одновременно поднялся в воздух фонтан воды от разорвавшейся мины. Командир перевел рукоятки машинного телеграфа на малый ход и подвел корабль к месту взрыва. На поверхности моря плавала глушеная рыба. К нашему сожалению, это был минтай, другой рыбы не было видно. В те годы минтай считался несъедобной рыбой.

- Радист! Соедините меня с оперативным дежурным штаба бригады, - произнес командир в переговорную трубу с радиорубкой.

- Оперативный дежурный на связи, - доложил радист.

- Докладывает капитан-лейтенант Соловьев, задание выполнено, объект уничтожен, прошу разрешения вернуться на базу.

Получив «добро», командир приказал горнисту сыграть отбой боевой тревоги, и корабль лег на обратный курс.

. . . В наше отсутствие на причале происходили плачевные для меня события. Оставленного мною на причале коня матросы, махая руками, стали сгонять на берег. Конь испугался, встал на дыбы и прыгнул на палубу корабля, стоящего бортом к причалу. Его подкованные копыта скользили по железной палубе, натертой соляром. Он, как пьяный, передвигался по палубе. Матросы бросились врассыпную, кто в испуге, кто со смехом.

- Полундра, конь на корабле! - раздался чей-то крик.

В это время у причала появился подполковник с солдатом, у которого угнали коня. Солдат побежал на палубу корабля, взял коня под уздцы и осторожно повел на берег. Подполковник потребовал старшего командира. На причал вышел командир дивизиона. Подойдя к подполковнику, он представился:

- Капитан третьего ранга Горшколепов.

В подполковнике кипела ярость, не представляясь, он обрушился на Горшколепова:

- Вы украли у меня коня, я его снял с вашего корабля! Зачем Вы это сделали? Куда Вы его хотели увезти?

- Я не крал вашего коня.

- Как он мог оказаться на корабле, с которого Вы сошли?

- Выслушайте, пожалуйста, меня, я Вам все объясню.

Горшколепову дежурный по дивизиону давно доложил о моем поступке, и он рассказал подполковнику. Тот не унимался.

- У меня в части ЧП, все батареи остались без хлеба, солдаты могут пожаловаться, я должен доложить о случившемся по инстанции. Меня могут спросить, какие я принял меры.

- Чем я Вам могу помочь? - с трудом прервал монолог артиллериста Горшколепов.

- Покажите мне хулигана и отправьте его на гауптвахту.

- К сожалению, я не могу этого сделать, он в море.

- Тогда объявите выговор, я хочу взять с собой копию приказа для доклада начальству. . .

В тот же день меня под расписку ознакомили с приказом, в котором за угон коня воинской части береговой обороны мне объявлялся выговор.

Командир корабля, узнав от Горшколепова о моем выговоре, успокоил:

- Не переживай, помни: за одного битого трех небитых дают.

На следующий день меня вызвали в штаб к командиру бригады.

Поднимаясь по знакомой дороге вверх между сопок, я не радовался весне, как сутки тому назад, меня не волновали первые цветы-медуницы, распустившиеся около дороги, тело отяжелело, устало передвигались ноги. В мыслях перебирал всевозможные варианты наказания, которые мог применить ко мне командир бригады. Меня обдало холодным потом, когда подумал, что меня могут уволить из флота. Тогда, прощайте мечты, об адмиральстве.

В кабинете командира бригады я сделал три шага от двери, встал по стойке смирно, приложил руку к фуражке и доложил:

- Товарищ капитан первого ранга, лейтенант Кайков прибыл по вашему приказанию.

- Вольно, дай я на тебя посмотрю, казак лихой.

Он на минуту задумался, затем неожиданно для меня спросил:

- Мину расстрелял с первого выстрела?

- Так точно, расстрелял.

- За хорошую подготовку личного состава и за успешное выполнение боевого задания, объявляю благодарность.

Я был готов к любому наказанию и не ожидал такого поворота событий. Вытянувшись по струнке, произнес уставную фразу:

- Служу Советскому Союзу!

- Вольно, лейтенант, можешь быть свободным, желаю успехов в службе. Предчувствие беды сменилось радостным настроением, я всем телом, каждой его клеткой, ощутил, как к сердцу подступала радость. Не помню, как оказался на улице. Мне хотелось петь и плясать. В ногах появилась легкость. Проходя мимо пекарни, увидел знакомую лошадь. Шальная мысль мелькнула в голове: вскочить в седло и проскакать с ветерком. От такой мысли на лице появилась улыбка – второй раз такой номер благополучно сойти не мог.

На корабль летел, как на крыльях, не чувствуя притяжения земли.

Командир бригады был боевым офицером, он воевал на бронекатерах Дунайской флотилии, ценил смелых и находчивых моряков.

Любовь и море

Июльское солнце щедро заливало улицы портового города своими лучами. Владивосток притих в ожидании начала празднования Дня Военно-Морского Флота. Все здания были украшены флагами, транспарантами и замерли как в строю, ожидая парада. На улицах были видны лишь редкие прохожие, не слышно шума городского транспорта. Большинство жителей собралось на

Водноспортивной станции ТОФ или уселись у телевизоров в ожидании открытия главного праздника моряков. Неожиданно тишину на улице Ленина нарушил стук женских каблуков по брусчатой мостовой. Две подруги спешили на набережную Амурского залива, чтобы увидеть парад военных кораблей и театрализованное представление на воде. На них были легкие цветные платья с короткими рукавами, которые подчеркивали стройность девичьих фигур и придавали легкость их движениям. Они работали на судоремонтном заводе, и их жизнь была связана с ремонтом кораблей.

- Твой Василий сегодня на берегу или в море? - спросила Нина подругу.

- Прежде всего, он не мой, мы просто дружим,- ответила Люда, - сегодня он на корабле, участвует в параде. Вечером обещал встретиться.

- Не скромничай, он тебя любит, соглашайся выйти за него замуж, а то он может и передумать.

- Вася один раз предложил выйти за него замуж, а я посчитала - нескромно с первого раза соглашаться. Он больше не предлагает.

- Не беспокойся, еще предложит. Вот у меня никого нет. Завидую тебе, подруга, но не обижайся. Это белая зависть.

- Не грусти, Нинуха, будет и у тебя праздник.

Нина родилась в селе Спасском Приморского края. Ее с детства привлекало и тянуло к себе море. Ей хотелось жить на берегу моря, постоянно видеть его просторы, купаться в его объятиях. Чтобы приблизить эту мечту, она выучилась на кораблестроителя. И вот уже второй год жила во Владивостоке и работала по специальности. Подруги еще долго вели разговор на интересующую их тему. Редкая девушка во Владивостоке не мечтала выйти замуж за военного моряка. Так за разговором они пришли на Водноспортивную станцию. Показав вахтерам пригласительные билеты, заняли свои места.

На рейде Амурского залива стояли боевые корабли Тихоокеанского флота, украшенные флагами расцвечивания. Гирлянды флагов тянулись от носовых флагштоков до клотиков мачт и спускались к корме. Они увеличивали контуры кораблей и создавали праздничное настроение. Команды всех кораблей были выстроены на палубе вдоль борта лицом к берегу. Моряки были одеты по форме номер два. На них были черные брюки, белые бескозырки и фуражки, белые форменки и кителя. Командующий Тихоокеанским флотом на катере уже начал обход кораблей, стоящих в линии парада. Его катер останавливался около каждого корабля, адмирал здоровался с экипажами, поздравлял с Днем Военно-Морского Флота. До берега доносились громкие звуки трехкратного «ура».

Из динамиков звучал голос диктора, который рассказывал о ратной истории Флота. Затем объявил: сейчас будет показан элемент атаки торпедных катеров на крупные боевые корабли.

Неожиданно из-за мыса вылетел как на крыльях торпедный катер и устремился к боевым кораблям. Его скорость была такова, что в воде находилась только корма, нос и корпус приподнялись над водой. Создавалось впечатление, что он вот-вот оторвется от воды и взлетит. Проходя вдоль строя кораблей, он начал ставить дымовую завесу. Белый «туман» за кормой катера поднимался плотной полосой и закрывал обзор с кораблей в сторону моря. Поставив ды-

мовую завесу, торпедный катер развернулся на сто восемьдесят градусов и скрылся за поставленной завесой.

Голос диктора сообщил, что дымовую завесу ставил отличник боевой и политической подготовки старший лейтенант Анатолий Дорохов.

Нина подумала, что в боевой обстановке корабли, стоящие на рейде, должны открыть по катеру ураганный огонь. Постановку завесы командование могло поручить только опытному и смелому командиру торпедного катера. Как интересно выглядит этот Анатолий Дорохов?

В это время со стороны моря появилась группа торпедных катеров, которые под прикрытием дымовой завесы подошли к кораблям на рейде, пронеслись через завесу, атаковали надводные корабли, мгновенно развернулись и скрылись за дымовой завесой.

Диктор сообщил фамилии командиров торпедных катеров. На трибунах царил восторг. Кто-то узнал своих мужей, кто-то знакомых и близких. Нина пропустила мимо ушей все фамилии, она запомнила только одну фамилию Дорохов и думала о владельце этой фамилии.

После показанного учебного боя торпедных катеров началось театрализованное представление. На воде появились сотни плывущих моряков, у всех на голове были белые береты. Они плыли с транспарантами и портретами. По их расположению на воде можно было читать лозунги. Представлением руководил Бог морей Нептун. Он с длинной бородой и трезубцем в руке гордо восседал на троне, который медленно плыл по заливу в окружении слуг и подданных.

Когда девушки возвращались домой, улицу невозможно было узнать. Она было заполнена народом. Начиналось массовое гуляние, звучала музыка знакомых мелодий. Люда была веселой и оживленной. В восемнадцать ноль-ноль ей было назначено Василием свидание около дома офицеров. Нина шла, молча, не обращая внимания на несмолкаемое щебетание подруги.

- Что с тобой происходит? - не выдержала Люда, - о чем ты мечтаешь?
- Как ты думаешь? Какой он из себя? - на вопрос вопросом ответила Нина.
- Ты о ком говоришь, подруга? - спросила Люда.
- О Дорохове.
- Кто такой Дорохов? - удивилась Люда.
- Командир катера.
- Какого катера?
- Торпедного катера, который ставил дымовую завесу.
- Ты что, с ним знакома? - заинтересовалась Люда.
- Нет, не знакома.
- Почему тогда тебе знакома его фамилия?
- Ее объявил диктор во время морского парада, - ответила Нина.
- И ты ее запомнила? - удивилась Люда.
- А ты разве не запомнила? - спросила Нина.
- Нет, не запомнила.

Подруги замолчали, думая каждая о чем-то своем. . .

Корабельноремонтный завод работал как заведенный механизм. Работая инженером-технологом, Нина принимала заявки на ремонт кораблей и подводных лодок, составляла графики постановки их в док. Однажды ее внимание привлекла заявка на ремонт в доке торпедного катера. В ее памяти всплыли события празднования Дня Военно-Морского Флота. «Может быть, это катер Дорохова?» - промелькнула мысль в ее сознании. На душе стало радостно и тревожно. Под этим впечатлением застала ее Люда, когда вошла в кабинет.

С волнением в голосе и радостным блеском в глазах Нина сказала подруге:

- К нам в док поступает торпедный катер!

- Чему ты радуешься, подруга? - удивилась Люда.

- Это, наверное, катер Дорохова.

- Какого Дорохова? - еще сильнее удивилась Люда.

- Ты, разве не помнишь? В День Военно-Морского Флота он ставил дымовую завесу, - ответила Нина.

- Мне кажется, что у тебя, Нина, не все в порядке с головой.

- Это почему же?

- На флоте сотни торпедных катеров. Почему этот катер должен быть обязательно Дорохова?

- У меня такое предчувствие.

- Его бортовой номер или воинская часть тебе известны?

- Нет, не известны.

- О чем тогда разговор?

Разговор между подругами длился долго, каждая отстаивала свою позицию.

На следующий день в дверях кабинета Нины появился молодой офицер среднего роста. Он остановился в дверях и произнес:

- Разрешите войти?

Нина обратила внимание на его стройную, подтянутую фигуру. От ее взгляда не ускользнули хорошо выглаженные брюки и тщательно начищенные ботинки. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами и думала: «Неужели это он?». Посетитель заметил ее замешательство, приветливо улыбнулся и повторил свою просьбу:

- Позвольте войти?

- Да, конечно, входите! - спохватилась Нина.

Старший лейтенант прошел к столу и присел на предложенный ему стул. Он достал из внутреннего кармана кителя бумаги и протянул их Нине со словами:

- У меня предписание пройти ремонт в вашем доке, когда я могу поставить катер в док?

Нина развернула документы, ее взгляд выхватил из текста только фамилию - Дорохов. Не читая текста, она произнесла:

- Не может быть!

- Что не может быть? - удивился моряк.

- Неужели Вы Дорохов?

- Собственной персоной перед Вами, - ответил старший лейтенант и добавил: - прошу любить и жаловать.

Нине понравился его спокойный, уверенный тон, улыбка на лице и внимательный взгляд. Внутренне она была готова ответить согласием на его шутливое предложение: «любить и жаловать». В то время осуждались девушки, которые первыми шли на сближение с мужчинами. О них говорили: «Вешается на шею мужчине». Автор здесь не имеет в виду интимные отношения. Они допускались только после свадьбы. Нине хотелось сказать, что время покажет, но вместо этого произнесла:

- Завтра из дока выходит подводная лодка, будьте готовы к постановке в док.

Дорохову понравилась симпатичная брюнетка с короткими пышными волосами. От него не ускользнуло ее замешательство при его появлении в кабинете. Он понимал, что она не случайно запомнила его фамилию, в ее глазах видел не праздное любопытство к нему, а чувства, которые пока не мог понять и оценить. В его планы не входило знакомиться и уделять внимание первой встретившейся девушке, поэтому он продолжил разговор официальным тоном и, распрощавшись, удалился.

После окончания работы подруги поднимались по крутому подъему от бухты Золотой рог к главной улице города. Была пасмурная погода, моросил мелкий дождь. Стоял тот период года, когда ветер приносил влагу со стороны морских просторов и щедро одаривал ею приморский город. Люда спросила:

- Виделась со своим Дороховым?

Нина пожала плечами и не ответила.

- Почему столько грусти в голосе? Что случилось? - допытывалась Люда.
- Плохая погода действует на меня.
- Рассказывай, не томи.
- Он какой-то официальный и твердый как сухарь.
- Офицер таким и должен быть, - назидательно сказала Люда.
- Представь себе, что он не захотел поговорить со мною, оформил документы на постановку катера в док и вежливо распрощался.
- Тебе хотелось, чтобы он с каждой встречной девушкой разводил «Тарыбары?»

Девушки долго вели разговор на тему, которая интересует каждую незамужнюю женщину. Нина сделала вывод, что черта характера Дорохова, которую она приняла за недостаток, является положительной.

Во время ремонта катера Дорохов почти каждый день встречался с Ниной, перебрасывался несколькими фразами, но не вступал в длинный разговор. После завершения ремонта зашел проститься и отбыл к месту базирования в бухту Разбойник. Здесь он стал часто вспоминать Нину. Она бередила его душу. Чем больше он думал о ней, тем больше она ему нравилась. Он не раз пожалел, что не пригласил ее в кино или на танцы.

Нина также часто думала о Дорохове. Если мысли материальны, как утверждают некоторые ученые, и могут передаваться на расстояние, то их мысли обязательно встречались где-то в пространстве между Владивостоком и бухтой Разбойник, а затем долетали и до их душ.

Прошло несколько месяцев после знакомства с Ниной. Анатолий Дорохов был приглашен на свадьбу к своему сослуживцу Виктору Алексееву. К его

удивлению, среди приглашенных гостей была Нина. Он подошел к ней как к старой знакомой, вытянулся по струнке и поздоровался, наклонив голову. Затем протянул к ней руку. Нина положила в его ладонь свою. Толя наклонился и поцеловал ее руку. Лицо Нины залилось румянцем от смущения. Она была рада этой встрече, ее душу наполнило предчувствие счастья, о котором она мечтала. Толя не отходил от нее ни на шаг. За стол сел рядом и постоянно ухаживал за Ниной. Она обратила внимание на его манеры и подумала, что не зря говорят, что в военно-морском училище обучают курсантов манерам хорошего тона.

Когда начались танцы, Толя танцевал только с Ниной. Он был прекрасным партнером. Водил Нину легко и свободно. Во время вальса мог кружиться в обе стороны. В его движениях чувствовалась выучка, полученная на курсах бальных танцев в училище. Он много говорил, старался развлекать ее рассказами о себе. К концу вечера она уже знала, что он родился в Новосибирске, окончил среднею школу № 40. Много читал о морских открытиях, о победах русского флота в морских сражениях. Мечтал стать моряком и продолжить традиции прославленных моряков. После окончания школы, по зову сердца, приехал во Владивосток вместе со своим одноклассником Мишей Беляковым и поступил учиться в Высшее военно-морское училище. Его родители жили в Новосибирске около площади Станиславского.

Нина думала, что случайных встреч в жизни не бывает. Она встретила человека с родственной ей душой. Видимо, судьбой было предначертано встретить ей Дорохова, любовь к которому зародилась до знакомства с ним.

Вечером Толя проводил Нину до ее дома и назначил свидание в следующее воскресенье. После трех встреч Дорохов посчитал, что пора делать Нине предложение выйти за него замуж. Предложение было принято, и они поженились.

Их медовый месяц не успел закончиться, как командование Тихоокеанского флота решило перебазировать торпедные катера из бухты Разбойник. Катера погрузили на транспорт и вместе с личным составом отправили на Камчатку.

Нина, выходя замуж за морского офицера, предполагала, что в их жизни будут перемены места службы мужа, но не думала, что это будет так скоро. Она подала заявление об увольнении с работы, чтобы немедленно следовать за Толей. Но не тут-то было. Ей отказали в немедленном увольнении. Пришлось подать заявление под роспись и отработать установленный законом срок.

Пароход «Русь» подал два гудка паровым свистком, и буксир медленно стал отводить его от стенки морского причала. Пассажиры толпились на верхней палубе парохода, махали руками и платками провожающим их знакомым и близким. Нину пришла проводить ее подруга Люда. Когда среди толпы на причале уже нельзя было разглядеть Люду, Нина перевела взгляд на панораму города. Сразу за причалом был виден железнодорожный вокзал, дальше, за вокзальной площадью, по склону сопки поднимался сквер, в котором она любила сидеть на лавочке и любоваться посаженными на газонах розами. Выше на сопке ступенями размещались жилые дома. «Когда я вновь увижу эти знакомые и дорогие сердцу места? - думала Нина, - и каков город Петропавловск-Камчатский?»

Пароход медленно шел по бухте Золотой рог. Слева был виден мыс Голдобина, справа возвышался мыс Энгершельда. Нине часто приходилось бывать в этом районе Владивостока. Там проходит улица Портовая, с которой открывается прекрасная панорама на залив Петра Великого. Она разглядывала дома на склоне сопки и думала: «Скоро ли я вернусь в этот город, который успела полюбить и прикипела к нему сердцем». Ей было тогда неведомо, что вернется она во Владивосток только через двадцать долгих лет. Когда пароход вышел в залив Петра Великого, по левому борту открылся остров Русский. Нина вспомнила экскурсию на этот остров. Ее тогда поразила палубная артиллерия, снятая с одного из кораблей, участвовавшего в Цусимском сражении и установленная на острове. Диаметр стволов был 450 мм. Каждый квадрат моря, в пределах дальности стрельбы орудий, был пристрелян. Ни одно вражеское судно не могло подойти безнаказанно к острову, защищающему подступы к Владивостоку.

Пока Нина предавалась воспоминаниям, пароход вышел в Японское море и взял курс к острову Сахалин, чтобы пройти проливом Лаперуза, разделяющим Сахалин и японский остров Хоккайдо, в Охотское море. Погода благоприятствовала плаванию. Солнце щедро отдавало свое тепло морю и пароходу. Слабый северо-восточный ветер не приносил прохлады. Все металлические надстройки были настолько нагреты, что руки с трудом терпели это тепло. Нина подумала: «Хорошо бы сейчас искупаться в море, вода, наверное, теплая как парное молоко». Она очень хорошо плавала и была большой любительницей купаться в море. Ее взгляд привлекли дельфины, которые сопровождали пароход и забавляли пассажиров групповыми прыжками из воды. Нина много читала о дельфинах, и всегда у нее оставался неразрешенным вопрос: почему эти животные стремятся к людям, иногда даже спасают тонущего человека? Дельфины так же внезапно исчезли, как и появились. Нина пошла в каюту, взяла книгу и попыталась читать, но ее мысли улетали на Камчатку. Она думала о Толе и строила планы совместной жизни на полуострове. Ее не страшила отдаленность от материка. Главное быть рядом с любимым человеком и морем.

Ее размышления прервал голос диктора, который объявил, что пароход проходит проливом Лаперуза. Нина, как и многие пассажиры, поспешила на палубу. С левого борта прекрасно просматривался Сахалин. По правому борту не очень ясно были видны очертания японского острова. Среди пассажиров царило оживление. Теперь они смогут рассказывать своим друзьям, что видели Японию.

Во время рейса был еще один случай, который Нина запомнила на всю жизнь. В Охотском море пассажиры увидели фонтаны китов. Морские исполины периодически появлялись на поверхности воды, пускали фонтаны и вновь исчезали под водой. Животные, видимо, окружили косяк рыбы и устроили пиршество.

В Авачинскую губу «Русь» входила во второй половине дня. Нину поразил суровый и величественный пейзаж полуострова. На горизонте были видны вершины вулканов, покрытые снегом в разгар лета. Отвесные скалистые берега входа в губу были неприступными для человека. Недалеко от входа из воды

поднимались три пирамидальных скалы, которые кто-то из пассажиров назвал кекурами. По левому борту из воды поднимался небольшой скалистый островок Бабушкин камень, на котором сидело множество всевозможных морских птиц. Около него летали изящные быстрокрылые чайки, с его уступов слетали черные тяжелые бакланы, на воде плавали неизвестные Нине породы уток. С давних времен птицы облюбовали остров для гнездования. Такие массовые скопления птиц называются птичьими базарами. Слабый ветерок со стороны заснеженных сопок обдувал пассажиров прохладой. Нине стало холодно, и она пошла в каюту, чтобы одеться теплее. Когда она вернулась на палубу, пароход подходил к причалу. Она не смогла увидеть панораму города, который растянулся вдоль бухты на несколько километров. Ее взгляд остановился на военных кораблях, которые стояли в длинный ряд кормой к причалу. Она узнала самые современные той поры эскадренные миноносцы пятьдесят шестого проекта. Оторвав взгляд от боевых кораблей, перевела его на причал. Толя стоял среди встречающих пароход с большим букетом цветов.

Пассажиры по одному спускались с парохода по крутому трапу. Не успела Нина поставить ногу на причал, как оказалась в объятиях мужа. После поцелуев Толя подхватил чемодан, взял Нину под ручку, и они пошли улицей, поднимающейся по крутому склону сопки.

Комната, которую снял Толя в частном доме, имела отдельный вход. Из окна хорошо просматривался причал и открывалась панорама Авачинской губы. Стол был накрыт на две персоны, стоял букет цветов и бутылка шампанского. «Как хорошо, что из окна можно любоваться морем», - подумала Нина.

- Сейчас мы с тобой перекусим, а вечером я приглашаю тебя в ресторан, расположенный на «Сопке любви», - сказал Толя.

- Почему сопка носит такое название?

- Не торопи события, я покажу тебе город и все его достопримечательности, - произнес Толя, приглашая супругу к столу. . .

Молодая счастливая пара шла по главной улице Петропавловска-Камчатского. Они свернули в небольшой сквер, где возвышалась на пьедестале колонна, на которой установлен глобус. Это памятник Витусу Берингу – основателю города. Перед памятником на каменном лафете ствол пушки напоминал о времени обороны города в 1854 г. от французов и англичан.

У подножья Никольской сопки, расположенной недалеко от центра города, они подошли к высокой стеле – памятнику воинам, погибшим при освобождении Курильских островов в августе 1945 года. Подъем на сопку оказался довольно крутым. На ней располагался Парк культуры и отдыха с рестораном и танцплощадкой, на которой играл духовой оркестр. В народе за сопкой закрепилось название «Сопка любви».

Дороховы жили дружно и счастливо в заботах друг о друге. У них родился сын Игорь, они получили квартиру на улице Советской. Нина очень любила море и радовалась, что в любой момент могла его видеть из окон своей квартиры.

В 1962 году начался очередной этап сокращения Военно-Морского флота. Торпедные катера Камчатской флотилии продали Индонезии, погрузили на

транспорт и отправили за рубеж. Офицеры остались не у дел. Дорохову предложили перейти служить в береговую оборону, но он отказался. При собеседовании заявил:

- Я окончил военно-морское училище и зеленые галифе не надену.

Тяжелые чувства одолевали Анатолия. Он понимал свою ответственность перед женой и сыном. Офицер не имеет права сам искать работу. За него это решает начальство. Мучительно долго тянулись дни ожидания своей участи. Когда ему предложили направление в распоряжение командования войск под названием «Москва-400», дал согласие. С Ниной они решили, что служить под Москвой лучше, чем на краю света в береговой обороне.

Не прожив на Камчатке двух лет, семья Дороховых вылетела самолетом ТУ-104 из аэропорта Елизово в Хабаровск, а затем в - Москву. Нина смотрела в иллюминатор на камчатские сопки, необъятную морскую даль и думала: «Вернемся ли мы когда-нибудь к берегам Тихого океана?»

«Москва-400» оказалась управлением «Стратегических межконтинентальных войск». Дорохова направили служить в ракетную часть, расположенную в глухой тайге на границе с Коми. В этой части служило много бывших моряков. При построении офицеров зеленая одежда чередовалась с черной морской формой. Анатолий два года щеголял в ней, пока не вышел срок ее носки.

Бывший моряк прослужил восемнадцать лет в одной ракетной части. В отставку уходил с должности заместителя командира полка. Местом постоянного жительства Дороховы выбрали Владивосток – город своей юности и любви. Здесь прошли их лучшие годы, здесь они встретились и полюбили друг друга. Их тянуло к себе море, город, где их свела судьба, где проживали многие Толины однокашники.

Они получили квартиру в доме, расположенном на Орлиной сопке. Из окон открывался вид на бухту Золотой рог. Теперь они до конца жизни будут неразлучными с морем и городом, в котором им суждено было встретиться в молодости. Нина любит выйти на балкон, опереться на перила и любоваться заливом, кораблями и теплоходами. Толя, бывало, подойдет к ней, обнимет ее за плечи и скажет:

- Я счастлив, Нина, что случайно встретил тебя.

- Случайных встреч, Толя, не бывает. Видимо, было суждено нам встретиться и прожить счастливую жизнь.

На море Обском

Прошло десять лет после юношеских охот в Кудряшовском бору. Все эти годы я вспоминал озеро Кривое, Журавлиное болото, плавание на обласках с друзьями по системе озер до реки Чаус, которая протекает около Колывани. Вернувшись в Новосибирск после завершения службы на флоте, первым делом в очередную пятницу поспешил в клуб охотников ДСО «Спартак». В клубе,

как всегда, было людно. Меня радостно приветствовали друзья детства, степенно здоровались пожилые охотники.

Кондратий Никифорович Урманов сидел у маленького столика, окруженный подростками, и раскладывал на листе ватмана с красочным заголовком «Молодой охотник» машинописные заметки. Меня как магнитом потянуло к газете, ведь я когда-то был ее редактором. Урманов поднял глаза на подошедшего. На его лице расплылась приятная улыбка, в глазах засиял огонек. Протягивая мне руку, произнес:

- Извини, что не поднимаюсь со стула, ноги стали шалить.

Затем, обращаясь к ребятам, сказал:

- Заметки можете приклеивать, заголовки сделайте легонько простым карандашом, их напишет краской Карчевский.

Кондратий Никифорович поднялся со стула, опираясь на столик. Мы отошли в сторону, уселись на свободные стулья и долго вели задушевный разговор. Его интересовала моя служба на флоте, меня – охотничьи угодья, в которых нам вместе довелось побывать.

- После строительства плотины на Оби и бетонной дороги в Колывань охотничьи угодья изменились до неузнаваемости, - сказал Урманов, - надо тебе осваивать Обское водохранилище. Там прекрасная рыбалка, меня вот стали подводить ноги.

Кондратий Никифорович внешне изменился. Немного пополнел, но выглядел крепким и сильным. Волосы на голове поредели и полностью поседели. Стали беспокоить ноги и сердце. Он по-прежнему был влюблен в природу. Не потерял интерес к жизни, к обитателям водоемов и лесов. Его как в молодые годы тянуло из города на сибирские просторы родной природы. С восторгом говорил об Обском водохранилище, о его обитателях, о новых породах рыб, завезенных из европейской зоны страны и запущенных в водохранилище..

Через неделю я заехал за ним на «Москвиче» к дому по улице Челюскинцев. Он уже ждал меня у подъезда с рюкзаком, палаткой в чехле у ног и спиннингом в руке.

Выехав из города, проехав село Верх-тула, мы покатили по пыльной грунтовой дороге в сторону села Боровое. Стояло жаркое засушливое лето, за машиной, как дымовая завеса, тянулся длинный шлейф пыли. Я первый год водил машину. Кондратий Никифорович это понял еще в городе по моим неуверенным действиям и не отвлекал меня разговорами.

За Боровым свернули на лесную дорогу, которая привела нас к Обскому водохранилищу. На крутом берегу среди высоких сосен стояло два дома, навес с летней кухней, у причала десяток шлюпок-шпонок. Это была охотничье-рыболовная база ДСО «Спартак».

Нас встретил заведующий базой. Принимая охотничьи билеты для регистрации, обратился к Урманову с предложением:

- На базе есть свободная двухместная комната, я могу Вас в нее поселить.

- Что Вы, что Вы! Разве я ехал сюда, чтобы спать в душном помещении, - удивленно отреагировал Кондратий Никифорович, - мы поставим палатки на острове и будем наслаждаться жизнью на природе.

Погрузив вещи в лодку, я сел за весла, Урманов - в корме. Чтобы показать ему, что бывший моряк умеет грести, я отваливался всем корпусом и разгонял лодку. Вместо похвалы услышал слова:

- Не надо торопиться. Посмотри, какая вокруг красота.

За кормой лодки на высоком берегу зеленой стеной стояли высокие сосны. Под ними, как в сказке, приютились домики базы. Творения людей казались ничтожными по сравнению с могучим бором. Легкий ветерок рябил поверхность воды. Она блестела в лучах солнца, как рыбья чешуя. Над морем летали чайки, высматривая добычу.

- Только ради такой красоты стоит выезжать из города, - тихо произнес Кондратий Никифорович.

Я с ним был согласен, но промолчал, чтобы не выводить его из задумчивости. Может, в этот момент он обдумывал очередной рассказ.

Остров против базы протянулся на несколько километров. Мы вошли в широкий залив, на берегу которого решили разбить лагерь.

Палатку Урманов ставил, туго натягивая шнуры, чтобы на крыше не было ни одной морщинки. Во время дождя на складках крыша палатки обычно протекает. Дождя не предвиделось, но он привык все делать обстоятельно.

Поставив палатки, я отправился за дровами для костра. Вернувшись с охапкой сухих веток тальника, увидел, что на месте будущего костра окопан круг. Поляна была заросшая зеленой травой, пожара не могло быть, но правила поведения на природе требовали предосторожности.

Вот, наконец, мы сидим в лодке недалеко от берега и рыбачим. Я непрерывно дергаю подергушкой в надежде поймать окуня. Кондратий Никифорович бросает спиннингом блесну в разные стороны от лодки. Перед ним в коробочке лежат разные блесны собственной конструкции. Он периодически меняет их на спиннинге, но результата нет.

Солнце нещадно палит, хищная рыба не хочет хватать наши металлические блесны. Ей, видимо, достаточно в воде живого корма. Я разделся до пояса и подставил белую спину солнечным лучам.

В тот день мы с трудом добыли окуней на уху. Вечером, сидя у костра, после вкусной ухи пили чай, заваренный корнем шиповника. Он имел красный цвет, и несравнимый ни с какой заваркой вкус.

Тихий вечер опустился на остров, заход солнца сопровождался пением птиц. Блаженство и умиротворение охватили мою душу. Внезапно вечернюю симфонию нарушил неприятный крик коростеля. От внезапности я даже вздрогнул, а он как соловей разбойник продолжал издавать свои звуки.

- Пойдем спать, - предложил Кондратий Никифорович, - утром рано вставать.

Утренняя заря на Обском море имеет свои прелести. Когда сидишь на лодке далеко от берега, никакие звуки не нарушают покой, гнус не отвлекает от наблюдения за востоком. Рука машинально дергает подергушкой, взгляд не отрывается от горизонта, который постепенно окрашивается в разные цвета. Сначала на горизонте появляется темно-серая полоса. Она постепенно светлеет, затем окрашивается в розово-голубой цвет и вдруг загорается ярким заревом. Только после этого из-за горизонта выглянет тоненькая дуга светила.

Солнце, словно присматривается, – можно ли ему выкатиться на небосвод. С его восходом все краски исчезают, и начинается день.

Наше внимание привлекли чайки. Они кружились в конце острова над затопленным коряжником. Постоянно падали к воде за добычей. На их крики спешили чайки со всех сторон.

- Скорее вынимай якорь! - подал мне команду Урманов, - плывем к чайкам.

Он знал, что где вьются чайки, там есть рыба. Ему были известны многие тайны природы и ее мудрые законы. Я налегал изо всех сил на весла. В воздухе слышались призывные крики чаек, которые заставляли меня торопиться. Подплыв к коряжнику, нам представилась картина: из воды как стрелы плотными косяками выскакивала мелкая рыбешка. Сверкнув серебром на солнце, она вновь исчезала в воде. Чайки падали к воде, хватали рыбок, поднимались вверх и, проглотив рыбешку, бросались в новую атаку.

Я удивился прожорливостью чаек. На что Урманов ответил:

- Не менее прожорливы те хищники, которые охотятся за чебаками в воде, заставляя их выпрыгивать из воды. Сейчас мы проверим, кто они такие.

Он приготовил спиннинг и забросил блесну в сторону чаек. У меня спиннинга не было, пришлось опустить в воду блесну подергушки и начать дергать. После нескольких рывков моя блесна зацепилась за корягу. В это время Кондратий Никифорович сделал резкий рывок бамбуковым удилищем спиннинга, которое согнулось к воде. Леска, разрезая воду, пошла в сторону, катушка издавала треск, уменьшая скорость разматывания лески.

Любопытство заставило меня прекратить попытки отцепить блесну. Рыба металась из стороны в сторону, уходила на глубину, поднималась к поверхности, пытаясь избавиться от блесны. Она отчаянно боролась за свою свободу. Шло соревнование между хищником и рыбаком. Когда рыба выбилась из сил, Урманов осторожно подвел ее к борту лодки. Это была крупная щука. Подсака у нас не было, он перегнулся через борт, быстрым движением руки схватил щуку под жабры и выбросил на дно лодки. Она билась хвостом о деревянные решетки, уложенные на днище, не желая смириться со своей участью.

- Поздравляю тебя с первым уловом, - произнес он, глядя на меня.

- Это Вас поздравляю, моего здесь участия не было.

- Как это не было? Без тебя мне бы сюда не доплыть. Кстати, у тебя дорожка с собой?

- С собой.

- Забрасывай блесну подальше от лодки и подтягивай к себе рывками, чтобы не опустилась ко дну.

Я моментально воспользовался его советом.

Видя, что мне не удается дальше пяти метров забросить легкую блесну «Байкал», он достал из своего арсенала тяжелую самодельную блесну и протянул мне. Привязав блесну, я раскрутил леску и забросил ее на приличное расстояние. Подтягивая блесну к лодке, укладывал вытянутую леску к ногам. Неожиданно щука вырвала снасть из моих рук и леска быстро стала вытягиваться из лодки. Когда поймал рукой леску, почувствовал сильный рывок. Подводил щуку к лодке с тревожно-радостным чувством. «Только бы не сорвалась, -

при каждом рывке мелькала мысль, - какова она, первая пойманная щука на такую снасть?»

Постепенно чайки начали разлетаться, солнце повернуло на полдень и стало припекать, клев прекратился. В лодке лежало с десятоак щук весом больше килограмма каждая. Среди них своим размером выделялась щука, пойманная первой.

- Поплыли на базу, - предложил Урманов, - положим рыбу в ледник и вернемся в свой лагерь, а вечером по холодку отправимся домой. . .

Солнце клонилось к закату, мы уложили вещи в машину и я посмотрел в сторону моря прощальным взглядом. «До свидания море Обское, - подумал я, - надеюсь, что эта первая встреча с тобой - не последняя». Каждый раз, когда уезжаю в город, мне жаль расставаться с рекой, озером или лесом и становится немного грустно.

Охота на Чанах

Поселок Квашнино раскинулся на гриве перешейка полуострова, вытянувшегося на несколько километров в озеро Чаны, которое местные жители называли морем. «Какое же это море?» - думал я, рассматривая с высокой гривы его очертания. Справа и слева были видны берега водоема, впереди многочисленные острова.

Октябрьский день был прохладным, серым и хмурым, по небу ползли мрачные черные тучи, из которых в любой момент мог политься дождь или посыпаться снег. Мы с Толей Лещинским месили болотными сапогами липучую грязь, разыскивая рыболовецкую пристань. У причала нашли катер гидрометеорологической службы, на котором нас обещали завезти в охотничьи угодья. Поднявшись на палубу, сняли с плеч тяжелые рюкзаки и ружья. «Слава Богу, - подумал, - не опоздали». Казалось, что катер был безлюдным. Я громко крикнул:

- Есть кто-нибудь живой!

Дверца кубрика открылась, и из нее выглянул знакомый мне моторист Николай. Увидев нас, его лицо расплылось в счастливой улыбке, предчувствуя близкое застолье.

- Спускайтесь в кубрик, - произнес он громким голосом и исчез с трапа, освобождая нам дорогу.

Помещение кубрика было не большим. Посередине стоял стол, по бортам и у носовой переборки разместились в два яруса койки.

- Располагайтесь как дома, - произнес Николай, усевшись на нижнюю койку, - через час придет капитан, и выйдем в море.

Я последовал его примеру. Толя развязал рюкзак, выложил на стол хлеб, колбасу, помидоры, бутылку Столичной водки и произнес:

- Надо отметить встречу.

Николай оживился, стал разговорчивым:

- Вы приехали вовремя, северная утка еще не проходила, даст Бог, на этот раз дождетесь ее пролета.

Он был высокого роста, широкоплечий, крепкого телосложения с густой черной шевелюрой на голове. В молодости, как и я, служил на флоте. Это нас сблизило при первой встрече. Любил шутить и балагурить. Мне запомнился его рассказ о своей женитьбе. После возвращения со службы влюбился в маленькую щупленькую девушку, которая была ростом ему до груди. Когда привел ее в дом, мать всплеснула руками и горько заплакала.

- Я думала, невестка будет мне помощницей, - причитала она.

В селе при большом хозяйстве всегда была нужна дополнительная пара крепких женских рук.

Отец не выдержал причитаний жены и прикрикнул на нее:

- Хватит нюни распускать, откормим - получится из нее добрая баба.

У Николая росло двое детей, жена была хорошей помощницей матери.

Меня мучил вопрос, который задал Николаю:

- В каком месте посоветуешь нам охотиться?

- Через час мы повезем гидрографов мимо острова Шулдикова. На нем стоит избушка пастухов. Вам лучше всего остановиться в избушке. Охота на острове неважная – там все лето пасли табун молодняка. Камыши около воды бычки истоптали, подходя на водопой. Мы оставим шпонку, на которой вы сможете переплывать протоку на остров Амелькина грива. Лучшего места для охоты трудно подобрать.

- До избушки далеко?

- Двенадцать километров.

Катер ткнулся носом в илистую отмель, и мы по трапу шириной в две доски сошли на берег. На прощание Николай обещал зайти за нами в следующее воскресенье во второй половине дня.

Я почувствовал себя попавшим на необитаемый остров, на котором предстояло охотиться целую неделю. Только охотник может понять, какие чувства овладевали мной. Была радость предстоящей охоты, надежда дождаться и увидеть пролет северной утки, хотелось познать природу озера и изучить новые места.

Водрузив на себя рюкзаки и ружья, направились к избушке, стоящей недалеко от берега.

Открыв тяжелую дверь, меня постигло разочарование. В избушке было людно, дым стоял коромыслом, чувствовался запах спиртного. Нас встречали криками и возгласами:

- В нашей команде прибыло, просим к столу, на сколько дней приехали? Располагайтесь – места хватит всем.

Присмотревшись, я узнал Женю Ершова. Поздоровавшись со всеми за руку, спросил:

- Давно приехали?

- Неделю живем.

- Как охота?

- Охоты нет, ждем падеру, придет падера - прилетят и утки.

Падерой называют северный ветер со снегом, с которой начинается массовый отлет водоплавающих птиц на юг.

От застолья мы отказались, так как хорошо заправились на катере. Толя и я были не курящими. Чтобы не дышать дымом, взяли ружья, чучела и вышли из душного помещения.

- Разойдемся в разные стороны, - предложил Толя, - осмотримся, изучим обстановку.

Вечером мы принесли в избушку пять жирных тяжелых уток.

- Кто сказал, что уток нет? - громко спросил Толя и приподнял уток, чтобы их могли видеть играющие в корты охотники.

Четыре головы повернулись в его сторону.

- Разве это дичь? - удивился Ершов, - стоит ли из-за пяти уток терять время? Мы здесь в отпуске, у нас впереди много дней, дождемся падеры – настреляем уток в один день и домой.

- Нас такой вариант не устраивает, - сказал Толя, - у нас всего шесть дней, нам хочется побыть на природе.

Про себя Лещинский подумал: «Едешь, чтобы подышать свежим воздухом, а тут придется спать в душном помещении», и пожалел, что не взял с собой палатку.

С Толей Лещинским меня познакомил в школьные годы мой одноклассник Рудольф Рябышев. У Толи родителей репрессировали в тридцать седьмом году, он жил с тетей в маленькой халупе, стоящей во дворе дома Рябышевых по улице Бурлинской. После реабилитации родителей ему дали комнату в доме по улице Чаплыгина. Энергичный, веселый и жизнерадостный он стал постоянным моим спутником на охоту и рыбалку.

На следующий день мы с Толей поплыли на Амелькину гриву, взяв с собой продуктов на день. Нам не хотелось возвращаться в прокуренное помещение на обед.

Место для охоты было изумительное, с множеством заливов, проток и маленьких островков. Всюду поднимался камыш выше человеческого роста. К нашему сожалению, нигде не удалось спугнуть с воды уток.

- Вот сюда попасть бы на открытие охоты, - мечтательно произнес я.

- Кто тебе мешает? Бери отпуск в следующем году и приезжай.

Затем добавил:

- Местная утка улетела, чучела надо ставить на кромке главного плеса, чтобы они были видны с высоты пролетающим уткам.

Высадив меня на мысу, заросшем камышом, Толя поставил мои чучела в затишье с восточной стороны мыса и поплыл искать себе место.

Обломав камыш у самого уреза воды до уровня глаз, я устроил скрадок, из которого можно обозревать окрестность. Западный ветер гнал небольшие волны по плесу. Они ударялись о густые заросли камыша, прокатывались по мелководью вглубь зарослей и постепенно угасали. Звуки от наката воды и шелест камыша создавали осеннюю симфонию озера. В ней не хватало шума от крыльев пролетающих уток и гогота в небе гусей, улетающих на юг. С ружьем в руке, как часовой, я вел круговое наблюдение с надеждой увидеть летящих

уток к моим чучелам. В небе, изредка, на большой высоте пролетали табунки уток. Несколько раз заметил, как одиночные утки пролетали низко над камышами и садились в одном и том же месте. Это меня заинтересовало, и я, наметив направление по компасу, стал пробираться через густые заросли камыша на много выше моего роста. Минут через тридцать передо мной камыши расступились, и открылось неширокая полоса грязи с водой в середине. Чтобы перевести дух и отдохнуть от тяжелой ходьбы, присел на кочку с сухим прошлогодним камышом. В это время раздался шум крыльев и в двадцати метрах от меня сел на воду красавец селезень. Брызги воды от его тяжелого тела разлетелись во все стороны. Он давно вылинял и был уже в весеннем наряде. Зеленая голова казалась бархатной, ее окаймлял узкий белый воротничок. Коричневая грудь и сизые крылья завершали его наряд. Воды ему было по колено. Он опустил клюв в воду и стал кого-то вылавливать, не ожидая, что в этом глухом, давно ему знакомом месте может оказаться охотник. Его беспечность стоила ему жизни. За день на этих грязях я добыл пять крякашей.

Кряквы из наших краев улетают последними. Часто их заставляет собраться в стаи на чистой воде лед, сковывающий воду в камышах раньше, чем глубокие плеса. Однажды мне довелось видеть табун крякв в ноябре, когда все водоемы были во льду, и лежал повсюду первый снег. Они ходили по насыпи дороги и склевывали зерно, рассыпанное из автомашин, перевозящих его на элеватор.

Мы с Толей ежедневно добывали по пять-шесть уток. Нас такая охота устраивала. К концу охоты у нас было по приличной связке тяжелых, жирных уток. Компания Ершова продолжала «отдыхать» и ждать падеры. Охотники играли в карты, на столе стояла водка. Каждый проигравший прикладывался к стакану.

Через три дня в избушке появился моложавый доктор биологических наук с двумя аспирантами. Они держались обособленно, вели научные беседы. Из их разговора я узнал, что приехали из новосибирского Академгородка в командировку для сбора материала для диссертаций. Все трое, как и мы, сидели целый день в скрадках, охотились и записывали в блокноты породы и количество уток, пролетавших в табунах над озером на юг. «Вот это жизнь, - думал я, - мне бы такую специальность, чтобы увлечение совмещалось с работой».

Наступило воскресенье – день нашего отъезда. Погода резко испортилась. Подул шквалистый юго-западный ветер, который поднимал и гнал по озеру высокие волны. Они с шумом обрушивались на берег, раскачивали лодки и, отступая, старались унести их с собой. Нам пришлось всей компанией поднять лодки выше на гриву. Ветер старался показать свою силу, гудел и свистел в кроне дерева, росшего около избушки, шуршал и завывал в прибрежных камышах. Заставлял людей кланяться, чтобы устоять на земле.

Катер должен был забрать нас в четырнадцать часов, возвращаясь из похода по озеру. Мы с Толей уложили в свою лодку рюкзаки с утками, ружья и всматривались в бушующий простор озера с надеждой увидеть его силуэт, но он вовремя не пришел. С каждым часом у нас усиливалось беспокойство – вдруг катер не придет за нами. В понедельник нам надо быть на работе. Катер подошел после шестнадцати часов и остановился против избушки. Его раскачивали и

подбрасывали волны как утлое суденышко. Столкнув лодку в воду, Толя сел за весла, а я стал толкать ее в корму, чтобы отвести от берега. Набежавшая волна развернула шлюпку и перевернула. Толя, рюкзаки и ружья оказались в воде. Выловив вещи и вытащив шлюпку, мы увидели, что катер удаляется вдоль острова. Мы не допускали мысли, что он нас бросит на произвол судьбы, и подумали, что катер подойдет к острову с подветренной стороны. Побежали в избушку, попросили товарищей помочь перетащить лодку через гриву на противоположный берег острова. Прождав катер до восемнадцати часов стали советоваться, что нам делать.

- Придется ждать катер до завтрашнего дня, - невесело произнес Толя.
- Вряд ли он придет завтра, после похода в такую погоду команда будет отдыхать, - ответил я.
- Что ты предлагаешь? - спросил Толя.
- Надо плыть на шпонке.
- Ты уверен, что мы доплывем? Расстояние двенадцать километров.
- Под прикрытием острова спокойно дойдем до пролива, а там всего три километра до мыса Квашнино.
- Посмотри, какие там ходят волны.
- Шлюпка выдержит, если мы ее не подставим бортом волне.

Простившись с охотниками и учеными, отчалили от берега. Женя Ершов провожал нас как обреченных на верную гибель. На прощание он сказал: «Если доберетесь до города, передайте нашим, что мы здесь пашим».

Толя сидел за распашными веслами и греб со всей силой, я с веслом в корме помогал ему. Мы спешили – нам надо было успеть на автобус, чтобы уехать в Барабинск и на поезде добраться до Новосибирска. Вода у берега была спокойной, лодка легко скользила по ее поверхности. Камыши шумели под напором ветра, напоминая нам, что нас ждет нелегкий путь до Квашнино. Я вспоминал хождение на шлюпках во время службы на флоте и продумывал, как безопаснее пересечь пролив. Когда подплыли к оконечности острова, перед нами бушевал настоящий шторм. Волны высотой больше метра катились поперек нашего пути. На их гребнях бурлила вода. «Шторм больше трех баллов, - подумал я, - вот почему рыбаки называют озеро морем». Для морских шлюпок – шестерок, когда за веслами сидит шесть гребцов, такое волнение не является препятствием. Для моряков даже доставляет удовольствие побороться со стихией. У нас была двухместная шпонка, которая сидела над водой значительно ниже.

Можно было направить нашу лодку по ветру, волны бы подгоняли ее и благополучно приплыть к берегу за десятки километров от Квашнино. Такой вариант нас не устраивал. Мы начали маневрировать между волнами. Подставляли корму волне. Когда она проходила под лодкой, разворачивались в нужном направлении и делали несколько гребков. При подходе очередной волны маневр повторялся. К пристани мы подплыли в двенадцать часов ночи. Пришвартовались к катеру, на нем никого не было. Выгрузили вещи, вытащили лодку на палубу и отправились по темной улице с надеждой встретить попутную машину.

При выходе из села нам навстречу ехал бензовоз. Стоя в свете фар, мы усиленно жестикулировали руками. Водитель остановил машину, открыл дверцу и закричал:

- Вам, что жить надоело! Стоите посередине дороги.

Я подошел к машине и обратился к водителю:

- Дорогой товарищ, довези до Барабинска, заплатим любую сумму, сколько скажешь.

- Не могу, устал, еду домой, чтобы выспаться.

Видя несговорчивость водителя, Толя развязал рюкзак, достал четырех селезней и положил их на колени водителю со словами:

- Это тебе подарок.

Молодой водитель изменил свое первоначальное решение, помог нам привязать рюкзаки к цистерне, развернул машину и погнал ее в Барабинск. Сидя в узкой кабине, я был счастлив, что так благополучно закончилась охота на Чанах. У меня перед глазами все еще катились волны. Толя, видимо, тоже думал о нашем плавании. Повернувшись ко мне, произнес:

- Кто на Чане не бывал, тот и горя не видал.

Через несколько месяцев я встретил на улице Ершова и спросил:

- Чем закончилась охота на Чанах, дождались падеры?

- Падеры - то дождались, а вот массового пролета северной утки в этом году не было.

Браконьеры

Петька ранней осенью приехал на дачу с А.С. Крутовым. Петькой фамильярно называл его Александр Борисович. Тот не обижался на такое панибратское отношение к своей персоне, хотя имел полное право, так как происходил из рода Пит Эстон фон Роде, широко известного во всей Прибалтике. Его далеких предков в младенческом возрасте вывезли в Россию, они постепенно обрусели, и вот теперь их потомка называют Петькой.

Дача находилась на окраине деревни Шелковихи. Невдалеке, по глубокому логу, протекала речка Березовка, берега которой поросли тальниками, на высоких склонах лога росли редкие, толстые, сучкастые и изогнутые березы. Жители деревни, выпиливая лес на дрова, не тронули эти березы из-за их кривизны. Вдоль лога раскинулись совхозные поля с многочисленными березовыми колками. В этих местах всегда водились зайцы, и Александр Борисович с Петькой часто на них охотились. Сегодня, вместо того чтобы идти на охоту, Александр Борисович взял лопату и отправился в огород копать землю под грядки для будущего урожая. Петьке копка огорода была ни к чему, он надеялся, что они отправятся на охоту, но Крутов, не сказав ему ни слова, копает себе огород и копает вместо того, чтобы спешить в близлежащий лес. Петька понял, что Александр Борисович сегодня в лес не пойдет, ему же надоела городская суета и не терпелось отправиться на охоту. Посмотрев на спину Александра Борисо-

вича, покачивающуюся в такт движения лопаты в его руках, Петька отправился по деревенской улице разыскивать своего Друга, который был частым спутником в его охотах. Душа прирожденного охотника истосковалась по лесу, по его запахам, волнующим душу. Петька не любил город с его узкими улицами, высокими домами, с множеством людей, двигающихся во все стороны, как муравьи около муравейника. Его влекли к себе просторы полей, густые заросли леса. Это была его стихия, здесь была своя жизнь, разыгрывались свои драмы и трагедии. Зов далеких предков всегда тянул его в лес, он был счастлив, когда находил след зайца и мог часами преследовать зверя.

Двигаясь по пыльной деревенской улице, он внимательно рассматривал все, что происходит на дороге и во дворах жителей. Посредине дороги куры разгребали лошадиный навоз и склевывали не переварившиеся зерна. Петька обошел кур стороной, чтобы не мешать их занятию. На солнечной стороне улицы, у ворот, лежали и грелись в лучах осеннего солнца ленивые деревенские собаки.

Петька зашел в знакомый двор, дом был на замке, в воздухе стоял запах свежего сена, сваленного около изгороди, в стороне виднелась большая куча наколотых березовых дров, еще не сложенных в поленницу. Он обошел все уголки двора, заглянул в сарай, даже в конуру, Друга нигде не было.

Его приятель, как многие бомжи, питался на помойках и свалке. Петька отправился на свалку, где дачники расположенных вблизи кооперативов сваливали бытовые и пищевые отходы. Петька хорошо знал это место, ему часто приходилось проходить мимо, направляясь на охоту. Свалку часто навещали лисы, здесь можно было найти голову селедки, кусок черствого хлеба и другой вполне пригодной еды.

Своего Друга он заметил издали и окликнул его. Друг перестал копаться в отходах, повернул голову в его сторону, обрадовался встрече и пошел к приятелю с предчувствием предстоящей охоты и пиршества.

Они поприветствовали друг друга манерами, принятыми в их обществе, и направились в лог, по которому протекала речка Березовка. Продвигаясь по склонам лога, вверх по течению, осматривали каждый пень, каждую поваленную березу, стараясь поднять зайца. Петька не оставлял без внимания ни один куст, ни одной густой заросли тальника. Его опыт подсказывал, что заяц мог залечь на дневку в таких местах. Через несколько километров они поднялись из лога на бывшее совхозное поле, заросшее молодыми березками. Невдалеке, среди молодого березняка, возвышался, как гигант над пигмеями, колок вековых берез. Петька направился к колку, Друг последовал за ним. На кромке колка они обнаружили тропу, натоптанную зайцами. Друг остановился на тропе, а Петька углубился в колок. Теперь он знал, что заяц где-то поблизости, ему надо его найти и выгнать на Друга. Продвигаясь вглубь колка, он внимательно обходил и осматривал все подозрительные места, где мог прятаться заяц. Зверек выскочил из прошлогодней пожелтевшей травы. От неожиданности Петька подал радостный голос. Это был сигнал для Друга, что гон начался.

Друг прилег на тропе и стал ждать, когда заяц набежит на него. Голос Петьки то удалялся, то приближался. Заяц ходил по кругу в средине колка и не хотел

выходить на кромку, где притаился Друг. После непродолжительной паузы Петька азартно подал голос, напоминающий слова: «тут, тут, тут, ах, ах, ах».

Заяц мчался по тропе огромными прыжками, едва касаясь ногами земли, создавалось впечатление, что серый комок летит над землей. Друг плотнее прижался к тропе, все его мускулы напряглись, он приготовился к броску на безобидного зверька. Прыжок был рассчитан очень точно. Когда заяц оказался в воздухе около него, он мгновенно подпрыгнул и схватил жертву за горло. Они оба упали около тропы. В неравной борьбе победу одержал Друг. Вскоре к месту сражения подоспел Петька. Они первым делом выели все внутренности зверька, вместе с кишками и кусками шкуры, затем принялись за переднюю часть зайца. Насытившись, прилегли отдохнуть, поглядывая на остатки мяса. На деревьях уже сидели две вороны в ожидании остатков трапезы.

Домой Петька вернулся в потемках, положил заднюю часть зайца на крыльцо, и улегся около двери, свернувшись калачиком. На шум вышел из дома Крутов. Оценив обстановку, он стал отчитывать гончака:

- Как тебе не стыдно? Охотничий сезон еще не начался, а ты добыл зайца, это же браконьерство. Когда ты перестанешь дружить с этой безродной дворняжкой? Ты же эстонская гончая, мне стыдно за тебя, придется держать тебя на привязи. . .

Петька лежал с раздутым животом, почесывал задней лапой за правым ухом и внимательно слушал своего хозяина.

Рыбалка на озере Чаны

В Мальково я приехал вечером на своей «Ниве», все светлое время суток ушло на переезд из Новосибирска. После первой мартовской оттепели на дороге был гололед, ехать приходилось не торопясь. Вспоминал рыбалку на Яркуле прошлой зимой, обдумывал маршрут по озеру к местам, где обычно хорошо ловилась рыба, радовался, что, наконец, покинул городскую суету. Впереди у меня пять дней жизни в деревне, рыбалка на свежем воздухе и никаких житейских забот.

Село протянулось вдоль озера Яркуль больше, чем на километр. Остановился на постой, как всегда, у Никитичны – одинокой пожилой женщины лет семидесяти. С ней познакомился через ее зятя, с которым встретился на рыбалке при следующих обстоятельствах. Лет тридцать назад приехал я на Яркуль зимой на рыбалку, огляделся, повсюду были видны группы рыбаков. Мое внимание привлек одинокий рыбак. Около него стояла распряженная лошадь и жевала сено, привезенное в санях. Сам же рыбак сидел на санях и активно взмахивал руками, вытаскивая рыбу из лунки. Не подъезжая близко, чтобы не пугать рыбу, остановил машину и подошел к нему. У каждой лунки лежали приличные кучки окуней.

- Добрый день, Бог в помощь, - приветствовал я его.
- На Бога надейся, да сам не плошай, - ответил он.
- Вы не будете возражать, если я в стороне пробурю лунки? - спросил его.

- Рыбачьте, мне не жалко, рыба в озере не моя.

Пробурив несколько лунок, бросил прикорм и стал ждать поклевки. Окуни у меня клевали плохо, рыбак же постоянно вытаскивал рыбу. Мы оба наблюдали друг за другом. Я с рыбацкой завистью – почему у него рыба ловится, а у меня не клюет? Его, видимо, тоже интересовал этот же вопрос. Наконец, он не выдержал и подошел ко мне. Увидев у меня уснувшего мормыша, которого я стал бросать в лунку, сказал:

- С таким мормышем у вас хорошего улова не будет.
- Он был живой, когда его покупал в городе.
- Наверное, очень давно пойман, - сделал он вывод.

Затем достал из-за пазухи детский валенок и отсыпал мне в рукавицу своего мормыша. Его рачки-бокоплавы, как молодые жеребета, носились по лунке и опускались вниз. Окуни оживились и стали активно хватать мою мормышку.

Вскоре рыбак запряг лошадь в сани, положил в них мешок с рыбой и подошел ко мне.

- Возьмите оставшийся у меня мормыш, советую рыбачить в моих лунках – в них окунь хорошо прикормлен.
- Почему так рано закончили рыбалку?
- Пора управляться по хозяйству, - был ответ.

Я был тронут его бескорыстным отношением ко мне. Чтобы сделать для него что – то приятное спросил:

- Вам что-нибудь привезти из города при следующем моем приезде на рыбалку?
- Мне ничего не надо, а вот дочь очень хочет иметь дипломат, у студентов дипломат – шик моды, а в Купино их не продают.
- Где вас можно найти?
- Мой дом стоит против автобусной остановки, спросите Сашу или мою жену Марию.

Мы познакомились, вскоре я привез его дочке дипломат, у нас завязалась дружба, он познакомил меня со своей тещей. У Никитичны я останавливался всегда, когда приезжал с друзьями. К сожалению, через несколько лет его не стало. Врачи длительное время лечили у него печень, а он скончался от воспаления легких в молодом возрасте. Диагноз поставили только при вскрытии.

В тот памятный день нашего знакомства, мне удалось поймать мешок окуней. Всем известно, что рыбаки любят прихвастнуть, но я пишу правду. Если кто не верит – это его право.

С тех пор лет десять я каждую зиму, приезжая на рыбалку, останавливался у Никитичны. Она жила одна в просторном доме из двух комнат, большой огород вплотную подходил к озеру. Покойный муж научил ее рыбачить, и она продолжала добывать рыбу себе на пропитание, несмотря на преклонный возраст. В летнее время из огорода заходила в воду по пояс, ставила сеть и ловила знаменитых яркульских язей. Своего хозяйства, кроме кур, не держала, внучка ежедневно приносила ей молоко и осведомлялась о здоровье.

Никитична была интересной собеседницей, допоздна потчевала меня чаем и рассказывала деревенские новости.

- Будь осторожен на льду, - предупредила она, - озеро Яркуль - коварное, не заезжай на середину, там большая глубина, говорят, что бьют теплые родники. Не проходит года, чтобы зимой кто-нибудь не утонул. Вот нынешней осенью поехал мужик из Яркуля в Чаинку, поленился сделать крюк вдоль берега, поехал напрямую через озеро и ушел под лед с лошадью и санями. Царство ему небесное, - добавила она и перекрестилась.

Утром на рыбалку я не торопился, обычно в первый день выезжал поздно, чтобы объехать по льду рыбаков и увидеть, где лучше клюет рыба. По длинной улице села ехал тихо, в окнах домов горел электрический свет, хотя на улице было светло, из труб струился белый дым. Выехав из села, по проторенной дороге спустился на лед озера.

По озеру мела поземка, скрывая, как в тумане, группы рыбаков, едва видневшиеся вдоль берега. Снег на озере осел при мартовских оттепелях и схватился тонкой ледяной пленкой. Под настом скрывались мокрый снег и вода. «Нива» легко катилась, прорезая наст, разбрызгивая в стороны месиво из воды и снега.

Переезжая от одной группы рыбаков к другой, я проехал больше десяти километров и оказался вблизи села Яркуль. Клева нигде не было. Около лунок у рыбаков лежало по три – пять небольших окунишек. Такая рыбалка меня не устраивала.

Преодолев невысокую гриву, подъехал к озеру Чаны. Я хорошо знал это место, здесь был прокопан глубокий канал, соединяющий Чаны с Яркулем. Местные жители называют его копанью, по нему рыба осенью проходит на зимовку в глубокое озеро Яркуль, а весной возвращается в Чаны на икромет. В этом месте всегда хорошо ловились окуни.

Снегопад усилился, прикрывая озеро белой пеленой. Меня удивило, что около копи не было ни одного любителя подледного лова. Обычно здесь всегда собиралась толпа рыбаков. Опасаясь попасть в майну, отъехал недалеко от берега, пробурил семь лунок, бросил в них по горсти мормыша, сел на раскладной стульчик и стал ждать поклевки. Лунку быстро заметало снегом, пришлось взять в левую руку черпачок и периодически выкидывать из лунки мокрый снег. Короткое удилище зимней удочки держал правой рукой, и различными способами старался привлечь окуней к мормышке. Подергивал и тряс ее на разной глубине, опускал на дно и стучал по илу, чтобы возбудить любопытство хищников водоема. Все мои ухищрения результата не давали. Обошел все лунки несколько раз, поймал не более десятка мелких окуней.

Нелегко дается удовольствие и удача городскому рыбаку-любителю. Иногда приходится преодолевать сотни километров к заветному месту. Всегда едешь на рыбалку с надеждой на удачу, которая зависит от множества непредвиденных обстоятельств. То ударит мороз, при котором не то, что на озеро, за дверь избы выйти не хочется. То заметет метель с такой силой, что валит с ног и заметает пробуренные лунки, которые невозможно потом отыскать. Иногда на рыбу найдет хандра, и она не хочет клевать по одной ей известной причине.

Постепенно снегопад стих, пурга умчалась через озеро в Здвинский район, расположенный на противоположном берегу. На ясном небе появилось весеннее солнце, ярко освещая рыбаков, сидящих вдоль камыша, в полукилометре

от меня. Прямо перед собой на озере я увидел бригаду рыбаков, опускающих в майну невод. Около них стояли лошади, запряженные в сани, вдали две лошади ходили по кругу и наматывали на ворот веревки невода.

- Неудачно выбрал место, - подумал я, - надо переехать к общей массе рыбаков.

В это время ко мне затрусила лошадь, в санях стоял молодой парень и ударами вожжей по спине каурой взбадривал ее бег. Сделав около меня полукруг, он спросил:

- Мужик, как улов?

- Клев плохой.

- Рыбалки у тебя не будет, сейчас мы протянем невод и взмутим воду.

- Перееду на новое место.

- Езжай в магазин, купи водки, мы продадим тебе рыбы, - произнес он уверенным командным голосом и погнал лошадь к бригаде.

Мне не понравился его самоуверенный тон и грубое обращение ко мне, я был намного старше и годился ему в отцы.

Настроение мое испортилось, было жалко потерянного времени и израсходованного мормыша на прикорм. Внезапно мою руку пронзило, как током, резиновый сторожок удилища согнулся к лунке и не выпрямлялся. Привычным движением сделал подсечку, левой рукой подхватил черпачком леску и выбросил на лед окуня. Крючок мормышки был сделан из иголки, окунь легко освободился от нее. Брошенная в лунку мормышка не успела опуститься до дна, как последовала очередная поклевка. За считанные минуты поймал десятка два окуней. Когда клев стих, бросил в лунку горсть мормыша и пошел к другой лунке. В каждой лунке окуни набрасывались на мою мормышку, как проголодавшиеся волки на добычу. Я ходил от лунки к лунке, из каждой выбрасывал на лед по нескольку десятков окуней. Вскоре рыба стала клевать у нижней кромки льда. Иногда полосатый красавчик стремительно врывался в лунку и хватал блесну, не давая ей опуститься на глубину. Мне пришлось укоротить леску и выбрасывать окуней на лед одним махом.

С таким клевом мне приходилось и раньше сталкиваться. Брошенный в лунку мормыш часто не опускается на дно, а прилипает ко льду. В таком случае рыба поднимается вверх, собирает корм на нижней кромке льда и ждет от рыбака очередной порции прикорма.

Вскоре около каждой лунки лежала приличная горка окуней, сверкающих красным оперением на фоне белого льда.

Скрип саней отвлек мое внимание от рыбалки. Ко мне подъехал уже знакомый мне парень и спросил:

- За водкой съездил?

- Не собирался.

- Рыбу покупать будешь?

- Сам могу продать, - я показал ему рукой на кучки рыбы, лежавшей на снегу.

Мне захотелось досадить самоуверенному типу, и я добавил:

- Если за водкой съездишь.

Он, молча, развернул лошадь и покатил к своей бригаде.

Змеиная горка

Весна в тот год выдалась теплая и солнечная. На тополях лопались почки, их запах чувствовался в воздухе вместе с запахом пыли. Каменные здания дышали теплом. Меня весна не радовала – весенняя охота на водоплавающую птицу была закрыта. «Неужели майские праздники придется провести в душном городе» - думал я, заходя в клуб охотников. В помещении кроме председателя общества охотников Аркадия Степановича Хорошкова никого не было. Я поделился с ним своими грустными мыслями. Посмотрев на меня поверх очков внимательным взглядом, он спросил:

- На косачей весной когда-нибудь охотился?
- Не доводилось.
- Могу предложить путевку на отстрел одного косача в Почтовском охотхозяйстве.
- Где я там найду ток?
- Егерь Афанасов покажет.

С путевкой в руках помчался как на крыльях на улицу Бурлинскую к приятелю Рудольфу Рябышеву. Выслушав меня, он резонно заметил:

- Едем на рыбалку. Косача добудешь или нет, а рыбу поймаем.

На охоту за одним тетеревом мы отправились втроем. Толя Лещинский, Рудольф и я. Всех нас в юности объединил и сдружил клуб охотников ДСО «Спартак». Ружье было только у меня. Я мечтал угостить товарищей деликатесной сурпой из косача. Они вели разговор о предстоящей рыбалке. На пароходе к нам присоединились трое знакомых рыбаков.

Сойдя с парохода на пристани Почта, мы пересекли высокую гриву, на которой между Обью и Уень рекой тянулась одна улица поселка Почта, и оказались на охотничье-рыболовной базе ДСО «Спартак». Нас встретил Саша Афанасов. На мой вопрос: «Где можно на току отстрелять одного тетерева», он как бы размышляя, ответил:

- Можно поехать под Черный мыс. Там два тока, на которых ни кто не охотился, но стоит ли ехать такую даль из-за одной птицы. Езжайте на Змеиную горку. Там рядом ток и рыбалка хорошая.
- Как мы найдем ток.
- Услышите, где вечером косачи токуют – там и ток. Утром пораньше устраивай в том месте засидку.

На этом мы и решили. И вот на двух дюралевых лодках «Казанках» с моторами «Москва» мчимся против течения по Уень реке. Моторы гудят, лодки легко преодолевают течение реки, разгоняя волны до берегов.

Змеиная горка оказалась высоким островом среди весеннего половодья, заросшим редкими старыми березами. С нее хорошо просматривались окрестности. Левее открывались просторы озера Песьяное, недалеко впереди на севере

зеленым частоколом стоял Кашламский бор. По затопленным зарослям тальника угадывались очертания озер.

Свое название местность получила в давние времена. В период половодья на ней спасалась всякая живность, в том числе множество змей.

Поставив палатки, мы решили обследовать остров. Он был шириною менее ста метров и метров триста в длину. Прежде всего, в глаза бросилось множество старых барсучьих нор. Во время войны на барсуков охотились с вилами жители села Вьюны, расположенного в нескольких километрах от Змеиной горки. По ночам, когда барсуки выходят из нор на поиски пищи, их находили и задерживали хорошо обученные собаки. На лай собак в темноте с фонарями «Летучая мышь» спешили охотники. Змей на острове мы не встретили, а вот водяных крыс было множество. К нашему удивлению на острове от паводка спасалось шесть зайцев.

Перед вечером приятели поплыли на лодках ставить сети, а я поднялся на вершину холма и стал наблюдать за местностью. В воздухе разносилось радостное пение множества птиц, вернувшихся на родину из дальних теплых стран. Они радовались весне и на разные голоса извещали об этом всему миру. Их чувства передались мне. «Какое счастье быть весной на природе, видеть естественные декорации и слушать импровизированный птичий концерт» - думал я. Мой взгляд шарил по окружающей местности – мне хотелось увидеть и услышать токующего тетерева. Неожиданно до меня донеслись незнакомые мне звуки «Чу- фыш» с оконечности острова. Эти звуки периодически повторялись. Присмотревшись, я увидел на березе черную птицу. «Видимо, ток на острове» - решил я. На противоположном берегу протоки раздался ответный голос. На березе у кромки воды во всей красе сидел тетерев. Мне хорошо были видны его красные брови и хвост развернутый лирой. Его черное оперение в лучах заходящего солнца отливало синевой. Он отвечал сопернику клокотаньем:

- Чу-фыш-ш- ш. . . Чу-фыш-ш ш. . .

Тетерев-крупная птица, величиной почти с курицу, сидел на тонкой ветке и исполнял весеннюю песню любви. Он сообщал своей подруге–тетерке, что готов вступить в бой с любым соперником.

Я ожидал, что соперники слетятся и устроят поединок. Но они продолжали токовать каждый на своем месте. В это время вдали около нескольких сосен, росших среди березового леса, раздалось пение третьего косача. Птицы издавали призывные звуки, но не думали слетаться для турнира.

- Где же токовище? - недоумевал я, - скорее всего около сосен.

Мне пришла в голову мысль – подкрасться к тетереву, токующему на острове, и добыть его. Прячась за деревьями, осторожно подходил к птице занятой призывным пением. Казалось, что тетерев не видит меня. Не зря же его называют косач. Но не тут-то было. Он не подпустил меня на выстрел, снялся с березы, захлопал крыльями и улетел. Моя первая попытка добыть тетерева окончилась неудачей, но я не терял надежды.

Рыбаки с лодок наблюдали за мной и тетеревом. Когда они приплыли на стан, на меня обрушился шквал шуток.

- Кто так подкрадывается к косачу? - надсмехался Рудольф, - надо было вывернуть полушубок, надеть на себя и ползти на четвереньках. Птицы не боятся животных, которые ходят по лесу.

- Сам ты животное, - обиделся я, - в следующий раз тебе предоставлю возможность ползти.

На следующий день задолго до рассвета осторожно вылез из палатки, переплыл на лодке протоку и отправился с фонариком в руках искать сосны, около которых предполагал, что должен быть ток.

Путь был не долгим, но трудным. Под ноги постоянно попадались коряги и кочки. Около одной сосны обнаружил кем-то сделанный скрадок, в котором удобно устроился на принесенной кем-то чурке. Постепенно рассвет стал разгонять темноту. Передо мной была утоптанная полянка, на которой виднелись черные перья. С замиранием сердца ожидал, когда прилетят косачи и устроят драку на поляне. Даже начал размышлять, как стрелять, чтобы добыть одного косача и не прослыть браконьером среди товарищей. Мои надежды не оправдались. Голоса косачей слышались с разных сторон, но на ток они не прилетели. Здесь уже кто-то охотился, разогнал и напугал тетеревов. И вторая моя попытка подержать в руках тетерева провалилась.

Когда я вернулся на стан, все мои приятели сидели у костра, на котором варилась уха, издавая аромат вареной рыбы и лаврового листа. У меня моментально проснулся аппетит. Обычно веселая компания меня не встретила шутками по поводу моей неудачной охоты. Чтобы поднять всем настроение, я изрек известную шутку:

- Почему приуныли, соколики, или выпить захотели, алкоголики?

Только теперь я обратил внимание, что Николай Жуков сидел раздетый по пояс. Его рука и живот были в глубоких длинных царапинах.

- Что случилось? - спросил я.

Вот что поведал мне Толя Лещинский.

- Когда ты был на охоте, а мы с Рудольфом проверяли сети, наши друзья решили поймать зайца. Они цепью пошли по острову и согнали косых в дальний угол острова. Зайцы пометались около воды и прорвались через цепь на простор острова. Охотники стали гнать их в другой конец острова. Прорыв через цепь повторился. Загоны повторялись один за другим, но без результата. Наконец, одному зайцу надоела эта игра, он бросился в воду и поплыл. Николай догнал его на мелководье и схватил за уши. Со словами:

- Ура! Заяц наш! - он поднял добычу из воды.

На виду у довольных зрителей, заяц поджал задние лапы и оттолкнулся от Николая с такой силой, что порвал на нем рубашку и отлетел от него на несколько метров, оставив на руке и животе следы своих когтей. Зверек был крупным, его белый живот еще не успел вылинять от зимнего цвета. Николай ощутил жгучую боль и увидел кровь на теле. Это остановило его от попытки догнать уплывающего победителя схватки.

Рудольф, сидящий рядом с Николаем, положил ему на плечо руку и сказал:

- Ты на зайца не обижайся. Будешь своим детям показывать шрамы на животе и объяснять, что зайцев за уши брать нельзя. Они это не любят. Кроме того, весной их ловить запрещено.

- Зайцу надо сказать спасибо, - вмешался в разговор Толя, - он мог Николаю выпустить кишки. Да, видимо, пожалел его.

- Учись, Коля, у животных быть великодушным, - добавил Рудольф, похлопав его по плечу.

Вечером мы с Рудольфом проверяли сеть, поставленную поперек протоки. Я сидел за веслами, он вынимал из сети рыбу. Мое внимание привлек тетерев, сидящий на дереве. Он не токовал, а внимательно следил за нами и слушал металлический скрип уключин.

Закончив проверять сеть, я предложил Рудольфу:

- Высади меня за мыском, чтобы не видел косач. Попробую подойти к нему, сделав круг, со стороны леса, а ты плавай у него на виду, отвлекая его внимание.

Так мы и поступили. Прячась за деревьями, стараясь не наступить на сухую ветку, чтобы ее хрустом не спугнуть тетерева, крался я к дереву, на котором сидел косач. Лес был редким. До цели оставалось метров пятьдесят. «Еще пройду метров десять», - думал я и буду стрелять. В это время косач снялся с дерева и улетел.

Досада и разочарование охватили мою душу. Сорвалась очередная возможность добыть тетерева.

Мы сидели вокруг котелка с ароматной ухой и орудовали ложками. До нашего слуха донеслось чуфыканье тетерева. Косач токовал на нашем острове.

- Скорее надевай полушубок и беги, - произнес Евгений Ершов, глядя на меня.

- Пускай Рудольф надевает вывернутый полушубок и охотится, это его предложение, - ответил я.

Рябышев отказался, сославшись на слабое здоровье ползать на четвереньках. Его здоровью мог позавидовать каждый, он понимал бесперспективность затеи.

- Можно, я возьму твое ружье и попробую добыть тетерева? - обратился ко мне Евгений.

- Бери, - дал я согласие.

Он вынул из палатки овчинный полушубок, вывернул, надел на себя и побежал с ружьем в сторону токующего тетерева. Поднявшись на вершину холма, пополз дальше на четвереньках.

На стан Ершов вернулся удрученным. Косача хоть и считают косым, плохо видящим, он смог распознать человека и улететь.

- Ты поздно пополз, - шутил над Евгением Рудольф, - надо было ползти от костра.

Возвращаясь домой, я думал, что если бы птицы были беспечными, их бы давно истребили. Осторожность дает возможность им выжить, и их смогут видеть следующие поколения людей.

Последняя спичка

Стояли погожие дни октября сибирской осени. Давно осыпались листья с кустов шиповника, ягоды гроздьями покрывали колючие ветки, кусты горели заревом в лучах осеннего солнца. Алексей Катков собирал шиповник в пойме реки Уень. Урожай был хороший - Алексей переходил от куста к кусту, совком снимал крупные ягоды и вспоминал школьные годы, когда они со своим другом Рудиком Рябышевым в этих местах по первому снегу тропили зайца. След зайца заметили на сенокосных лугах. Зайчишка обследовал стог за стогом, намериваясь устроить там лежку. Приятели обходили стога с разных сторон, зайца под ними не было, а след уходил все дальше и дальше. Затем он привел их в березовый колок, но заяц и там не задержался на дневку. Они долго бродили по следу, пока не оказались в зарослях шиповника. Кусты были густые и колючие, ноги путались в плетях ежевичника. Преследование хитрого зверька пришлось прекратить. С тех пор минуло почти пятьдесят лет и вот Алексей вновь в этих местах и радуется обилию ягод на густых зарослях шиповника.

Катков недавно ушел на пенсию и все свободное время проводил на охоте, рыбалке, в походах за грибами и ягодами. Работа в большом городе не позволяла часто бывать на природе, и вот теперь он старался наверстать упущенное. Среднего роста, сухопарый, энергичный и подвижный, он не был похож на старика, мог по нескольку дней бродить по лесу, наслаждаться полевой жизнью у костра. К обеду он набрал три ведра ягод, взвалил тяжелый рюкзак на плечи и отправился к своей машине, которая стояла среди леса в тридцати метрах от проселочной дороги, по которой очень редко проезжали машины грибников и ягодников. Около машины провеял собранные ягоды, рассыпал на целлофан для сушки и принялся за приготовление обеда. На костре разогрел сваренный с вечера суп и чай, заваренный шиповником и ветками черной смородины. Попивая из эмалированной кружки ароматный чай и наблюдая за пламенем костра, вспомнил своего постоянного спутника за грибами и ягодами Леонида Ивановича Зиновьева, который вырос в дальневосточной тайге, по образованию был охотоведом и очень многому научил Алексея. По его инициативе они занялись сбором шиповника и сдачей его в медицинские учреждения. Вырученные деньги были хорошим подспорьем к их небольшим окладам. Несколько лет тому назад Леонид Иванович отошел в мир иной, а Алексей продолжал каждый год заниматься сбором шиповника. Это позволяло ему содержать автомашину, не жалеть денег на бензин. Его воспоминания прервал моросящий дождик. Он с неохотой поднялся от костра, поставил котелок и чайник под машину, прикрыл рассыпанный для просушки шиповник целлофановой пленкой и сел в автомашину. Через лобовое стекло просматривалась окружающая местность, знакомая с давних пор. Прямо перед машиной простирался кочкарник с низкорослыми молодыми кустами шиповника – здесь несколько лет назад прошел пожар. Левее росли высокие тополя с густым подлеском из тальника и калины. Правее стоял осиновый колок в своем осеннем наряде, за которым были заросли шиповника, чередующиеся с болотами, за-

росшими ольхой и вербой, участки вырубленного березового леса. Когда дождик прекратил моросить, Алексей вылез из машины, закрыл ключом дверцы, спрятал ключи под колесо и, надев на плечи пустой рюкзак, с ведром и совком в руках отправился к облюбованному месту. Небо было затянуто низко плывущими хмурыми тучами, предвещающими изменение погоды. Отойдя метров двадцать, остановился, достал из кармана коробок спичек, чтобы выковырять из зубов застрявший кусочек мяса. В коробке оказалась одна спичка. Его первым желанием было вернуться и взять полный коробок спичек.

Он никогда не курил, но всегда в карманах полевой одежды и в бардачке машины имел спички. Его пытались приучить к курению, когда учился во втором классе. Первая затяжка цигарки вызвала отвращение на всю жизнь. Шла война, курево в магазинах не продавали, старшие по возрасту ребята заставляли младших собирать окурки, за что обещали свое покровительство. Окурки почему-то называли бычками, хотя сходства с рыбой под таким названием было мало. Набрав окурков, высыпали из них табак на кусок газеты, затем закручивали толстую цигарку и, спрятавшись где-нибудь за углом или в саду, по очереди делали затяжки, пуская ее по кругу, как американские индейцы трубку мира. Когда очередь дошла до Алексея, он первый раз в жизни сделал затяжку полной грудью. Эффект был неожиданный: ощутил удушье, затем начался кашель, из глаз покатились слезы, закружилась голова. Приятели, глядя на него, смеялись, а он, придя в себя, заявил: «Больше не курю». С тех пор ни разу не пытался курить.

- Вернуться за спичками или продолжить путь? - стоял и думал Алексей.

В его размышлениях верх взяла примета: возвращаться – не будет удачи.

- Идти мне до места сбора шиповника всего тридцать минут, - думал он, - до темноты успею набрать три ведра ягод и вернуться к машине, спички не понадобятся.

Приняв такое решение, продолжил начатый путь. Прежде чем начать собирать ягоды, осмотрелся, наметил направление движения и начал сбор шиповника. Левой рукой, на которой одета брезентовая рукавица, пригибал к себе несколько веток и одним движением правой руки снимал все ягоды совком. Набрав два ведра, положил рюкзак с ягодами под березу, чтобы не носить тяжесть на плечах, и продолжил обходить кусты, выбирая более удобные для сбора ягод. Приближались сумерки, а ведро наполнялось медленно. Алексей торопился, выбирая кусты с крупной ягодой. Когда ведро наполнилось, сумерки настолько сгустились, что с трудом просматривались редко растущие вокруг березы. Он направился к березе, под которой предполагал, что должен лежать рюкзак, но рюкзака не обнаружил. «Вероятно, это не та береза», - подумал он и направился к другой. Под ней тоже рюкзака не было. Пока он ходил от березы к березе, наступила кромешная темнота – в нескольких метрах ничего не было видно. Теперь он не мог определить направление к машине. Алексей остановился и прислушался, надеясь услышать лай деревенских собак, чтобы по нему выйти к дороге. Лая слышно не было. Ветер утих. Его окружала безмолвная тишина и спокойствие. Страха не ощущал: лес - его стихия. В этих местах кроме зайцев не водились другие звери. У него появилось беспо-

койство – придется провести ночь без костра. В глубине души тлела надежда, что тучи скоро уплывут, выглянет луна, появятся на небе звезды, по которым он определит направление на север и отправится к автомашине. В кармане его камуфляжной куртки лежал компас. Он несколько раз вынимал его из кармана, но не смог разглядеть даже стрелки. У него было ощущение человека, оказавшегося в темном помещении и не знающего, в какой стороне находится дверь. Его беспокойство нарастало по мере того, как воздух, охватывающий его своими объятьями, становился холоднее и холоднее. Его рубашка была потной, и ему становилось зябко.

- Да что же я жду, пока простужусь? - подумал он, - надо двигаться, чтобы не мерзнуть.

Со всех сторон лесного массива, в котором он находился, проходили дороги. «Надо выйти на любую из них, - подумал он, - а по ней будет легче добраться до машины. Подхватив ведро с шиповником, осторожно ставя ноги на землю, чтобы не споткнуться о пень или валежину, стал пробираться по лесу. Прошел метров пятьсот, ноги стали цепляться за плети ежевичника, несколько раз спотыкался и падал. Наконец его путь преградили густые заросли кустарника. В темноте нельзя было определить, росла перед ним ива или тальник.

- Надо возвращаться назад, - подумал Алексей, - впереди может оказаться болото, выходить к дороге следует по вырубам.

Ночь вступила в свои права, темнота еще сильнее сгустилась, уже с трудом можно было видеть кусты на расстоянии вытянутой руки. Сильно похолодало, холод заползал под сырую от пота рубашку, по спине поползла дрожь то ли от холода, то ли от предчувствия, что его скитания в темноте не скоро кончатся.

Выбравшись из зарослей ежевичника, Алексей с трудом разглядел силуэты нескольких берез. С каким бы удовольствием он развел сейчас костер из сухих веток, валявшихся под ногами, и, наслаждаясь его теплом, прокоротал ночь до рассвета. «Какой олух придумал примету, что не будет удачи, если вернешься за забытым предметом, - думал Алексей, - надо было вернуться за спичками».

За свое суеверие приходилось расплачиваться. Он повернул на девяносто градусов от своего прежнего маршрута и продолжил путь. Идти стало легче, ноги не путались в ежевичнике, иногда спотыкались о кочки, разбросанные среди редких кустов шиповника. Неожиданно он споткнулся и упал, рука нащупала тропу, вдавленную в мягкий грунт. Стоя на коленях, разглядел рядом еще одну тропу. «Здесь проходило стадо коров, - мелькнула мысль, - тропа должна вывести к дороге».

Найденная тропа приободрила его и вселила надежду на скорое окончание бессмысленного блуждания по лесу. Возник вопрос: в какую сторону идти? Он мысленно представил себе маршрут своего движения, начиная от машины, но не смог учесть все зигзаги, сделанные при поиске рюкзака. Выбранное им направление вело его в противоположную сторону от машины. Это он понял примерно через час, когда вышел на кромку леса и почувствовал запах прелого сена. Прямо перед ним с трудом просматривался контур стога. Впереди на десяток километров до деревни Красный яр лежали сенокосные луга. В этих местах ему доводилось бывать не один раз, проезжая на утиную охоту к озеру Ло-

патино. Предстояло идти в противоположную сторону к деревне Почта. Теперь он точно знал, как ему добираться до своей стоянки, но это его не обрадовало – путь был неблизкий. «Надо повернуть вдоль леса влево и идти до реки Старый Уень. Затем вновь повернуть влево вдоль реки и идти около пяти километров до загона для коров, от которого идет нужная мне дорога», - так размышлял Алексей, медленно продвигаясь по кромке луга. Ноги отдыхали, ступая на ровную поверхность, заросшую мягкой отавой, после кочек и ям, вытоптанных коровами на лесной тропе. В темноте он не заметил поваленное дерево и больно ударился об него ногой. Присев на ствол, поставил ведро между ног и вновь подумал о последней спичке и примете, которая так его подвела. Вспомнился случай на охоте, когда многие приметы не подтвердились.

. . . В институте в одной группе с Алексеем учился Вадим Лобарев, который был родом с одного из приисков в горной Хакассии. Перед зимними каникулами подходит Вадим к Алексею и говорит:

- Я знаю, что ты охотник, поедем в Хакассию охотиться на коз?
- Такие поездки без подготовки не делаются, - ответил Алексей.
- У меня на прииске живет школьный приятель Николай. Он профессиональный охотник, давно приглашает приехать на охоту, просит привезти ему патронов. Если ты поможешь купить патроны, нам будет обеспечен самый теплый прием, - уговаривал Вадим Алексея.
- Предложение заманчивое, но надо обсудить детали, - ответил Алексей.

Через несколько дней студенты ехали в поезде Новосибирск – Абакан. В Абакане пересели на поезд до станции Абаза, где у Лобарева жили родственники. Отдохнув один день у родственников Вадима, рано утром на попутной грузовой автомашине, которая везла продукты в магазин, устроившись в кузове на мешках с мукой и сахаром, ехали на прииск. Стояла тихая морозная погода, из труб жилых домов струился белый дым и, поднявшись на несколько метров, замирал на одном месте, постепенно растекаясь по сторонам. Когда машина свернула на лед реки и увеличила скорость, встречный ветер стал обжигать лица, так что пришлось завернуться с головой в тулупы и растянуться на мешках с продуктами. Алексей сожалел, что не может смотреть и любоваться берегами горной реки. Он спросил Вадима:

- По Абакану будем ехать до самого места?
- В Абакан впадает река Она, вот по ней поднимемся в горы к поселку Приисковый.
- Поселок большой?
- Осталось дворов двадцать. Живут пенсионеры да два охотника. После того, как прииск закрыли, люди лишились работы и разъехались.

За разговорами время летело быстро, машина повернула влево и медленно поползла вверх. Мотор гудел с надрывом. Ему, как человеку, было тяжело тянуть груженую машину в гору. Алексей поднялся со своей лежанки из мешков с сахаром, завернулся в тулуп и, устроившись удобно среди ящиков с продуктами, стал смотреть по сторонам. С правого берега реки тянулись отвесные скалы с множеством уступов и пирамидальных вершин. Чтобы увидеть вершины гор, приходилось запрокидывать голову. Они красовались на фоне голубо-

го неба и сияли в лучах зимнего солнца. Снега на скалах не было – его сдувал ветер. На одной из скал он увидел двух коз, стоящих на краю пропасти, как изваяния из местного серого камня. Растолкав Вадима, который уснул под теплым тулупом, закричал:

- Смотри, смотри, козы!

Вадим неохотно вылез из-под тулупа, посмотрел в сторону протянутой руки Алексея, увидел коз, но не удивился.

- Ты еще целый табун коз сможешь увидеть, - спокойно произнес он.

Николай ожидал приезда приятелей, встретил радостно и приветливо, а когда Вадим вручил ему металлическую запаянную коробку с винтовочными патронами, его радости не было предала. Он прочитал на коробке калибр патронов, поднес ее к губам и, поцеловав, положил на лавку у окна. После этого стал нам жать и трясти руки, благодарить за ценный для него подарок. Радостным голосом произнес:

- Патронов мне хватит на всю жизнь!

Его мать давно хлопотала у русской печи. Вскоре на столе появились козлятина, свинина, грибы, ягоды, хлеб домашней выпечки.

Сегодня гуляем, - сказал Николай, - у нас праздник.

Он жил в доме вдвоем с матерью, по возрасту ему давно надо было жениться, но в поселке не было невест. У его одноклассника Вадима уже было двое детей. Бросать мать и любимую работу не хотел, а найти невесту на стороне, которая бы согласилась ехать в глухомань, не удавалось. Внешне он был очень привлекательный: выше среднего роста, широкоплечий, с крепкой мускулатурой, с приятным улыбчивым лицом. О таких людях говорят: «добрый молодец».

Они долго сидели за столом, мирно беседовали, каждый рассказывал о себе.

В дом несколько раз забегали соседки, обращались к хозяйке, а глазами косили на приезжих. Нечасто в их краю появляются новые люди, вдруг приехал кто-то из старожилов. Убедившись, что молодые люди им не знакомы, быстро удалялись.

От Николая Алексей узнал, что его отец закончил войну в Германии. Многие солдаты увозили с собой домой ценные вещи, а его отец разобрал найденную на поле боя винтовку, смазал, аккуратно завернул и привез, как самую драгоценную вещь. Хранилась винтовка незаконно в горах, о ней знали только отец и сын. Добыть в горах козу или марала без нарезного оружия было чрезвычайно сложно. У Николая кончились патроны, привезенные отцом с фронта, и он, как ребенок, радовался подарку, старался во всем угодить гостям: подливал водку в рюмки, подкладывал на тарелки самые аппетитные куски мяса.

Когда Алексей почувствовал, что свою норму водки выпил, встал из-за стола и пересел к печке. На лавке лежали меховые рукавицы, сшитые из шкурки с мягкой серой шерстью. Он подумал, что они сшиты из кошачьего меха, но чтобы рассеять свои сомнения спросил Николая:

- Из какого меха у тебя сшиты рукавицы?

- Из соболя.

- Разве соболь бывает серым? Разве можно такой дорогой мех использовать на рукавицы? - произнес Алексей.

Николай с удивлением на лице посмотрел на него, выпил из приготовленной рюмки, наколол на вилку небольшой груздок и стал его пережевывать.

Алексей вывернул рукавицу и, разглядывая мех, слушал хруст гриба на зубах Николая.

Закончив с грибом, Николай произнес:

- Мне дают лицензию на заготовку двадцати соболиных шкурок, большее количество шкурок «Зоготпушнина» не примет. Полученные деньги за сданную пушнину – мой основной годовой заработок. Цена шкурок разная: максимальная – сорок рублей, а за серого соболя не дадут и трех рублей. Таких зверьков надо выбраковывать. Я вместо него добыл полноценного, темного соболя, который по цвету был, как баргузинский.

- Других у тебя никаких заработков нет? - допытывался Алексей.

- Почему же - есть. Я получаю лицензии на заготовку мяса коз и маралов, летом собираю ягоды, осенью – орехи, дел хватает круглый год. В этом году надо добыть еще одного марала и несколько коз.

На следующий день Николай пригласил приятелей во двор и повел показывать свое хозяйство. Вдоль забора под шапкой снега стояла длинная поленница березовых дров. Под одной крышей были коровник, свинарник и хозяйственные постройки. Он открыл одну дверь, и они увидели две козлиные туши, лежащие на дощатом полу. Показывая на них рукой, сказал:

- Заберете это мясо с собой, а на охоту не поедем, будем гулять, пока не кончатся ваши каникулы.

Алексей не только удивился такому обороту событий, он даже испугался. «Не для того же мы ехали в такую даль, чтобы просидеть неделю за столом и не увидеть охоты в горах, - мелькнула у него мысль, - неужели с предложением Николая согласится Вадим?».

-Нам не нужно мясо, мы приехали принять участие в охоте, а не отсиживаться в доме, - четко произнес Вадим.

- Хорошо, завтра выезжаем, - сказал с сожалением Николай.

По его лицу было видно, что он недоволен настойчивостью Вадима.

На следующий день рано утром Николай повез своих гостей в горы к месту охоты. Они ехали по реке, которая виляла по долине между высоких гор. Мотоцикл с надрывом преодолевал неглубокий снег, которым было занесено русло реки. Встречный ветер обжигал лица, Вадим прикрылся чехлом люльки мотоцикла, а Алексей, сидя за спиной Николая, прижимал лицо к его спине. Когда Николай остановил мотоцикл и заглушил двигатель, Алексей с облегчением вздохнул, слез с сиденья, потоптался в снегу, чтобы размять затекшие ноги, и осмотрелся. Перед ними была небольшая деревянная избушка, стоящая у склона гор, невдалеке еще одна, в которой жил лесник. Неширокую долину между гор прорезала река, по которой они приехали. На противоположной стороне долины скалистые горы сияли в лучах поднявшегося солнца.

Из ворот ограды вышел очень старый хакас. Николая он обнял и похлопал рукой по спине, Вадиму и Алексею протянул руку.

- Это друг моего папы Кичемей, - сказал Николай, - я почитаю его, как своего родного отца.

Отец Николая вернулся с войны с множеством ранений и прожил менее десяти лет.

Охотники загнали мотоцикл во двор, захватили рюкзаки и вошли в дом. Их встретила бабушка Клана, приветливая, энергичная старушка. Мужчины уселись за стол, Николай стал рассказывать о своих спутниках, бабушка Клана - готовить чай.

Обращаясь к Николаю, Алексей спросил:

- Как перевести имя Клана на русский язык? Мне хочется называть ее русским именем.

- Это делать не следует.

- Почему?

- Ты можешь ее обидеть.

- С какой стати?

- До революции имена хакасов в большинстве представляли прозвища по качествам, свойствам, физическим недостаткам. В качестве имен давали также названия животных, растений, предметов.

- Такие имена продолжают давать поныне?

- Теперь в большинстве случаев детям дают русские имена, но часто в быту используют традиционные национальные имена.

Напившись чая, они стали собираться на охоту. Николай отдал свой охотничий карабин Вадиму, а сам слазил на чердак дома и принес винтовку своего отца. Он с бережным вниманием осмотрел ее, стер лишнюю смазку, посмотрел на свет через ствол, передернул дважды затвор. Убедившись в полной готовности винтовки к стрельбе, повесил на свое плечо, поговорил с Кичемеем и тот принес свой карабин и вручил Алексею, который принял его, как драгоценный дар. Во время службы в армии Алексей научился хорошо стрелять из нарезного оружия и даже получил разряд по стрельбе из боевой винтовки.

Идти по заснеженной долине было бродно, Николай шел первым, за ним - Вадим и Алексей. Коля рассказывал порядок охоты: сначала будем подниматься по ущелью в горы, идти надо параллельно в пределах видимости. Вперед не забегать, чтобы не оказаться на линии стрельбы.

Получив короткий инструктаж, они поднимались по крутому ущелью, заросшему лесом, внимательно осматривая его склоны и просветы между деревьями. Внезапно за низкорослым лесом послышалось грубое блеянье козла, напоминающее смех. За деревьями замелькали козы, убегающие большими прыжками по склону за перевал. За лесом охотники обнаружили с десяток козьих лежек. Козы копытами выбили снег до сухой травы и устроились на отдых в лунках. Они услышали приближение опасности раньше, чем охотники увидели их.

- Дальше подниматься нет смысла, - сказал Николай, - спустимся вниз и устроим облаву в соседнем ущелье.

В соседнем ущелье все повторилось. Козел посмеялся над охотниками и увел табун в горы.

- Надо менять тактику, - сказал Николай, - вы останетесь у подножия ущелья, а я, сделав круг, поднимусь на вершину хребта и пугну коз на вас.

Коз Николай спугнул, они с шумом неслись вниз, но, не добегая до стрелков на выстрел, свернули на каменистый склон и скрылись с глаз. В тихую безветренную погоду долго слышался шум осыпающихся камней из-под ног убежавшего табуна.

Первый день охоты закончился без результата. Алексей был доволен – он никогда не видел такого количества коз, уяснил тяжесть охоты в горах, здесь нужна особая физическая подготовка.

Мужчины сидели за столом и обсуждали планы на завтра. Клана подошла к рюкзаку Алексея, развязала его и стала перебирать вещи, не обращая внимания на его пристальный взгляд. Когда в ее руке оказался нож с деревянной ручкой, она вынула его из самодельных ножен и стала внимательно рассматривать. Это был обыкновенный кухонный нож из толстой стали. Алексей купил его перед отъездом на охоту из-за неимения охотничьего ножа.

Клана повернула голову к Алексею, стала щелкать языком и движениями рук показывать, что таким ножом хорошо чистить картошку. Всем своим видом она показывала, что ей очень понравился нож.

- Дарю, - сказал Алексей. Про себя подумал:

- Вряд ли мне доведется свежевать козу, на всякий случай есть складной перочинный ножичек.

На лице Кланы расплылась улыбка одобрения, она унесла нож на свой кухонный стол.

На следующий день решили идти на противоположный берег реки и попытать счастье в ущельях с другой стороны долины. По словам Кичемея, там козы не пуганы.

В пойме реки, шириной меньше километра, лежал глубокий снег, преодолевать долину приходилось с трудом. Алексей обратил внимание, что в долине и в нижней части ущелий, где наметалось много снега, следов коз не было. Они держались на склонах, с которых снег сдувался ветрами.

Второй день охоты не отличался от первого. Они видели коз, слышали смех козлов, но выстрелить никому не довелось.

На третий день Кичемей предложил запрячь его лошадь в сани и поехать в долину незамерзающей реки, которая находилась в десяти километрах от его дома. Он, казалось, переживал больше всех за неудачную охоту его постояльцев.

Отъехав от дома метров двадцать, Алексей вспомнил, что забыл хлеб на столе.

- Стой, - закричал он и соскочил с саней.

- Что случилось? – спросил Николай.

- Я забыл хлеб, - ответил на бегу Алексей.

- Вернись, это плохая примета, не будет удачи.

Алексей убежал, а Николай ругал забывчивого компаньона и примету, которая сулила неудачу.

В это время из соседнего дома вышла жена лесника и с ведрами на коромысле отправилась к реке по воду. Это совсем вывело Николая из равновесия. Он продолжал ругаться, доказывал Вадиму, что нет резона сегодня ехать в эту сторону на охоту.

Когда вернулся Алексей и завалился в сани, Николай нехотя легонько шлепнул лошадь вожжами по спине, и умная смирная лошадка напрягла все свои силы, чтобы сдвинуть сани с места. Проезжая мимо дома лесника, они увидели, как из подворотни неожиданно выскочила кошка и, подняв хвост трубой, помчалась вслед за хозяйкой к реке.

Николая прорвало: «Еще нам этого не хватало!». Его ругань была многоэтажной и многословной. Он вспоминал всех богов и чью-то мать. В конце длинного монолога предложил в этот невезучий день на охоту не ездить.

- У нас сегодня последний день охоты, завтра надо выезжать на прииск, послезавтра будет машина из Абазы, - урезонил его Вадим.

Путь к долине незамерзающей реки оказался нелегким. Лошадь с трудом тянула сани по глубокому снегу, охотники часто поднимались из саней и шли следом за лошадью. Около широкого ущелья Николай распряг лошадь, привязал к саням, чтобы она могла кормиться привезенным в санях сеном.

Они шли по тропе, натоптанной копытами лошади. Идти было не легче, чем по целине. Снег по краям лунок затвердел, их ноги, обутые в валенки, проваливались в эти лунки то носком, то пяткой, доставляя болезненные ощущения. Вадим, обращаясь к Николаю, спросил:

- Кто здесь ездил на лошади?

- Это Кичемей проезжал верхом по ущелью. Он уже не может далеко ходить пешком и охотится с лошади. Его лайка бегает и разыскивает соболя. Обнаружив зверька, подает голос и облаивает так, чтобы не спугнуть с дерева. Кичемей подъезжает верхом на расстояние выстрела, собака помогает ему обнаружить соболя, забегая с той стороны, где притаился зверек. После выстрела лайка налету подхватывает добычу и приносит ее старику.

Через несколько километров ущелье раздвоилось. Николай сказал:

- Я пойду по левому отвилку, кто со мной?

С ним вызвался идти Вадим.

- Встречаемся на этом месте, - сказал Николай и зашагал вдоль крутого склона ущелья. Алексей, выворачивая ноги, побрел по лошадиным следам. Одному идти было проще: он не торопился, останавливался, чтобы внимательнее осмотреть долину, покрытую, как скатертью, снежным покровом, и склон горы с редким сосновым лесом. Погода была ясная, для зимы теплая, деревья, залитые солнечными лучами, казались яркими, светлыми и радостными. Таким же было его настроение. Он снял ватную фуфайку и повесил на сук дерева около тропы, несколько раз спускался к звенящему ручью, чтобы напиться холодной, ледяной воды. Все его внимание было приковано к склону. На широкой пойме с высоким покровом снега не надеялся встретить коз. Когда в очередной раз напился студеной воды, присел в снег на склоне ручья и стал осматривать окрестность. Его внимание привлек пень на противоположной стороне ущелья рядом с молодыми березами. На пне было белое пятно, с противоположной сто-

роны торчали две ветки. «Видимо, пень присыпан снегом», - подумал Алексей. В это время «пень» развернулся, и он увидел козла, стоящего к нему боком. От неожиданности его охватило волнение, дрожащей рукой он взял карабин, воткнутый рядом в снег. Чтобы унять дрожь в руках, опер локоть левой руки в колено и начал целиться. «Спусковой крючок надо нажать плавно», - сверлила его мысль. После выстрела из снега взметнулся табун коз и скрылся за мелким березняком. Вместе с ним убежал козел, в которого стрелял Алексей. Его охватили разочарование и досада, сердце учащенно билось, из глаз готовы были покатиться слезы. Впервые в жизни ему довелось стрелять в козла, и он промазал. «Вот что значит приметы, - промелькнула мысль. Николай был прав,- не надо было ехать сюда на охоту».

Перебравшись по поваленному дереву на противоположный берег ручья, пошел посмотреть следы коз, считая шаги. До коз было триста шагов. На снегу четко виднелись капли крови. Разочарование сменилось радостью. «Значит, я не промахнулся, надо идти по следу и добрать зверя», - решил Алексей.

Через несколько десятков метров на снегу лежал добытый им козел. К радости добавилось сомнение: сможет ли он перочинным ножичком разделать козла. Оставленная туша в шкуре и с кишками до утра запреет и будет непригодной в пищу. Мелькнувшую мысль: идти за товарищами, быстро отбросил. Идти за друзьями намного дольше, чем освежевать добычу. Он достал ножичек и принялся за работу. Когда туша была без шкуры и кишок, в горах наступила темнота. Алексей вымыл руки снегом, развел костер, насадил на прут кусочки печени и начал готовить шашлык. Сочная печень без соли и без хлеба была изумительно вкусной после дневного поста. Подкрепившись, отправился в обратный путь. За последним поворотом ущелья увидел вдали костер. Это ждали его друзья. У костра на него обрушились упреки: «Почему пришел поздно? Почему не отвечал на наши выстрелы? Мы беспокоились о тебе». Выслушав спокойно все упреки, Алексей сказал:

- Я был за несколькими поворотами ущелья и не слышал ваших выстрелов. Пришлось долго свежевать козла перочинным ножичком, - и он показал свое «оружие».

- Ты добыл козла? - удивился Вадим.

- Завтра на лошади под седлом вывезем мясо, - сказал Николай, - надо торопиться, а то нас потеряет Кичемей.

Алексею хотелось сказать Николаю, что все приметы не подтвердились, но он промолчал.

. . . Эти воспоминания мгновенно пролетели в его памяти. Он вновь подумал о приметах: «Как мог он, человек с высшим образованием, на своем опыте знающий, что приметы – это предрассудки и редко сбываются, не вернуться за спичками?» Обвиняя себя в суеверии, поднялся с поваленного дерева и побрел по сенокосу в стороны Уеня. Дорогу вдоль реки нашел быстро - она была разбита тракторами и представляла глубокие ямы и высокие бугры. В темноте идти по ней было труднее, чем по лесу. От усталости он еле волочил ноги, постоянно опасаясь споткнуться, упасть и рассыпать шиповник.

Времени прошло много. По его прикидкам он давно должен был пройти пять километров, но вдоль дороги не было загона для коров и не слышалось лая деревенских собак. В нем зародилось сомнение – правильно ли он идет? Постепенно сомнение переросло в беспокойство – вдруг он идет не в ту сторону. Заметив рядом с дорогой толстую изогнутую березу с множеством сучьев, решил взобраться на нее с надеждой увидеть огни в деревне. Оставив ведро на дороге, отошел от нее метров на двадцать и залез на березу. Огней не было видно, его окружала густая темнота, на душе появилась тревога. Он чувствовал себя моряком, оказавшимся в океане без компаса. В какой-то момент его слух уловил отдаленный собачий лай, который мог доноситься только из селения Почта. Сомнения рассеялись, но радости не было - предстоял еще немалый путь. Спустившись с дерева, подошел к дороге, но ведра не было видно. Пришлось присесть и шарить руками над дорогой до тех пор, пока не наткнулся на ведро.

На территории загона стояла избушка сторожа. Открывая незапертую дверь, Алексей подумал:

- Сейчас растоплю печь и проведу в тепле оставшуюся часть ночи. От холода его спасало только движение.

В избушке была металлическая печь и лежанка для отдыха. Он обшарил всю избушку, но нигде не нашел спичек. Раздосадованный, прилег на лежанку и вытянулся во весь рост, расслабив уставшее тело. Долго лежать не пришлось – холод погнал его в путь. Алексей еще раз пожалел, что выбросил под ноги последнею спичку.

Он шел вдоль леса по знакомой дороге, на фоне темного ночного неба видны были только верхушки редко стоящих берез. Густой подлесок из шиповника, калины, тальника ухудшал видимость у земли. Его взгляд искал две рядом стоящие березы, под которыми за кустами стояла его автомашина. Несколько раз проламывался через кусты к таким березам, но машины под ними не было. Внезапно остановился обрадованный и вместе с тем разочарованный. Около дороги стоял железобетонный пасынок от столба некогда проходящей здесь электролинии. К машине надо было возвращаться назад всего метров тридцать.

Не открывая машину, залез в палатку, разделся и нырнул в спальный мешок. У него еще хватило силы включить фонарик и посмотреть на часы. Было три часа ночи.

Алексей проснулся во второй половине дня, все с ним приключившееся казалось дурным сном. Позавтракав, захватил пустое ведро и отправился за рюкзаком. Он шел по давно знакомой местности, узнавал каждое дерево, каждый куст шиповника. «Вот на этом кусту была очень крупная ягода, а на следующих кустах мелкая», - вспоминал, проходя мимо. Рюкзак долго искать не пришлось – он лежал под деревом вблизи тропы, натоптанной Алексеем.

Змееловы

Деревенские мужики, проезжая по трассе, удивлялись:

- Зачем непутевый водитель загнал «Ниву» на пахоту и там буксует? - произнес первый.

- Наверное, хочет пробиться к ряму, - ответил второй.

- Что весной искать в ряму ? - продолжал удивляться первый.

- Хотят, наверное, найти клюкву, - высказал предположение его товарищ.

- Какая сейчас может быть клюква? Снег еще полностью не сошел, косачи ее давно собрали. . .

Машина медленно с надрывом продвигалась по наторенной с осени по пахоте дороге. Грязь от колес летела на крышу кабины и на капот.

Алексей пожалел, что не послушал Леонида Ивановича Зиновьева, который предлагал сделать круг и подъехать к ряму по выпасам. Ему хотелось сократить путь и быстрее разбить лагерь на берегу ручья. Когда машина выбралась из вязкой грязи и легко покатилась по скошенному полю, он подумал: «Машину надо помыть сегодня, пока грязь не присохла».

- Подъезжай к березам около ручья, - предложил Леонид Иванович, - там удобное место для лагеря.

Вскоре они установили палатку между двух берез. Подложили под нее кусок целлофана, чтобы не впитывала сырость, внутри расстелили кошму и на нее бросили свои спальные мешки.

Алексей достал из багажника машины топор и пошел вырубить тычки для костра, а Леонид Иванович тем временем набрал сухого валежника. Когда костер разгорелся, на стане стало уютней, пламя не только согревало тела сидящих около него друзей, но грело их души, истосковавшиеся в городе по вольной жизни на природе.

- Надо набрать березового сока, - сказал Леонид Иванович и, взяв привезенные с собой бутылки, пошел к развесистой березе, ветки которой клонились к земле.

У него был свой способ сбора березового сока. Охотничьим ножом срезал ветку толщиной с палец и надевал на нее бутылку. Из ветки моментально начала струиться живительная влага.

К концу клонился последний апрельский день. Солнце садилось за чистый горизонт, предвещая на завтра хорошую погоду. В лесу кукушка отсчитывала кому-то долгие года жизни, в чистом небе токовали бекасы, издавая при пикировании звуки, напоминающие блеяние барашка. Возле кустов, росших вдоль ручья, чинно выхаживали две серенькие трясогузки, подергивая длинными хвостиками. В природе происходило оживление и обновление: журчащий ручеек уносил талые воды, которые обмыли поля и луга, на березах набухли почки, готовые треснуть и выпустить зеленые листочки. Пробуждение природы проникало в души и создавало радостное настроение.

- Как здесь хорошо! - произнес Алексей, глядя на пикирующих в небе бекасов.

- Не жалеешь, что завтра не пойдешь на первомайскую демонстрацию? - спросил Леонид Иванович.

- Немного необычно, десятки лет ходил на демонстрацию, а завтра буду бродить по ряму.

- Ты встань завтра пораньше и кати в город, а за мной приедешь через два дня, - предложил Леонид Иванович.

- Нет, уж дудки. Я хочу посмотреть, как ты будешь ловить змей.

- Тогда не сожалей, что поехал со мной.

Утром они не торопились. Леонид ждал, когда солнце пригреет почву. В это время змеи вылезают из своих укрытий и устраиваются на солнцепеке, чтобы отогреться от зимней спячки и зарядиться солнечной энергией. Эти премудрости Алексей узнал от Леонида Ивановича, который работал главным охотоведом области и на его попечении был серпентарий, размещавшийся в трехэтажном здании на территории областной больницы.

Они подняли голяшки болотных сапог, перешли ручей, узкую полосу лиственного леса, росшего вдоль ручья, и перед ними открылась огромное пространство, покрытое кочками, мхом и низкорослыми кустарниками. Это был типичный участок северной тундры. С трех сторон эту местность подковой охватывал сосновый бор. На открытых участках снег уже сошел, в лесу и в тени деревьев лежали сугробы.

Леонид Иванович двинулся по моховому покрову вдоль лиственного леса с множеством поваленных деревьев и вывороченных корней берез.

- В таком месте медведям удобно устраивать берлогу, а не змеям прятаться, - произнес Алексей.

- Смотри внимательней под ноги – увидишь гадюку.

Метрах в пяти перед ними на моховой кочке, залитой солнцем, лежала, свернувшись калачиком, серая в клеточку сибирская гадюка.

- Змея, змея! - закричал Алексей.

- Не шуми, я давно ее вижу, - урезонил восторженного Алексея Леонид Иванович и смело направился к змее.

Змея почувствовала его приближение, соскользнула с кочки и поползла по моховому покрову. Зиновьев догнал ее и легонько придавил сапогом. Хвост змеи извивался за пределами подошвы сапога. В правой руке Леонида Ивановича были деревянные щипцы, длиной около метра, в левой - сачок из плотной ткани. Он взял щипцами хвост змеи и поднял ее над поверхностью. Гадюка беспомощно извивалась в воздухе. Дав время Алексею насмотреться на первую добычу, опустил ее в сачок, зажал его рукой и продолжил путь.

- Она тебя не укусит? - спросил Алексей.

- Находясь в сачке или мешке, змея не может укусить. Ей нужен разгон для движения головы, чтобы ударить жертву, - пояснил Леонид Иванович.

Освоив несложный урок, Алексей стал самостоятельно собирать змей. Его щипцы от стиральной машины были короткими и узкими. Он опасался, что хвост змеи может выскользнуть из щипцов, но постепенно приспособился. Когда в его сачке было четыре змеи, к нему подошел Леонид Иванович и спросил:

- Сколько собрал гадюк?

- Четыре.

- У меня шесть, давай переложим в мешок.

Он достал из рюкзака небольшой сатиновый мешочек с завязками, вытряхнул в него змей из своего сачка, затем из сачка Алексея, крепко завязал мешочек и положил его еще в один мешок, который завязал узлом и сунул в свой рюкзак.

- Удовольствие ниже среднего, - подумал Алексей, - носить такой груз на спине.

К обеду в рюкзаке Леонида Ивановича лежало три мешочка с десятью змеями в каждом. По дороге к лагерю поймал еще трех змей, которых нес в сачке. В лагере он перекрутил сачок несколько раз и положил под березу, надеясь, что змеи не смогут выбраться через перекрученный сачок.

После сытного обеда приятели, полулежа под березой, пили ароматный чай заваренный брусничником и ягодами клюквы, найденными в ряму.

Неожиданно между ними появилась ползущая к ручью змея.

- Не шевелись, - прошептал Леонид Иванович.

Змея одним махом своего тела могла достать до лица любого из них. Алексей замер в испуге и не шевелился, даже когда змея отползла на несколько метров. Леонид Иванович поднялся с земли, взял щипцы, сачок и, догнав беглянку, водрузил ее в сачок, в котором оказалось две змеи вместо трех. Змееловы стали ходить по поляне и искать сбежавшую добычу. Алексей первым увидел быстро ползущую по полю змею и побежал за ней. Когда приблизился, она неожиданно развернулась, подняла над землей переднюю часть тела и с шипением стала делать выпады в сторону преследователя. Алексей опешил от неожиданности, подбежавший Леонид Иванович, ударил змею ногой и придавил сапогом к земле.

Во второй половине дня змеи попадались реже. Подняв одну змею щипцами перед собой, Леонид Иванович долго смотрел на нее, затем бросил на моховой покров ряма в сторону. Она быстро заскользила по мху и скрылась в низкорослых зарослях.

- Ты почему отпустил змею? - удивился Алексей.

- Недоросток, пускай подрастет, - ответил Леонид Иванович, - половозрелая змея должна быть не менее пятидесяти сантиметров длиной.

Алексей посчитал, что освоил промысел рептилий и отправился в противоположную сторону ряма. Ему было интересно изучить окружающую местность. Он шел по мягкому моховому покрову ряма среди редко стоящих сосен. На моховых кочках встречались крупные красные ягоды клюквы, сохранившиеся с прошлого года. Перезимовав под снегом, они стали мягкими, сочными и менее кислыми, чем осенью. Алексей набирал их в горсть и с удовольствием отправлял в рот. Ему попадались змеи серого и черного цвета. Одна встретилась зеленого цвета с затейливым рисунком на теле. С тех пор прошло много лет, а он помнит до мелочей место, где встретил эту змею.

Продвигаясь по кромке ряма, неожиданно подошел к небольшому озерку, окруженному с трех сторон густым хвойным лесом. С поверхности воды взлетели два табунка уток. Селезни были одеты в праздничные весенние наряды.

- Вот кто отмечает день Первого мая, - подумал Алексей, - а я брожу в камуфляжной форме.

Он стоял и любовался улетающими утками. Оранжевые головы селезней свиязей и темно-красные чирков-свистунков отливались ярким блескам в лучах весеннего солнца.

Проводив взглядом уток и пожелав им мысленно счастливого пути, Алексей осмотрел озеро. В темной воде, как в зеркале, отражались хвойные деревья; на противоположном берегу виднелся скрадок, сделанный местными охотниками. Недалеко от него лежала на берегу перевернутая лодка с просмоленными бортами и днищем.

Подойдя к лодке, он увидел крупную зеленую змею, растянувшуюся вдоль борта лодки. Она наслаждалась солнечным теплом, отражаемым от черного борта лодки. Ее тело из круглого превратилось в плоское распластавшись на теплой земле. Вот эту змею Алексей запомнил на всю жизнь.

Вечером, сидя у костра, приятели делились впечатлениями от первого дня «охоты».

Проснувшись ночью, Алексей почувствовал ступней ноги круглый холодный предмет. Его пронзило, как током, он боялся пошевелиться. «Змея заползла в спальный мешок», - думал новичок-змеелов. Сон мгновенно пропал, все мысли были направлены на то, как вылезти из спального мешка, не потревожив рептилию.

- Если укусит, надо будет немедленно отсосать кровь и смазать место укуса йодом, - вспомнил инструктаж Леонида Ивановича, которого решил разбудить в крайней необходимости.

Не шевеля ногами, сел в палатке, расстегнул молнию спального мешка и спустил его с плеч до пояса. Затем медленно, опираясь на руки, стал выдвигать нижнюю часть тела из спальника. От напряжения и ожидания укуса тело покрылось потом. Когда ноги оказались в не спальника, лихорадочно застегнул молнию, скатал его и выбросил из палатки.

Утром Леонид Иванович был удивлен, увидев приятеля спавшего под фуфайкой на войлоке.

- Что случилось? - спросил он, разбудив Алексея.

- У меня в спальнике змея, - ответил тот.

- Одевайся, пойдем, посмотрим.

Алексей расстегнул молнию спальника и стал его трясти. Из спального мешка выкатилась латунная гильза, которую он выронил осенью из кармана.

Директор серпентария Владимир Дударев встретил змееловов с приветливой улыбкой. Поздоровавшись за руку, спросил:

- Как успехи?

- Лучше, чем ожидали, - ответил Леонид Иванович.

- Сейчас я приглашу приемщика змей, сдадите рептилий и заходите ко мне в кабинет – расскажите, где были, что видели.

Молодой человек, назвавшийся Виктором, предложил всех змей высыпать в один большой фанерный ящик. Оказавшись в ящике, змеи вели себя спокойно, не пытались из него выбраться, шевелили головами и хвостами, смирившись со своей участью. Виктор брал каждую змею за туловище около головы длинными медицинскими щипцами, осматривал и перекладывал в другой ящик. Пере-

считав змей, сделал запись в журнале приема и унес их, чтобы поместить в приготовленное для них жилище.

Алексей впервые был в серпентарии и попросил Дударева провести экскурсию по его заведению. Леонид Иванович поддержал просьбу – ему хотелось увидеть, какие произошли изменения с его последнего посещения серпентария.

Они обходили помещение за помещением трехэтажного здания. В просторных светлых комнатах вдоль стен на полках стояли стеклянные клетки, напоминающие аквариумы. Вместо воды в них на дне лежали гальки, песок и куски дерева. Один угол обогревался электрической лампочкой, во втором было темное помещение с маленьким круглым отверстием для удаления и отдыха рептилий. В каждой клетке жило по одной змее.

- Сколько змей у вас содержится? - спросил Алексей у Дудорева.
- Помещения рассчитаны на три тысячи особей.
- Чем вы их кормите?
- Их рацион состоит из одной лягушки или одной белой мыши в неделю.
- Где вы берете такое количество белых мышей?
- Нам их поставляет Институт микробиологии по взаиморасчетам за змеиный яд.
- Как берется яд у змеи?
- Сейчас зайдем в лабораторию, и вы сможете увидеть процесс своими глазами.

Дударев открыл дверь на противоположной стороне коридора и пропустил в нее своих спутников.

Помещение было чистым, как хирургический кабинет. Перед столом сидел специалист охотовед. По обе стороны от него стояли ящики со змеями. Он брал змею щипцами из одного ящика, пальцами левой руки сжимал ее туловище около головы, затем правой рукой обматывал змею вокруг левой руки, чтобы она движениями своего тела не мешала его дальнейшим действиям. Правой рукой брал со стола стеклянную баночку, завязанную тонким целлофаном, и подносил к голове змеи. Затем пальцами левой руки сдавливал тело змеи, чтобы она открыла рот. Быстрым движением правой руки протыкал о зубы змеи целлофан на баночке, в которую вытекало две капли яда. После такой процедуры опускал змею во второй ящик. Все его движения были отработаны до автоматизма. Зрелище для постороннего человека было не из приятных. Алексей поспешил выйти в коридор. Когда в коридор вышли Дударев и Зиновьев, он спросил:

- Как часто у змей берут яд?
- Их «доят» один раз в неделю, - ответил Дударев и направился в свой кабинет.

В приемной змееловов ждала бухгалтер. Она успела сделать расчет за пойманных змей, предложила расписаться в ведомости и вручила заработанные деньги.

- Хотите посмотреть окончательный продукт змеиного яда? - спросил Дударев, усаживаясь за свой рабочий стол.

- Показывай, посмотрим, в каком виде ты будешь отправлять продукцию за рубеж, - сказал Зиновьев.

Дударев достал из сейфа красивую коробочку, на которой была изображена медицинская эмблема и змея, ползущая среди леса. Он извлек из коробочки маленький флакончик, на дне которого переливались янтарным цветом мелкие кристаллы змеиного яда.

- У змей яд в жидком виде, - произнес Алексей, - как вы получаете из него кристаллы?

- Кристаллы получаются при вымораживании яда в морозильных камерах, - ответил Дударев.

- По какой цене продаете яд, - поинтересовался Алексей.

- Международная цена – тысяча долларов за грамм.

Возвращаясь домой, Алексей думал, куда потратить деньги, заработанные за праздничные дни. Сумма была больше его месячного оклада.

Грибники

Год выдался грибным. В июне прошли обильные теплые дожди, в июле установилась жаркая погода. В лесу стоял запах прелой подстилки и грибной аромат. Грибы росли повсеместно. Мои соседи дачники собирали их в лесозащитной полосе вдоль железной дороги. На моем участке под соснами из-под хвойной подстилки выглядывали коричневые шляпки маслят, в саду под кустами смородины появились свинушки. Грибы в тот год не собирали только ленивые. Меня грибы на участке не интересовали. Мне даже не нравится собирать их в пределах пешеходной доступности, где всегда много грибников. Я люблю уехать на автомашине подальше, где можно в тиши лесной наслаждаться природой, неторопясь разыскивать дары природы и любоваться ими, прежде чем срезать. Вчера я привез больше десяти ведер белых, угостил соседей, допоздна заготавливали с женой впрок. Обычно мы их жарим и замораживаем в холодильной камере. Зимой для гостей они служат лучшим угощением.

Слух о моей удачной поездке в лес быстро распространился среди дачников. И вот приходят ко мне две соседки, которых я иногда брал с собой в лес и говорят:

- Возьмите нас с собой за грибами.

- Я сегодня не собираюсь ехать в лес.

- Пока грибной сезон надо заготовить впрок.

- Мы с Наташей уже заготовили.

Поехать за грибами я был не против, но мне очень не хотелось ехать с Гавриловной, которая была женщиной беспардонной как в жизни, так и при сборе грибов. Она считала в порядке вещей подойти к грибнику, который нашел семейку грибов, присесть рядом с ним и, торопясь срезать грибы у него под носом. Меня такое поведение всегда шокировало. В послевоенные годы для меня

и моих друзей сбор грибов был средством добычи пропитания для своих семей. У нас был выработан неписанный «Моральный кодекс грибника». По лесу мы ходили, не теряя друг друга из вида. При этом не подходили друг к другу ближе десяти метров, не разрешалось забегать вперед перед идущим грибником. Категорически запрещалось подходить к товарищу, если он присел срезать найденные грибы. Нарушающий эти правила мог схлопотать тумаков. Гавриловна не знала и не соблюдала эти правила. Сбор грибов с ней терял удовольствие и наслаждение.

- Хватит отнекиваться, заводи машину, - произнесла она дружески грубовато.

Мне пришлось завезти свою «Ниву», положить в багажник три картонных коробки, корзину, и мы поехали. Наш путь лежал в сторону деревни Верх-Каен. За четыре десятка лет я хорошо изучил этот район и знал все грибные места.

День обещал быть жарким, солнце поднималось по чистому безоблачному голубому небу. Свежий ветерок врывался в открытое окно автомашины и приятно ласкал кожу лица, за машиной тянулся шлейф пыли, которая в безветренную погоду долго висела над проселочной дорогой. Свернув с дороги и подъехав по высокой траве к опушке колка, в котором многие годы собирал белые грибы, вышел из машины, открыл багажник, чтобы женщины могли взять свои корзинки, и осмотрелся. Следов автомашин на траве не было – значит, грибники не посещали его. «Здравствуй колок, чем ты порадуешь нас? – тихо произнес я и шагнул под своды старых берез. На кромке леса у моих ног красовалась семейка мухоморов. Здесь выделялись грибы крупного размера с развернутыми шляпками– родители. Их окружали разного размера грибы – подростки с неразвернутыми шляпками. Передо мной была семейная идиллия. Я осторожно обошел их стороной, чтобы ненароком не наступить на лесных красавцев.

Мухоморы постоянные спутники белых грибов. Они появляются немного раньше белых. Если нашел в незнакомом лесу мухоморы, обязательно поблизости найдешь белый гриб.

Внимательно осматриваю полянку. Где - то здесь должен расти белый гриб. Сердце радостно забилось. У соседней березы среди низкой редкой травы стоял белый шар, прикрытый маленькой коричневой шляпкой не по размеру владельца. Сделав несколько шагов в сторону гриба, остановился не торопясь его срезать. Какой же он чудесный, ядреный. Ножка белая шершавая, шапочка маленькая, как у кардинала, ели держится на толстой ножке. Мне захотелось показать находку моим спутницам.

- Уважаемые дамы! - громко крикнул им, - подойдите ко мне, я покажу вам чудо природы.

Первой подошла Гавриловна. Она моментально присела, срезала гриб, положила на ладонь и протянула руку к подходящей Людмиле Федотовне. Затем положила его в свою корзинку.

Настроение мое почему-то испортилось. Обращаясь к Федотовне, сказал:

- Этот колок шириной метров двести, тянется по склону к ручью. Место грибное. Пока его обследуете, я схожу, поищу грибы в другом месте. Машину оставляю здесь.

Надев корзину на локоть левой руки, взял палочку, которую всегда возил с собой в автомашине, вышел на дорогу и зашагал, поднимая ногами пыль. До знакомого мне грибного места на южном склоне широкого лога было около километра. Чтобы сократить путь свернул с дороги и пошел по кромке леса на склоне лога, который тянулся на многие километры в Искитимский район. Шел неспеша, любовался окружающим пейзажем. Внизу среди зарослей тальника и калины протекал ручей. По склону среди кривых берез стояли оранжевые букеты рябин. Их ягоды еще не успели запылать ярким факелом. Про себя отметил, что урожай обильный, осенью в эти места будут наведываться рябчики. Незаметно подошел к повороту лога в северном направлении. Это место облюбовала колония барсуков. На склоне появились новые норы. Их видно по свежей земле, желобом спущенной по крутому уклону. Видимо, барсучиха выселила из своей норы прошлогоднее потомство, чтобы не мешали ей обзавестись новым. Барсуки роют свои норы со знанием строительного производства. Их никогда не заливают дождевые потоки по склону лога. Выгребая землю из норы, они роют желоб, который служит водоотводом от норы. В этом месте я вышел из леса на широкое поле, заросшее травой. Мне предстояло его пересечь, чтобы попасть в другой лог, на склоне которого ежегодно собираю грибы. Трава была выше пояса. Солнце уже поднялось высоко, стало жарко. На меня набросились мошка и оводы. Они, как голодные волки, жаждали моей крови, лезли в глаза и уши. Мне пришлось спустить на лицо сетку накомарника. В этот момент я позавидовал барсукам. Они спокойно спят в прохладных норах, их не беспокоит гнус. На промысел еды выйдут ночью, когда спадет жара и успокоится гнус.

В нескольких метрах от меня через поле была проложена тропа. Меня заинтересовало – кто же здесь проходил? Подойдя к тропе, присел на корточки и стал внимательно искать следы. Мое любопытство было удовлетворено. В сухой земле сохранился отпечаток маленького копытца, сделанный в сырую погоду. Здесь неоднократно проходила косуля со своим потомством. Мысленно поблагодарив косулю за проложенную дорогу, направился по ней.

Я вышел к логу, который навещаю более сорока лет. Синее небо сквозит в просветы между кронами берез. Огромные солнечные зайчики освещают поверхность склона.

- Чем ты сегодня удивишь меня, мое излюбленное место?

Внимательно просматриваю склон. Где-то здесь должны быть грибы. В воздухе стоит приятный терпкий прелый запах. Делаю несколько шагов вперед и вижу: за поваленным стволом березы прячется от меня красавец, ради встречи с которым я проделал длинный путь. Срезать гриб не тороплюсь. Присел на ствол березы, поздоровался с ним и посмотрел по сторонам. Под сводом редких зарослей папоротника арляка увидел еще белый гриб, дальше росли несколько грибов разного размера.

Словно зачарованный, сижу, любуюсь окружающим миром и думаю: до чего же красива и богата наша природа. Как сохранить ее нашим потомкам? Сотни пожаров в лесах ежегодно уничтожают тысячи гектаров этой красоты.

Вот подул легкий ветерок, зашептали о чем-то вершины деревьев, затрепетали листья осин. Я поднялся с поваленного ствола березы и начал собирать грибы. Какие же они прекрасные белые грибы: плотные, ядреные, с толстой белой ножкой и коричневой шляпкой. Ни единой червоточинки. Аромат белого гриба несравним с запахами других грибов. Неожиданно попался гриб с червоточиной в ножке. Класть в корзину такой гриб не хотелось, а выбрасывать жалко. Подошел к осинке и наткнул его на сухой сучок. Зимой будет угощение для белочки или бурундука. Вскоре моя двухведерная корзина была полной. Я поднялся из лога и направился к дороге, чтобы по ней пойти к машине. . .

Вернувшись к машине, я подал звуковой сигнал, приглашая женщин подойти ко мне. Подошла Людмила Федотовна.

- Как успехи? - поинтересовался я.

- Лучше не бывает. Одну корзинку грибов я высыпала в вашу коробку и набрала еще полкорзинки. Вы не будете против того, что я заняла вашу коробку?

- Конечно, не буду, а где Гавриловна?

- Я не видела ее с тех пор как Вы ушли.

Подав еще раз сигнал гудком автомашины, взял пустую коробку и отправился в колок. Повсюду попадались срезы крупных грибов. Присмотревшись внимательно, вблизи каждого среза находил мелкие белые грибочки. Минут через двадцать меня охватило беспокойство: почему не подходит Гавриловна? Видимо, с ней что-то случилось. Может быть, она сломала ногу и лежит где-нибудь в лесу. Надо немедленно ее искать.

Сказав Людмиле Федотовне, что скоро вернусь, объехал колок, останавливаясь через каждые сто метров. На сигналы машины и мои крики ответа не было.

Мое беспокойство усилилось. Я чувствовал ответственность за женщин, которых взял с собой в лес. Гавриловна могла заблудиться в бесконечных логах по границе Новосибирского и Искитимского районов, с ней мог случиться несчастный случай, она могла погибнуть.

Я вернулся за Людмилой Федотовной. Мое волнение передалось ей. Написав записку, чтобы Гавриловна ждала нас на месте стоянки автомашины, вставил ее в расщепленный конец палки и воткнул палку в землю. Мы ездили по всем дорогам в надежде встретить Гавриловну, но тщетно. Мои переживания переросли в тревогу.

- Может быть, Гавриловна уехала домой на попутной машине, - предположила моя спутница.

Мы покатили в дачный кооператив. Гавриловна дома не появлялась. Не заходя к себе домой, поехал на розыски. Солнце клонилось к закату, в машине оставалось мало бензина. «Если не встретим Гавриловну, - думал я, - надо ехать в милицию, чтобы организовали поиски».

С такими мыслями ехал на предельной скорости по хорошо знакомой проселочной дороге, не обращая внимания на кочки и ямы. На душе было скверно. Вот в дали на дороге показался человек. Я увеличил скорость машины. Вскоре

можно было узнать фигуру Гавриловны. Она шла медленно, сгорбившись от усталости. Когда машина остановилась около нее, она с трудом забралась на заднее сиденье.

Я не испытал радости, было просто облегчение на душе. Мне не хотелось ни ругать ее, не расспрашивать о случившимся.

- Где ваши грибы? - спросила Людмила Федотовна.

- Корзину я оставила вон под той ЛЭП, - ответила Гавриловна и протянула руку в сторону, - остальные высыпала где-то под березой.

Молча подъехав к ЛЭП, сходил за корзиной. На меня навалилась усталость, словно, я пешком, а не на машине, разыскивал потерявшуюся.

Домой ехал медленно, Гавриловна рассказывала о своих похождениях.

Когда я оставил женщин около автомашины, Гавриловна подумала, что я знаю лучшее грибное место, чем это, и решила проследить за мной. Увидев, что я свернул с дороги в лес, вышла из своего укрытия и последовала за мной. Не обнаружив меня в лесу, стала продвигаться в направлении, по которому я ушел. Она прошла мимо барсучьих нор и продолжала идти вдоль лога. Вскоре вышла на звериную тропу, которая тянулась по склону глубокого лога. Идти было легко, под ногами шуршала прошлогодняя листва. Неожиданно вдоль тропы стали попадаться белые грибы. Гавриловна не заметила, как тропа свернула на развилку лога. Грибы росли как на грядке. Вскоре ее корзина была полной. Она не могла уйти с места, где оставались грибы. Долго не думая, сняла ветровку, застегнула пуговицы, завязала рукавами ворот – получился вместительный мешок.

Неожиданно перед ней выскочил маленький зверек, пробежал несколько метров, забрался на березу и уселся на сучке. По полосатой спинке и пушистому хвосту как у белки Гавриловна догадалась, что это бурундук. Зверек смотрел черными глазами-бусинками на женщину, которая нарушила его завтрак. Около тропы рос небольшой белый гриб, на шляпке которого с одной стороны были следы зубов бурундука. Гриб надо было бы оставить зверьку, но Гавриловна его сорвала, отрезала покусанную часть шляпки и положила в ветровку.

Наполнив тару грибами, она поднялась из лога и зашагала по незнакомой ей дороге в противоположную сторону от машины. Часа через два поняла, что заблудилась, но упорно шла в выбранном направлении. Проселочная дорога привела к насыпи, по которой проходила разбитая транспортом дорога. Ноги Гавриловны гудели от длительной ходьбы, руки с трудом держали собранные грибы. Опустив груз на землю, уселась рядом на траву с надеждой дождаться проезжей автомашины и узнать дорогу домой. Ее мучил голод. Бутерброды и термос с чаем остались в машине. Когда послышался гул грузовой автомашины, она с трудом поднялась на насыпь.

Молодой водитель остановил самосвал, открыл дверцу и крикнул:

- Здравствуй, бабушка!

В другое время Гавриловна ответила бы ему: «Я тебе не бабушка», но сейчас он был ее надеждой добраться домой.

- Вы далеко едите? - спросила она, не отвечая на приветствие.

Водителя, видимо, это обидело, и он сухо ответил:

- В лес за дровами.
- До Геодезической не подвезете?
- Это не по пути, мне в другую сторону.
- Куда идет дорога, по которой вы приехали?
- В Искитимский район.
- Далеко до ближайшей деревни?
- В пяти километрах находится село Куента.
- Автобусы из села ходят?
- Утром и вечером в Искитим.

Гавриловна задумалась. Перспектива ехать в Искитим, а потом кружным путем добираться на электричках до дачи ее не устраивала. Кроме того, у нее не было с собой денег. После небольшой паузы спросила:

- Как мне пройти до Геодезической?
- Далековато ты, бабуля, забралась, - сказал, улыбаясь, водитель и объяснил ей дорогу.

Ругая в душе и водителя, которому оказалось не по пути с ней, и грибы, которые оттягивали руки, Гавриловна брела по дороге, ели переставляя ноги. Солнце нещадно палило, по ее лицу катился пот, и, попадая в глаза, щипал их. Полчище мошек садилось на лицо, но она не могла отогнать их, так как руки были заняты. Наконец, не выдержав таких испытаний, подошла к березе на кромке дороги и высыпала в траву грибы из штормовки. Наломав березовых веток, продолжила путь, неся в одной руке корзину с грибами, а другой рукой отбивалась березовым веником от надоедливой мошки. В конце концов, она настолько устала, что решила избавиться и от корзины. Подошла к опоре линии электропередач и поставила ее в траву около опоры. Избавившись от груза, идти не стало легче. Ее мучили жажда и сомнения: правильно ли идет, скоро ли доберется до дачи? . . .

С тех пор прошло несколько лет. В спутники за грибами я беру только свою гончую собаку по кличке Муза. Она никогда не заблудится. В лесу у нас у каждого своя цель. Я хожу, собираю грибы, а она бегает, ищет следы зайца. Найдя старый след, извещает меня одним предупреждающим взлаем, чтобы я знал, что скоро поднимет зайца с лежки. Затем молча ищет свежий след. По горячему радостно зальется своим звонким голосом. Это не лай сторожевой собаки. По ее голосу можно определить, по следу какого зверя она идет. Мне уже не до грибов. Выбираю место с хорошим обзором, прислоняюсь к березе, чтобы не испугать зверя. Листья с деревьев давно облетели – лежат пестрым ковром на тропках и полянках. Видимость хорошая, колок просматривается насквозь.

Вот между березами мелькает серый комок. Кажется, что он летит по воздуху. Заяц выскакивает на кромку колка и садится. Его уши, как локаторы, направляются в сторону приближающегося лая. Убедившись, что собака не сбилась с его следа, пускается во весь опор тропой, натоптанной по периметру колка. Муза по запаху, оставленному зайцем, следует за ним, издавая при каждом прыжке своеобразный лай. Иногда меняет тембр голоса и создается впечатление, что зайца гонят две собаки. В осеннем воздухе разносится заливистый, радостный, иногда торопливый голос Музы. Испытываю необычайное

наслаждение от лесного концерта. Не зря издавна гончим собакам дают музыкальные клички: Флейта, Нота, Гобой, Фагот, Набат, Баян и другие.

Заяц несколько раз промелькнул у меня перед глазами. Сделав два круга по периметру колка, перескочил через куст смородины, добежал до поваленной березы и затаился около ее ствола. Его уши поворачивались по мере приближения собаки. Муза проскочила место его скидки и помчалась дальше по тропе, на которой еще оставался запах старых следов. «Молодец косой, - подумал я, - простым приемом обманул мою подругу». Вскоре собака поняла, что потеряла горячий след. Стала рыскать по сторонам тропы, возвращаясь назад. Зайчишка не стал ее дожидаться, выскочил из укрытия и помчался в противоположную сторону. Я пошел навстречу гончей. Взял ее на поводок и произнес:

- На сегодня достаточно. Искать машину!

Она удивленно посмотрела на меня черным глазами, в которых я прочитал: машина недалеко, зачем ее искать? Чтобы она не потеряла навык выводить меня к машине, повторил команду. Муза натянула поводок и по прямой линии через колок привела меня к машине.

По дороге домой я разговаривал с ней, и мне казалось, что она меня понимает.

Затор на Оби

Как только апрель убрал остатки снега с газонов и из палисадников, а весеннее солнце с каждым днем припекало сильнее и сильнее, мы-бывшие школьные приятели по охоте-стали созваниваться и договариваться о поездке на весеннюю охоту. Решили ехать на трех легковых автомашинах в пойму Оби у села Заковряжино Алтайского края.

Перед выездом мое настроение было испорчено – на работе меня назначили ответственным за проведение первомайской демонстрации. В те годы на уклоняющихся от демонстрации смотрели как на предателей и неблагонадежных людей.

Праздничная колонна с флагами и транспарантами проходила по Красному проспекту мимо трибуны. В воздухе неслись первомайские призывы, демонстранты кричали «ура». Мои мысли были заняты другим – все ли необходимые вещи я уложил в машину, какими улицами быстрее выехать из города, пока центральные перекрыты для пешеходного движения.

Заехав на улицу Лежена за Толей Лещинским, облегченно вздохнул. Наконец, мы едем на охоту. Наши приятели давно уже в угодьях и встречают праздник на свежем воздухе у костра, а не в душном городе.

Быстро ехать мешали светофоры. Они, словно, издевались над нами: на каждом перекрестке загорался красный свет. В завершении всего был закрыт переезд при выезде из города на Клещихе. Как ни торопились, а из города выехали далеко за полдень. В то время современной бетонной дороги на Ордынку не было. Ехали по разбитой грузовым транспортом дороге через села Верх-Тула, Талапты, мимо сел Боровое, Береговое. Здесь из окна машины было видно Обское море. Оно купалось в лучах заходящего солнца. Нам хотелось скорее ока-

заться на его просторах в камышах на лодках, которые лежали в собранном виде на заднем сидении «Москвича». Ордынку проехали в сумерках. Дальше дорога ухудшилась, машина часто буксовала в сыпучих песках. Около Заковряжино решили немного поспать и с рассветом ехать разыскивать товарищей.

Палатки друзей стояли в условленном месте. Обычно лагерь разбивался на полуострове около устья небольшой речки, впадающей в разлив Обского моря. Когда мы вышли из машины, были озадачены и удивлены. Местность нельзя узнать. Море исчезло. Вместо воды перед нами простирался на несколько километров черный ил с островками камыша. Вместо реки протекал небольшой ручеек. Поставленная вечером сеть поперек реки, оказалась на берегу. В ней трепыхалось несколько щук.

Толя подошел к палаткам и закричал во все горло:

- Потоп, подъем!

Из палаток стали вылезать заспанные Рудик Рябышев, Олек Аракулов, Юра Пасько и другие. Они протирали глаза и не могли понять, куда делось море, на берегу которого стояли палатки.

Около города Камень произошел затор, река отступила в свое прежнее русло. Два дня мы ждали, когда вода изволит пожаловать к нашему берегу, но она медлила. Вдали над ее руслом носились табунки уток, возбуждая наше желание к охоте. В нескольких километрах от нас около старого русла Оби возвышался огромный курган. Считалось, что курган насыпан во времена Чингиз хана. Не зря же на правом берегу Оби против него расположено селение Чингиз.

Праздничные дни заканчивались, уезжать без единого выстрела не хотелось, и мы решили тащить лодки волоком к кургану, около которого часто пролетали утки. Погрузив в лодки рюкзаки, ружья, палатки, как бурлаки двинулись вереницей, таща на веревках плоскодонные лодки-конверты. Путь шел по небольшим ручейкам, маленьким лывам, чаще по илистому дну бывшего водоема. Ноги часто проваливались в грязь по колено. Солнце нещадно палило – пришлось раздеться по пояс. По лицу катился пот, который, попадая в глаза, их щипал. Я, перекинув бечеву через плечо и налегая на нее всем корпусом, думал: «За какие деньги человек не охотник согласился бы на такие муки?» И сам себе ответил: «Ни за какие».

В одном из ручейков я заметил спину огромной рыбины. Мне показалось, что это плывет крокодил. Толя первым схватил свое ружье и выстрелил. В ручье перевернулась крупная щука. Мы вдвоем с трудом подняли ее в лодку, из нее струйкой вытекала икра. В дальнейшем, нажав из нее котелок икры, подсолили и были обеспечены прекрасной закуской.

Курган возвышался на несколько десятков метров над поймой. С его западной стороны протекал ручей, между гривами раскинулись плеса, над которыми пролетали утки.

Поставив палатки, наскоро перекусив, мы разбрелись по пойме в поисках своей удачи.

Я перешел вброд ручей и потащил лодку вдоль гривы. Когда увидел плес, окруженный с трех сторон камышами и тальниками, вытащил лодку на невысокую гриву и, отойдя от нее метров на сорок, расставил чучела без грузил на

спокойной воде, спрятался в камыш и стал ждать уток. Наступило приятное облегчение – все мытарства позади, я стою, как часовой с ружьем в руках. В голове только одна мысль: «Не пропустить первую пролетающую утку».

Солнце уже клонилось к вечеру. Легкий ветерок перед моим носом раскачивал камышинки. Все мое внимание было направлено в сторону Оби. Там, на фоне голубого неба, над чистой водой носились табуны уток. Они летали кругами в поисках удобного места для посадки на воду. Неожиданно я почувствовал ногами через сапоги, что вода прибывает. Взглянув на чучела, увидел, что они с приличной скоростью уплывают. Бросился их ловить, затем побежал к лодке. Вся грива была залита водой, мою лодку унесло течением. Еще не сознавая опасности, побрел по затопленной гриве к кургану. Когда подошел к руслу бывшего ручья, то увидел сплошной поток льда. Течение несло его вдоль кургана с большой скоростью, торопясь наверстать упущенное время. Путь на курган был отрезан. Я подошел к зарослям тальника, которые могли защитить от проплывающих льдин, с надеждой, что ледоход скоро пройдет и вода начнет спадать. На кургане стояла толпа охотников и наблюдала за мной.

Вода с каждой минутой выше и выше поднималась по моим болотным сапогам. «Может быть, не поднимется выше голяшек сапог, - надеялся я, - тогда можно будет дождаться окончания ледохода и кто-нибудь из друзей приплывет ко мне на лодке». Но она не вняла моим надеждам и стала заливаться в сапоги. Холод обдал не только мои ноги, но и душу. «Сколько времени смогу простоять в ледяной воде», - думал я. Вода постепенно поднималась по моему телу. С каждым сантиметром я ощущал ее холодное прикосновение. Вот она поднялась уже до пояса. Меня охватила дрожь, то ли от холода, то ли от страха. Рядом с кустами стремительно проносились льдины. Впервые вспомнил о Боге. «Господи, не дай мне погибнуть в этом ледяном месиве», - обратился я к нему.

Толпа наблюдателей на кургане разошлась. Видимо, решили, что со мной все кончено. В это время ледоходом затолкнуло в кусты льдину величиной с комнату. Подойдя к ней, попытался забраться на нее. Но, не тут-то было. Верх льдины был на уровне моей груди. Мне не удавалось подпрыгнуть из воды, чтобы лечь животом на льдину. Сапоги, залитые водой, тянули вниз как тяжелые гири. Попытки снять сапоги не дали результата. Туго намотанные мокрые портянки прочно держали ноги в сапогах. Я стал искать опору на ветках тальника, окружающих льдину. Опробовал много веток. Подошва сапога скользила по ним в воде. На одной из веток под ногой оказался сучок. Осторожно, чтобы она не согнулась, опираясь руками на льдину, приподнялся из воды и упал на лед. Немного отдохнув, выкарабкался из воды. Облегченно вздохнул, понимая, что это еще не спасение. Сел на лед, снял сапоги, вылил из них воду и выбросил портянки. Сапоги надел на тонкий носок, чтобы в любой момент можно было легко снять.

Неожиданно услышал знакомый голос. Меня окрикнул Олег Оракулов, который брел по грудь в воде в мою сторону. В школьные годы мы с ним часто участвовали в коллективных охотах, организовываемых клубом охотников «Спартак». Он без лодки отошел далеко от кургана и был захвачен врасплох наводнением. Я помог ему забраться на льдину. Мое настроение улучшилось –

вдвоем спасаться легче. Даже мелькнула мысль, что мы, как Папанинцы, на льдине.

Олег был деловым и энергичным, он не мог бездействовать и сразу стал вносить предложения по спасению:

- Давай вытолкнем льдину из кустов и поплывем по течению, где-нибудь пристанем к берегу.

- Как мы сможем пристать к берегу, если нет ни весла, ни шеста, - возразил я.

- Где-нибудь течение поднесет.

- А если течение вынесет на фарватер? Там крупные льдины могут раздавить нашу льдину.

- Перепрыгнем на другую льдину.

- Меня от плавания уволь, будем ждать конца ледохода на льдине, - твердо возразил ему.

- Они что на берегу не видят нас, - возмутился Олег, - надо выстрелами напомнить о себе.

- Это можно, - поддержал я Олега, и мы начали палить в воздух.

На берегу собралась толпа, охотники бежали от костров и палаток. Они стояли и совещались. Видимо, думали, что у нас критическое положение. Оно и было таковым. В любой момент крупная льдина могла вытолкнуть из кустов нашу небольшую льдину или разрушить ее.

Наконец, от толпы отделились два человека, подхватили легкую складную лодку и бегом побежали по берегу против течения. В одном я узнал своего друга и напарника Толю Лещинского. Они занесли лодку до оконечности острова, спустили на воду, и Толя, лавирую между плывущими льдинами, стал отдаляться от берега. Лодку сносило течением со скоростью плывущих льдин. Ему стоило немало усилий, выбирая просветы между льдинами, пробираться поперек течения. Наступил момент, когда лодку, зажатую двумя льдинами, могло пронести мимо нас.

«Господи, помоги ему добраться до нас», - молился я про себя.

Толя вынул весло из уключины, оттолкнул одну льдину и вновь налег на весла. Его все-таки пронесло мимо нас метрах в десяти. «Неужели надежда на спасения рухнула», - подумал я и всем телом почувствовал трагичность нашего положения.

Лещинскому удалось вырваться из потока и заплыть за кусты, под прикрытием которых подвел лодку к нашей льдине. Когда мы уцепились за фанерный борт лодки, он безвольно опустил уставшие руки. Все молчали, понимая наше положение. Немного отдышавшись, Толя сказал:

- Увезу одного, затем приплыву за вторым.

- Второго раза может не быть, надо выбираться всем вместе, - предложил я.

- Лодка одноместная, может не выдержать, - засомневался Олег.

- Надо пробовать, садись в корму, я сяду в нос, посмотрим, какая будет осадка лодки.

Борта лодки возвышались на десять сантиметров над водой.

- Если плыть осторожно, сможем добраться до острова, - сказал я и вылез на льдину.

Срубил охотничьим ножом толстую ветку тальника, сделал из нее палку, чтобы отталкивать лед, и вернулся в лодку.

Осторожно оттолкнувшись от льдины, мы с надеждой на спасение поплыли по течению, постепенно приближаясь к берегу. Я стоял на коленях и отводил в сторону плывущие рядом льдины, Олег сидел в корме в воде и отчерпывал меховой летной шапкой воду, которую лодка периодически черпала бортом.

К острову мы причалили за полкилометра от стана. Оказавшись на твердом берегу, осознали опасность, которой подвергались. У Толи Лещинского катились слезы по щекам. Только сейчас я почувствовал холод от мокрой одежды. К палаткам бежали бегом, чтобы согреться. Там нас уже ждали с приготовленной водкой и закуской. Рудик Рябышев подал мне полный стакан водки и произнес:

- Выпей до дна, закуси, переоденься в сухую одежду и ложись в палатку, чтобы не простыть.

Я никогда не пил такими дозами, пришлось последовать совету, «чтобы не простыть».

Выпитая водка оказалась для меня губительной, меня стало тошнить, и я всю ночь бегал из палатки как челнок.

Утром на курган сел вертолет. За несколько рейсов он перевез всех на материковый берег. В тот год во время наводнения в пойме Оби погиб не один охотник.

. . . Прошло много лет с памятного мая 1964 года, но я до мелочей помню события того дня и людей, с которыми довелось пережить страх гибели и радость спасения.

Возвращаясь домой без единой утки, я испытывал счастье, что остался жив, что со мною рядом надежный друг, который подарил мне жизнь. Перебирая в памяти события прошедшего дня, думал: «Почему напарник Олега не поплыл спасать его?»

Мой спаситель сидел рядом со мной на переднем сидении автомашины и своим мелодичным грудным голосом пел мою любимую песню: «Крепче за баранку держись, шофер».

Гомарус

Жена вечером вернулась с работы радостной и оживленной. Ее лицо расплывалось счастливой улыбкой и сияло как народившаяся луна. Я давно не видел ее в таком настроении. Работа, двое детей, муж, который постоянно в командировках, наложили отпечаток на ее характер.

- Что произошло? - удивился я.

- Поздравь меня с выигрышем, - ответила она.

«Неужели ей достался счастливый лотерейный билет?» - подумал я.

В те годы билеты Государственной денежной лотереи насильно распространяли по месту работы. Стоили они тридцать копеек. Мне больше рубля выиг-

рывать не доводилось. Заработка нам хватало едва сводить концы с концами, поэтому спросил:

- Сколько выиграла?

- Почему обязательно деньги? Мне местный комитет выделил земельный участок под строительство дачи. Было много претендентов, конкурс выиграла я, как мать двоих детей. Теперь мы с детьми все лето сможем отдыхать на своей даче.

Меня такое заявление сильно озадачило. У нас не было денег на строительство дачи. Каждое лето мы отдыхали семьями с приятелями на берегу реки Уень в Колыванском районе. Жили в палатках, готовили на костре. Дети купались, загорали, рыбачили в реке и на озере. Другого проведения отпуска мне не хотелось. Прикинув в уме, что на участке можно сажать картошку, спросил:

- Сколько соток участок?

- Три, - был ответ.

Такой ответ окончательно испортил мое настроение. Мы ежегодно засаживали на колхозном поле пять соток картофелем. Урожая с трех соток нашей семье недостаточно.

Два года я не был на выделенном нам садовом участке и не представлял, где он находится. Приходит как-то Наташа с работы расстроенной и говорит:

- Председатель дачного кооператива сказал мне, что если мы не освоим выделенную землю, ее отберут. Ему не нравятся сорняки, заполонившие участок.

Я был рад избавиться от обузы, но жене очень хотелось иметь дачу. На следующий день поделился своей проблемой с приятелем детства Рудольфом Рябышевым. Он, как Остап Бендер, знал немало способов заработать деньги. Только в отличие от Остапа доставались они ему нелегким трудом.

- Поедем со мной в очередной отпуск ловить гомаруса, заработаешь денег на строительство дачи.

- Это что за зверь такой?

Рудик засмеялся, он был доволен, что его эрудиция произвела эффект, и произнес:

- Ты, что никогда не ловил рыбу на мормыша? Это латинское название рачка-бокоплава.

- Говорил бы сразу по-русски. Мне латинское название не нравится, оно напоминает что-то отвратительное.

Рудик дружил с главным охотоведом области Виктором Константиновичем Ветренко, участвовал во многих мероприятиях, проводимых госпромхозом Управления охотхозяйства области.

- Приходи в воскресенье ко мне с Наташей, - сказал Рудик, - обсудим детали поездки.

Частный дом Рябышевых находился на улице Проектной около реки Тулки. Хлебосольная хозяйка к нашему приходу накрыла стол. Наши жены давно не виделись и затеяли нескончаемый разговор. В другое время Рудик бы сказал: «Пойдем, выйдем во двор и поговорим на свежем воздухе». Сегодня он ждал, когда женщины выговорятся, чтобы вовлечь их в задуманное мероприятие.

Когда наши дамы немного успокоились, он произнес:

- Надо обсудить серьезное мероприятие.
- У тебя вечно какие-то мероприятия, - вмешалась его жена Элла Ивановна, - ты бы не впутывал нас в них.
- Вы, что не хотите этим летом провести отпуск семьями вместе? - задал Рудольф вопрос.

У Рябышевых, как и у нас, было двое детей школьного возраста - сын Олег и дочь Марина.

- Уже было решено, что, как в прошлом году, едем в Колыванский район на Уень реку, - парировала Элла.
- Есть предложение поехать этим летом в Каргатский район.
- Что мы будем там делать? - удивилась Элла.
- Ловить мормыша.
- Зачем он нам нужен? - удивилась моя жена Наташа.
- Управлению охотничьего хозяйства области включили в план заготовку мормыша для отправки в Германию.
- Они что его употребляют в пищу? - вмешалась Элла.
- Не перебивай, - одернул ее Рудольф, - в Германии из сухого мормыша готовят корм для аквариумных рыбок, расфасовывают в маленькие красочные коробочки и рассылают по всему миру.
- Ты предлагаешь вместо отдыха во время отпуска заняться непонятно чем,
- не успокаивалась Элла.
- Ловить мормыша будут мужчины, а вы с детьми будете отдыхать на берегу озера, купаться, загорать. В свободное время немного поможете нам.
- В чем эта помощь будет заключаться?
- После завтрака мы с Аликом уплывем на озеро за мормышем, а вы с детьми помешаете на ситах уже пойманного мормыша и отдыхайте, после обеда опять помешаете и отдыхайте. Вечером поможете затарить в мешки высушенную продукцию и опять отдыхайте.

Рудольф нарисовал идеальную картину летнего отдыха – рядом с озером село Усть-Сумы, в магазине любые продукты. Каждый день можно покупать парное молоко. Наши жены быстро согласились. Они не представляли, какой это тяжелый труд - заготовка гомаруса.

Стан был оборудован на берегу озера в трех километрах от села рядом с дорогой, проходящей из Каргата в Довольное. В один ряд стояли четыре палатки – для детей и взрослых. Несколько в стороне двадцатиместная палатка для готовой продукции и отдыха в дождливую погоду. Из привезенных с собой досок сделаны стол и лавки. Даже выкопали погреб для хранения продуктов. Кроме нас на озере обосновалось еще несколько бригад добытчиков мормыша.

Около одной палатки ребята обнаружили норку и решили проверить, кто в ней живет. Саша принес из озера ведро воды и стал лить в нору. Неожиданно для всех из норы выскочил большой черный паук тарантул и пустился наутек. Его тело походило на маленького ежика. Только вместо колючек были бугорки. Присмотревшись, мы увидели на нем множество маленьких паучков. Нам было непонятно – залезли они на мать во время наводнения в норе или всегда катаются на ней.

Подготовка к лову началась с заготовки трехметровых палок и веников из сурепки. Палки втыкались наклонно в илистое дно озера, к ним на капроновом шнуре подвешивались ловушки, которые представляли кольцо из алюминиевой проволоки с навешанными на него обрезками льняного противопожарного рукава. В средину кольца привязывался веник из сурепки, и приманка опускалась в воду. Это был примитивный способ лова, сегодня он механизирован.

Закончив все приготовления к завтрашнему дню, мы разложили большой костер. После ужина ребята затеяли игры, у костра их меньше беспокоили комары. Они играли в испорченный телефон и в города.

- Пойдем, постоим на зорьке у воды, - предложил мне Рудольф.

Мы отошли метров тридцать от костра и остановились у просвета среди камышей, который вытоптали охотники, проталкивая лодки на плес. Широкое озеро простиралось на несколько километров в обе стороны. Его берега заросли высокими камышами. Легкий ветерок шевелил их метелки. Создавалось впечатление, что камыши кланяются воде за то, что она дает им жизнь.

Солнце катилось к горизонту, на противоположном берегу от камышей легла на воду черная тень. Контур озера превратился в сплошную черную линию. С заходом солнца стих ветер, на озере оживилась жизнь. Прилетали на кормежку утки и с шумом шлепались на воду. Недалеко от нас в камышах подала голос болотная курочка. Лысуха вывела на чистую воду свой выводок и чинно плыла перед нами, покачивая головой в такт движению лап. За ней строем следовали черные комочки. В камышах кто-то с шумом прыгнул в воду. Мы увидели в просвете плывущую ондатру. Она разгоняла от себя треугольником небольшие волны. За ней ужом тянулся длинный хвост.

Рудольф, вздохнув, произнес:

- Жизнь на озере идет как когда-то в Кудряшах.

Я с ним согласился. После осушения озер и болот там изменилась природа и исчезла в ней прежняя жизнь.

Утром следующего дня мы отправились на шлюпке проверять ловушки. Я сидел за веслами, Рудольф подвел сачок под первую ловушку и вынул ее из воды. В сачке кишел мормыш, его было больше, чем полведра. Веник был почти полностью съеден. Когда мы проверили сто ловушек, наша лодка сильно осела, ноги почти по калено утопали в кишащем мормыше. Он ползал по ногам и щекотал их.

Наш первый рейс встречали на берегу любопытные жены и дети. Тридцать ведер добычи мы рассыпали на приготовленные сита. Среди мормыша встречались темно-золотистые рыбки гольяны. Я собрал их и стал бросать в озеро. Это моментально заметили небольшие с черной головкой чайки крачки. Они с писком носились около нашей пристани и яростно бросались за брошенной рыбой. Одна чайка успела подхватить рыбку на лету. В дальнейшем, бросая рыбу чайкам, я свистел, чтобы приучить их к своему свисту. Они быстро это поняли. Стоило мне засвистеть, находясь в лодке или на берегу, они тут же подлетали ко мне. Я никогда не обманывал их ожидания и бросал им рыбу. Одна чайка оказалась очень доверчивой – она низко летала надо мной. Постепенно приучил ее хватать рыбу в воздухе у меня над головой.

Когда нас навестил районный охотовед Владимир Харитонов, был не мало удивлен способностью чаек прилетать на свист.

После того как рачки-бокоплавы за одну ночь съели веники в ловушках, нам пришлось по три раза в день проверять ловушки и часто менять веники.

Жены стали роптать. Им, кроме приготовления еды, приходилось перемешивать для ускорения сушки около сотни ведер мормыша в день. Они ходили в шляпах и купальных костюмах между рядами сит, установленных на колышки, и скребками на палках перемешивали рачков. Только предвкушая хороший заработок, они смирились с тем, что были втянуты в это мероприятие.

Как-то за обедом Наташа обратилась к Рудольфу:

- Ты обещал, что мы здесь будем отдыхать как на курорте, а нам приходится целый день ходить между сит и еще успевать готовить обеды и ужины.

- Интересные вы женщины, загораете, купаетесь сколько душе угодно, дышите свежим воздухом, наслаждаетесь природой. Какой вам еще нужен курорт?

Рудольф за свою жизнь ни разу не был на курорте. Каждый свой отпуск проводил на охоте, рыбалке или на каких-нибудь заготовках. Он всегда был заводилой и душой компании.

Как-то он отозвал Наташу в сторону и с видом заговорщика говорит:

- На озере много ондатровых хаток. Если я поймаю ондатру, ты сможешь приготовить жаркое.

Наталья понятия не имела об ондатрах. Немного подумав, спросила.

- Разве их едят?

- Конечно, едят. У американских индейцев их мясо считается деликатесом. Не зря же их называют мускусной крысой.

Спохватившись, что сказал лишнего, добавил:

- Ондатры скорее похожи на бобров. Живут как бобры на воде. Как бобры строят на воде хатки, питаются в основном корнями камыша.

Наташу долго уговаривать не пришлось. Она рассудила, что ондатру можно приготовить в отдельной кастрюле. Если блюдо не понравится, его можно скормить Мормышке - небольшой черной собачонке, которую Рудольф подобрал щенком и всюду возил с собой. Собака привязалась к хозяину, ходила за ним по пятам, с удовольствием плавала с ним на лодке. Он обучил ее разным трюкам, и они демонстрировали их при посещении нашего лагеря друзьями. Всегда вызывала удивление команда: Мормышка, умри. Собака ложилась на спину, складывала передние лапы на груди и ждала следующей команды.

Рудольф предупредил Наташу, чтобы она никому не рассказывала о задуманном. Ему хотелось сделать сюрприз.

Лето стояло жаркое, мормыш сох быстро. Из каждого ведра сырого получался один килограмм сухого. В мешок входило десять килограммов сухой продукции. Наш склад быстро заполнялся мешками.

Ловить ондатру у Рудольфа не было времени. Поймать без капканов пугливого, отлично ныряющего зверька очень сложно.

Наши жены готовили еду по очереди через день. Как-то Наташа приготовила на ужин гуляш из телятины. Рудольф внимательно смотрел на детей, которые с

удовольствием за обе щеки уминали вкусное мягкое мяса. Ему захотелось пошутить.

- Ребята, мясо вкусное? - обратился он к детям.

- Вкусное, - произнесли они хором.

- А вы знаете из какого мяса приготовлено блюдо?

- Из какого? - послышались вопросы.

- Из ондатры, которая плавала около нашего мостика.

Ложки ребят замерли в воздухе перед ртами. Наступила минута молчания. Элла Ивановна схватила поварешку и бросилась на мужа, намереваясь нанести удар по кудрявой шевелюре. Он выскочил из-за стола и помчался к озеру, она - следом за ним. Рудольф с разбегу бросился в воду и поплыл от берега. Элла, размахивая поварешкой, грозила вечером покарать его разными муками. Вернувшись к столу, она свой пыл обрушила на Наташу:

- Наталья! Рудольф всеядное существо. Он ел песцов и даже змей. Как ты могла накормить нас крысой.

- Элла, не волнуйся, я не готовила ондатру, Рудольф пошутил, - спокойно произнесла Наташа. Ее тон успокоил подругу, которая вздохнув, опустилась на скамейку.

В это время возмутитель спокойствия подходил к столу, с его трусов стекала вода. Убедившись, что жена остыла, узнав о шутке, присел к столу со словами:

- Ну, ты и бегаешь, еле удрал. Тебе надо выступать на соревнованиях по бегу на короткие дистанции.

Не обращая внимания на его слова, она спросила:

- Рудя, когда ты повзрослеешь?

По ласковому обращению к мужу чувствовалось, что она гнев сменила на милость.

- Что собственно произошло?

- Ты испортил детям аппетит.

- Пускай привыкают к жизни в полевых условиях. Будущие охотники не должны быть брезгливыми. Вон мы с Альбертом в детстве съели ворону и ничего. Живы до сих пор. . .

Отпуск подошел к концу. Наши дети физически окрепли, загорели как негретята. Предвкушая хороший заработок, мы загрузили добытую продукцию в две грузовые автомашины. Я подошел к озеру, посвистел чайкам. Когда они подлетели, бросил им на прощание заготовленную на этот случай рыбу.

- Прощайте, вольные птицы, - произнес я вслух, - вы доставляли нам радость и скрашивали нашу жизнь.

В отпуск следующего года Рудольф уехал на заготовку мормыша в Краснозерский район, а я построил садовый домик, в котором мы проводим время уже скоро сорок лет.

На озере Дальнем глубоком

Мы с нетерпением ждали, когда зацветет шиповник. К этому времени карась успеет отдохнуть после икромета и уже бродит по водоемам в поисках пищи. Начинается активный его клев. И вот мы трое друзей, окрыленные предстоящей рыбалкой, спешим на моем «Москвиче» четыреста седьмой модели в приписное охотхозяйство «Почта». В то время бетонной дороги через Кудряшевский бор не было. Наш путь лежал по Московскому тракту до поселка Чик, затем по пыльной грунтовой дороге мимо сел Криводановка, Катково, Соколово добрались до Колывани. Дальше предстояло ехать через селения Скала и Юрт-Ора до Почты. За скалой мы встретили неожиданное препятствие: дорога была залита водой. Вода в Оби еще не спала и не сошла с пониженных мест. Я остановил машину перед водным препятствием шириной метров сто и грустно смотрел на дорогу.

- Придется ехать через село Вьюны, - сказал Рудольф Рябышев.

- Не спеши, это очень большой круг. Кроме того, дорога от Вьюнов до Почты, наверняка, залита водой, - произнес Толя Лещинский, - надо проверить глубину воды на дороге.

Он вылез из машины, поднял голянища болотных сапог и отправился по воде. Мы с Рудиком внимательно следили за ним. Нам очень не хотелось возвращаться домой «не солоно хлебавши». Глубина была сантиметров тридцать, но периодически Толя попадал в колею, и вода оказывалось ему по калена. Вернувшись, он предложил:

- Надо нарубить веток и выставить их в воде, чтобы ехать между ними мимо глубокой колеи.

Так мы и поступили. Я вел машину на самом малом ходу, Толя шел впереди машины и показывал глубину. Выехав на твердую сухую дорогу, я с облегчением вздохнул и подумал: «Как мы выберемся назад, если вода прибудет». Эта мысль промелькнула в моем сознании и больше не возвращалась. Стоит ли портить себе настроение преждевременно, когда впереди предстоит рыбалка. Как говорится, «охота и рыбалку пуще неволи».

Десять километров до Почты промелькнули незаметно. На охотничьей базе ДСО «Спартак» нас встретил заведующий базой Саша Афанасов. На вопрос: «Куда посоветуешь поехать рыбачить?» Немного подумав, ответил:

- Езжайте на озеро Дальнее глубокое. До него восемь километров. Там давно никто не рыбачил. Все рыбаки приезжают на пароходе, без автомашины туда забираться нет смысла.

Мы вышли на берег Уеня к сараю, в котором все рыбаки оставляли свои сети. Пока приятели складывали сети в мешок, я любовался рекой. Меня всегда зачаровывает ее название: Уень река. Ранней весной она полноводная. Сейчас вода начала спадать. Река спешит вернуть Оби воду, которая зашла в нее в половодье. Левый низкий берег зарос кустами тальника и ольхи. Их молодая листва сияет зеленью в лучах яркого солнца. Высокие деревья черемух, как невесты, стоят в белом одеянии. Аромат их цветов доносит до меня слабый ветерок. Вдали над кустами пролетела утка. В воздухе парит неутомимый страж – скопа. Я вижу мир природы, здесь протекает своя жизнь. Ради того, чтобы увидеть все это, стоило проехать сотню километров.

В километре от озера наш путь преградило очередное препятствие. Русло высохшего ручья было заполнено мягкой грязью. Через него предстояло проехать всего три метра. Нарубив веток тальника, устроили из них гать. Разогнав машину, я решил с ходу проскочить этот участок. Передние колеса машины благополучно выскочили на берег, а задние у самого берега раздвинули ветки и забуксовали. Попытки друзей вытолкнуть машину результата не дали. Колеса буксовали и проседали глубже в грязь. На такой случай в багажнике машины всегда лежали цепи на колеса и лебедка. Пришлось достать ручную лебедку и с помощью ее вытянуть машину на сухое место. Дорога привела нас к небольшой поляне на излучине озера. Все пространство огромной поймы, окружающей нас, было покрыто зарослями тальника, над которым на гривах поднимались березы. Здесь было царство всевозможных птиц. В кустах стрекотала сорока. Ей, видимо, не нравилось наше соседство. На березах около своих гнезд забеспокоились дрозды. Перелетные птицы давно прилетели, построили гнезда и ждут появления потомства. Не успели мы поставить палатку, как к нам прилетела трясогузка. Она заинтересовалась неожиданными соседями. Ходила по поляне, покачивала хвостом и отвешивала нам поклоны.

Озеро Дальнее глубокое изогнулось дугой и протянулось на несколько километров. Поверхность озера была чистой от растительности, что свидетельствовало о его глубине. Только в заводях и у самого берега рос аир и на воде лежали листья кувшинок. На противоположном берегу красовался осиновый колок. Он, как великан, возвышался над низкими зарослями кустарников. Вдали, на высоком берегу поймы виднелся сосновый бор, на кромке которого приютилось небольшое село Черный мыс. По голубому весеннему небу раскаленное солнце спешило к горизонту. На небе ни облачка. Воздух насыщен ароматом весны и звоном птичьих голосов.

Костер разгорелся быстро. Мы принесли свои рюкзаки и выложили продукты.

- Надувайте резиновую лодку и плывите ставить сети, - предложил Рудольф, - а я приготовлю еду.

. . .Он умел и любил готовить. Блюда, которые часто готовил, невозможно было встретить ни в одном ресторане. Названия их были экзотическими, как и сама еда. Чаще это были: рататуй и хрен-брюле. Рудольф мог в картофельный суп с мясной тушенкой положить помидоры, огурцы и свежую рыбу. Мне на всю жизнь запомнился один случай. Мы с ним получили лицензию на отстрел лося. Он созвонился со своим приятелем охотоведом Черепановского района Алексеем Евсеевым. Тот предложил приехать нам к нему вечером, чтобы рано утром выехать на охоту. Когда мы вошли в квартиру Алексея и сняли с себя зимнюю охотничью одежду, его жена всплеснула руками и произнесла:

- Я не знала, что у нас будут гости, ничего не готовила, не знаю, чем вас угощать.

- Не беспокойтесь, - произнес Рудольф, - разрешите мне похозяйничать на кухне, я все приготовлю сам.

Получив согласие, он закрыл на кухне за собой дверь и попросил, чтобы к нему не заходили и не мешали готовить. Прежде всего, открыл холодильник и

убедился, что он набит продуктами. Там были свинина и лосятина, стояли банки с капустой, огурцами и томатным соком. Найдя большую кастрюлю, нарезал в нее мяса и поставил на электрическую печь. Картошки на кухне не нашел. Ему пришлось пойти в комнату, где Алексей, его жена и две дочери смотрели телевизор.

- Скажите, пожалуйста, где мне найти картошку? - спросил Рудольф.
- Вы хотите отварить картофель? - вместо ответа задала вопрос хозяйка.
- Не беспокойтесь, я сам решу что готовить.
- Картошка в подполе, - вмешалась в разговор старшая дочь - восьмиклассница.

Рудольф поманил ее к себе пальцем и попросил слазить за картошкой.

К концу варки в кастрюле были соленые огурцы, капуста, томатный сок и лук, поджаренный на свином сале.

За стол с нами уселась вся семья Евсеевых. Еда была вкусной, ароматной, в меру кисловатой. Все ее ели с удовольствием.

- Как называется это блюдо? - спросила младшая дочь.
- Хрен-брюле, - ответил Рудольф.
- Мама, почему ты не готовишь хрен-брюле? - спросила младшая дочь. . .

Предприимчивостью Рудольф напоминал мне солдата из сказки, который варил суп из топора. . .

Мы проплыли по озеру километра два, знакомясь с новым водоемом и выбирая места для постановки сетей. Гребу очень медленно, осматриваю берега. Правый берег высокий, зарос лесом. Кусты вплотную подступили к воде. Левый – низкий с заливами, заросшими травой и кувшинками. Сети ставили на обратном пути. Возвращались в потемках. На берегу маяком светился костер. Рудольф встретил нас упреком:

- До утра не могли плавать?
- Могли, но не хотели, - ответил Толя.
- Надо изучать родимый край, - добавил я.

Над костром висели чайник и котелок с приготовленной едой. На траве был расстелен плащ с походным сервизом и нарезанным хлебом. Рудольф снял котелок, поставил его около плаща. Мы не заставили себя долго ждать, уселись вокруг котелка и принялись за еду. Пламя костра освещает наш импровизированный стол, играет бликами на лицах моих товарищей. На небе высыпали звезды, луна тусклым светом освещала прибрежные кусты. После продолжительного плавания чувствуется усталость, еда кажется необыкновенно вкусной. Горячий, круто заваренный чай подействовал на меня как снотворное, мне захотелось спать. Такое же действие он, видимо, произвел и на моих товарищей.

- Пора идти в палатку спать, - зевая, произнес Толя, - завтра рано вставать проверять сети.
- Утром торопиться не надо, - назидательно произнес Рудольф, - рыба на зорьке любит гулять.

Сон быстро нас сморил. Засыпая, я слышал спокойное дыхание друзей и думал: «Наконец-то я отосплюсь». Но не тут-то было. Ночи в мае очень короткие. Чуть свет меня разбудила кукушка. Она уселась на березе недалеко от нашей

палатки и отсчитывала кому-то года. Мне казалось, что я совсем не спал. Обругав кукушку, пытался уснуть, но не смог.

После завтрака мы с Толей уселись в лодку и поплыли проверять сети. Солнце уже поднялось довольно высоко над горизонтом, щедро одаривало своим теплом нас и окружающий мир. Воздух был неподвижен и наполнен утренней свежестью. Внезапно тишина была нарушена хлопаньем крыльев уток, взлетевших с воды в небольшом заливе.

К первой сети подводил лодку с приятным ожиданием улова. «Какая рыба попадет в нее?» - думал я.

Улов нас разочаровал. В сети был всего один карась. Не лучше улов был и в других сетях. Проверив десять сетей, мы поймали девять рыбешек. Среди них были чебак, окунь, линь и караси.

Толя недоумевал: почему в такую хорошую погоду рыба не попала в сети.

- Не переживай, - успокаивал я его, - на уху достаточно.

Подплывали к стану мы в одиннадцать часов. Рудольф, раздетый по пояс, с засученными до колен брюками, стоял у берега в воде с удочкой в руке. На наших глазах он поймал несколько карасей. Я навалился на весла и заспешил к берегу. Приподняв садок, в который Рудик опускал рыбу, был очень удивлен. В садке билось около ведра карасей. Не теряя времени, мы с Толей вырубили в ближайших кустах удилища, изготовили удочки и присоединились к Рудольфу. Клев был изумительный. Стоило только забросить леску на глубину за кувшинки, росшие у берега, поплавок моментально уходил под воду. Рыбалка представляла перекладывание карасей из водоема в садки. Получив полное удовлетворение от рыбалки, я решил провести эксперимент. Привязав к леске на поводке второй крючок, закинул удочку. Когда поплавок нырнул в воду, выждал некоторое время, сделал подсечку и выдернул леску из воды. На обоих крючках висели караси, сверкая золотом в лучах яркого солнца.

Клев закончился во второй половине дня. В ту памятную рыбалку мы поймали по два ведра карасей. Пообедав, поплыли снимать сети.

На следующий день утром мы уложили живых карасей в сырой мох и поехали на базу. Часть рыбы закоптили и с хорошим настроением покатили домой. Обратный путь показался короче, а дорога - лучше.

Осень

Осень - чудесная пора года. В тоже время она предвестница наступления холодов, прощания с перелетными птицами, наступления умирания и замирания в природе. Деревья в лесу приобретают новую окраску, созревают ягоды, наступает грибная пора, открывается охота на птицу и зверя. В эту пору невозможно усидеть дома. По лесной тропинке брели Старик и Собака. Они были старенькими и походили друг на друга. Старик медленно продвигался вперед по тропе, Собака шла по зарослям. Из резвой гончей она давно превратилась в пешеходную собаку. Несмотря на возраст, инстинкт заставлял ее искать след зверя. Она периодически выходила к тропе и, убедившись, что хозяин идет в выбранном направлении, вновь исчезала в лесу. Давно отошли в прошлое времена, когда Старик охотился в этих местах со своими друзьями. Его память хранит множество эпизодов из охотничьих встреч с друзьями, которые покинули этот мир. И вот теперь он бредет по лесу с последним своим другом - Собакой. Они помогают друг другу не терять интереса к жизни и природе. Он с наслаждением вдыхал воздух с ароматами леса, присущий только осенней поре. Его обоняние улавливало запахи прелых листьев, сырости и грибов. Вот полусгнивший пень плотно облепили опята. Кажется, что на него одета кольчужная шапка. Вдоль тропы растут сыроежки с розовыми, белыми, зелеными и серыми шляпками. Старик еще не потерял остроты зрения. Боковым взглядом он уловил, как кто-то метнулся с земли на дерево. Присмотревшись, увидел белку, с беспокойством смотревшую на него глазами - бусинками.

- Не волнуйся, милая, - тихо произнес Старик, - мы тебя не тронем.

Услышав его голос, белка торопливо поднялась по стволу дерева к вершине и затаилась. В просветах между кронами деревьев просматривалось голубое небо. Неуловимый ветерок легонько раскачивал верхушки берез. Пожелтевшие листья, сияя золотом, медленно падали на землю.

Полюбовавшись белкой, старик продолжил путь. Вдоль небольшого ручейка осень раскрасила своими необыкновенными красками березы, осины и черемухи. Она не обошла стороной ни одно дерево, к каждому прикоснулась. Для берез не пожалела позолота, для осин - киновари, для черемух - пурпура. Ярким кумачом одела калины. Даже трудно разобрать издали, где ягоды, а где листья. На кромке леса огромным костром пылала рябина, длинные языки пламени замерли, не излучая искр и дыма. «Скоро подует холодный северный ветер, - подумал Старик, - как разбойник налетит и сорвет листья с деревьев. Закончится чудная пора в природе».

Неожиданно послышался азартный лай Собаки. «Нашла все-таки след зайца, - обрадовался Старик, - ради такого момента стоит ходить в лес». Лесную тишину нарушила симфония звуков, милых сердцу охотника - гончатника. Иногда казалось, что зайца гонят несколько собак. Старик давно не берет с собой в лес ружье. Ему жаль наших младших братьев, большую радость доставляет наблюдение за их жизнью. Знакомый лай взбодрил его, прибавил сил, чтобы поспешить занять место, с которого можно будет увидеть зайца. Гон длился не-

долго. Лай оборвался так же внезапно, как и возник. «Быстро устала», - подумал Старик и пошел между берез разыскивать Собаку. Она лежала на траве с раскрытой пастью, высунула язык и тяжело дышала. Увидев хозяина, заскулила от своего бессилия и виновато медленно махала хвостом. Он присел, погладил ее по голове и с грустью произнес: «Наступила и наша с тобой осень. Отдохни немного, и повернем в обратный путь». Услышав спокойный голос хозяина, Собака поняла, что он не сердится на нее и веселее завиляла хвостом.

Содержание

Рассказы

Восьмиклассники
На просторах Уень реки
Журавлиное болото
Судьба грешника
Выбор профессии
Женька-крысолов
Конь на корабле
Любовь и море
На море Обском
Охота на Чанах
Браконьеры
Рыбалка на озере Чаны
Змеиная горка
Последняя спичка
Змееловы
Грибники
Затор на Оби
Гомарус
На озере Дальнем глубоком
Осень

Кайков Альберт Сергеевич

По жизни с верными друзьями

Рассказы

Книга издана в авторской редакции

Дизайн обложки – Мыслин О.Г.
Корректор –
Компьютерная верстка –
Руководитель проекта – Пендюрина Т.В.

Редакционно-издательский центр «Светоч» Правления Новосибирской Областной общественной организации «Общество книголюбов»
Ул. Писарева, 20, тел.(383) 2-247-375